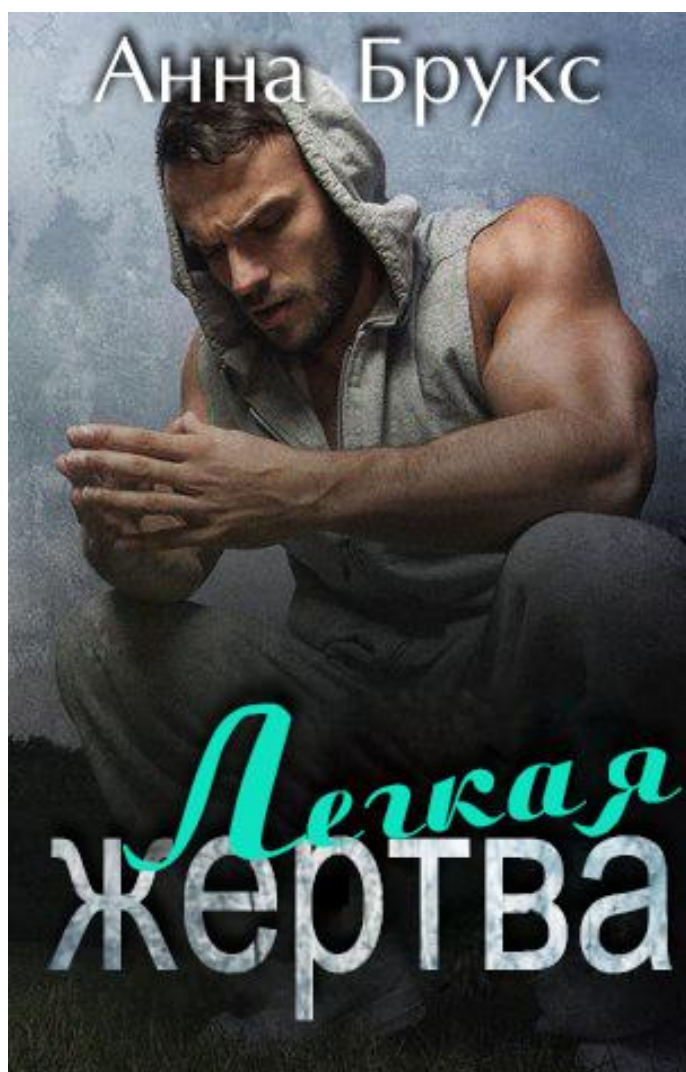

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Анна Брукс

«Легкая жертва»

Серия: вне серии

Автор: Анна Брукс

Название на русском: Легкая жертва

Серия: вне серии

Перевод: А. Перепелица (3-21 гл.),
Анна Tomis (эпilog)

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Мария Суркаева

Оформление: Eva_Ber

Аннотация

Джесса:

Он был там, когда я нуждалась в нем.

Он появился словно герой и спас меня.

Я хотела, чтобы он остался, я хотела узнать его... я хотела *его*.

Но он всегда уходил без единого слова.

В последний раз я видела его на заднем сиденье полицейского автомобиля, обвиненного в убийстве, которое совершила я.

Тай:

Она смотрит на меня, словно я особенный.

Она думает, что я смогу что-то предложить ей, но она ошибается.

Все, что у меня есть, это уважение среди бандитов и мои кулаки.

Но ради нее я возьму вину на себя.

И хотя я никогда не был достоин ее, я пожертвую всем, чтобы быть уверенным, что она сможет дышать, в то время как я буду задыхаться.

ПРОЛОГ

Тай

Двенадцать лет

Охранник думает, что он очень хитрый и хорошо маскируется, когда следует за мной на буксире, толкая тележку. Я намеренно смотрю на него, нацепив на лицо маску грусти, которую я использую, чтобы дурачить людей. Он смотрит в сторону и хватается что-то с полки. Глупый дилетант. Когда он заворачивает за угол, я хватаю банку с арахисовым маслом и засовываю её под пальто, а затем беру еще одну и бросаю в свою корзину.

Я направляюсь к кассе и ставлю корзину на конвейерную ленту. Продавщица достает одну за одной мои покупки и сканирует их. Словно голодный ребенок, я смотрю, как она сканирует хлеб, овсяные хлопья, две банки кукурузы, четыре пакета лапши и арахисовое масло.

— Всего одиннадцать пятьдесят девять.

— О, у меня есть всего десять долларов, — я надуваю губы и переступаю с ноги на ногу, изображая неловкость. Мои руки дрожат, когда я протягиваю мятую банкноту. — Можете ли вы вычесть арахисовое масло, пожалуйста? Будет ли тогда этого достаточно?

Она смотрит на меня с сочувствием, и ее глаза становятся влажными.

— О, эмм...

— Я заплачу за это. Просто добавьте его в мой счет, — говорит пожилая женщина позади меня, глядя на меня по макушке.

Я поворачиваюсь к ней и демонстрирую мое лучшее выражение благодарности.

— О, мэм, спасибо. Большое спасибо, — и снова протягиваю деньги кассиру.

— Нет. Держите это. Я позабочусь об этом, малыш, — настаивает пожилая дама.

— Вы уверены? — спрашиваю я. Она кивает и улыбается, морщины на ее усталом лице от этого становятся глубже.

— Спасибо! — я вытягиваюсь и обнимаю ее, и она гладит меня по спине. — Пожалуйста, дорогой.

Я засовываю свои замызганные купюры обратно в карман и беру две сумки, которые кассир протягивает мне. Я выхожу на улицу, заворачиваю за угол, а затем следую вниз по улице и через переулок, чтобы добраться до своего дома. Я даже не потрудился повернуть ручку входной двери, так как замок сломан. Вместо этого я использую ногу, чтобы пинком открыть дверь.

Когда я иду по коридору к счастливому номеру тринадцать, я опускаю сумки и выхватываю ключ из кармана джинсов, чтобы открыть дверь. Как только вхожу внутрь, я запираю дверь, ставлю продуктовые сумки на кухонный стол, а затем иду в свою комнату.

Моей мамы нет дома, так что я быстро расстегиваю молнию своей куртки и вижу, как банка с арахисовым маслом и пакетик с «М & М» падает на ковер. Я спешу к своему шкафу, поднимаю одну из половых досок и прячу все в тайнике. Я возвращаю доску на место, как она и лежала, а затем иду обратно на кухню, чтобы вынуть продукты. Я научился прятать некоторый запас пищи с тех пор, как мужчины, которые приходят, всегда, в конечном итоге, съедают всю еду, что есть на кухне.

Звон ключей тревожит меня, но когда я узнаю знакомый кашель, я расслабляюсь. Мама входит с сигаретой во рту. Она замечает меня сразу же.

— Мои деньги у тебя?

— Да, все десять, — я вытаскиваю их из кармана и передаю ей.

Она обнимает меня дрожащими руками.

— Такой хороший мальчик. Ты никогда не подводил меня.

Глава 1

Джесса

Шестнадцать лет

— Джесса, я задал тебе вопрос.

Мое внимание возвращается к нашему учителю, мистеру Расселу, и я отвожу взгляд от безумно привлекательного нового парня.

— Извините, я не слышала.

— Если вы не можете сосредоточиться на уроке, мисс Крю, то, возможно, вы хотели бы провести остаток занятия в кабинете директора.

Я изумленно смотрю на него, моя шея и лицо заливаются краской. Уверена, что я ярко-красная сейчас. Пытаюсь что-то сказать, но ничего не выходит.

— С двадцать девятого по тридцать девятый.

Поворачиваюсь к мальчику, который стал причиной моего невнимания. Он новичок здесь, и я не могу отвести от него взгляд. Крупнее, чем большинство парней в классе, даже тех, которые играют в футбол. Он одет в черную футболку, заношенные джинсы и пару серых конверсов. Его глаза — вот что привлекло меня. Даже через два ряда я могу

увидеть янтарные вкрапления в светло-зеленой радужной оболочке. Он красивый. Грубый и опасный, но красивый.

— Простите? — спрашивает его мистер Рассел.

— Великая депрессия (*прим. Великая депрессия — мировой экономический кризис*) началась в октябре тысяча девятьсот двадцать девятого. К тысяча девятьсот тридцать третьему году приблизительно тринадцать миллионов американцев остались без работы. Рузвельт помог уменьшить последствия путем льгот и реформы в тридцатых годах, но состояние экономики не вернулось к прежнему состоянию до гражданской войны в тридцать девятом.

Мистер Рассел смотрит на мальчика большими глазами и кивает. Нет, не мальчика, но еще не мужчину, хотя он скоро им станет. Очень скоро. Быстрее, чем все остальные. Не только его тело свидетельствует об этом, но и мудрые не по годам глаза.

— Очень хорошо. Теперь, если все откроют страницу восемьдесят три... — голос учителя исчезает, поскольку я продолжаю наблюдать за новичком. В конце концов, он посмотрит на меня, не так ли? Хочу еще раз увидеть его глаза.

Когда звенит звонок, я вскакиваю, чтобы собрать книги, раздраженная, что он снова не взглянул на меня. Может быть, поблагодарю его за спасение моей задницы, тогда ему придется посмотреть на меня, не так ли? Да. Это то, что я решаю сделать. Но к тому времени как встаю, он уже ушел.

Моя подруга Кэт берет меня под руку в коридоре.

— О, мой бог! Джесса, что случилось с мистером Расселом? Он так придирался к тебе!

— Я не знаю.

— Боже, какой придурок, — она надувает пузырь из жвачки и тянет меня за собой в уборную. Я наношу больше блеска для губ, в то время как она пишет.

— Дерек уже пригласил тебя на танцы?

— Нет.

— Он пригласит.

— Думаю, что да, — говорю, пожимая плечами. — Хотя я видела, как он ушел с Эшли после школы вчера, так что он может позвать и ее.

Вода в туалете сливается, Кэт выходит и моет руки в раковине рядом со мной.

— Он будет идиотом, если не пригласит тебя.

Я качаю головой на ее слова.

— Я серьезно, Джесса. Ты красивая, веселая, умная, и твой папа председатель школьного совета.

— Именно поэтому он хочет пойти с Эшли, а не со мной, — я познала на горьком опыте, что люди в школе, как правило, использовали меня, чтобы получить что-то. Например, изменить оценку, сделать исключение из правил. Или они держатся подальше, чтобы избежать моего отца.

— Без разницы. Если он пригласит Эшли, то это будет его потеря, — она закатывает глаза, и мы идем, направляясь к нашим шкафчикам, чтобы положить книги и пойти домой.

— Честно говоря, я даже не очень хочу идти, Кэт, — признаюсь подруге.

— Что? Почему?

— Это просто не мое. Не люблю танцевать. Лучше побыть в приюте для животных.

Предпочитаю одиночество, когда не в школе. Люблю смотреть кино, читать или проводить время с моими животными. Я не затворница, просто мне так удобно. Почему я должна хотеть тусоваться с людьми, которые не особо мне нравятся?

— Ах, Боже! Джесса, не будь такой скучной! — она идет по коридору к моему шкафчику и слегка пихает меня. — Это же бал выпускников. Ты должна пойти.

Я закрываю дверцу шкафчика, сдуваю с глаз челку и игнорирую Кэт. Мы идем к стоянке, где ее старший брат Вон ждет нас в своем грузовике. Она скользит первой, и я сажусь рядом.

— Эй! — говорит он, прежде чем закрываю дверь.

Кэт и я отвечаем:

— Эй! — и машина срывается с места в сторону дома. По пути я опускаю окно и позволяю ветру раздувать волосы. Потом я вижу его, идущим по улице. Когда мы проезжаем мимо, я поворачиваюсь и вижу лицо новичка.

Он поднимает глаза, наши взгляды встречаются, и я не моргаю... Не могу. Он заворачивает меня. Этот парень отличается от всех, кого я встречала. Даже не разговаривая с ним, не зная, как его зовут, решаю, что это так. Познакомиться — вот чего я хочу. Поговорить с ним, чтобы он смотрел в мои глаза, а я могла потеряться в его.

Он постепенно исчезает из виду, когда мы двигаемся дальше, и я закрываю глаза, чтобы сохранить его образ, попытаться навсегда запомнить.

Вон подъезжает к моему дому через несколько минут, я благодарю его, обнимаю Кэт, а затем захожу в дом. Мои собаки, Воробей и Зяблик, уже ждут. Они подпрыгивают, Воробей на трех лапах, с нетерпением ожидая прогулку.

* * *

— Ты выглядишь мило, — говорит Дерек, держа меня за руку, когда мы входим на танцы. Он пригласил меня на прошлой неделе, и, хотя это было в последний момент, я смогла достать платье. Мне совсем не хотелось идти, но Кэт настаивала и умоляла, говорила что-то о воспоминаниях, так что я сдалась.

— Благодарю.

Как только мы попадаем в переполненный зал, я понимаю, что музыка звучит слишком громко, огни ослепляют... Вспышки стробоскопов отражаются от вращающихся диско шаров, свисающих с потолка. Дерек тянет меня в центр зала и поворачивает к себе спиной. Он хватает меня за бедра, притягивает ближе, потом начинает танцевать. Я чувствую, как его твердость упирается в меня, стараюсь не замечать это и получать удовольствие, позволяя своему телу двигаться под музыку. Но в течение вечера я понимаю, насколько не хочу быть здесь. Мы даже не друзья, поэтому я испытываю неловкость.

Я радуюсь, когда объявляют последний танец. Мы с Дереким медленно покачиваемся, его руки лежат у меня за спиной. Песня заканчивается, и я обнимаю его:

— Спасибо за то, что пригласил меня. Я хорошо провела время, — вру я ему. Это был не самый худший вечер в моей жизни. Но если бы я знала, что он постоянно будет тереться своим членом, лучше бы заболела гриппом до того, как Дерек приехал за мной.

— Давай выбираться отсюда. Все едут в отель на реке, — он тащит меня за руку, и я сопротивляюсь.

— Я просто хочу вернуться домой.

— Давай, Джесса, будет весело.

— Что будет весело? — меня за шею обнимает Кэт. Ее почти белые волосы уложены в изящную высокую прическу, голубые глаза светятся. Хочу сказать, какая она сука за то, что заставила меня прийти. Но это моя лучшая подруга, и я знаю, что у нее только добрые намерения.

— Вечеринка на набережной, — встречается Дерек.

— Да! Давай, Джесса, все идут, и ты должна пойти! — она смотрит на меня щенячьими глазами, и я соглашаюсь.

— Хорошо, но только ненадолго.

— Отлично, — Дерек обнимает меня за талию и ведет к лимузину, который он арендовал. Еще несколько пар забираются, кто-то достает алкоголь из сумки и начинает передавать бутылку по кругу. Я отказываюсь, когда он предлагает мне выпить. Дерек пожимает плечами, делает еще один глоток и передает спиртное дальше.

Тихая отдаленная дорога, отель расположенный в нехорошем районе... И мое раздражение превращается в страх, я не решаюсь выйти из лимузина. Всей компанией мы идем к задней части здания и входим в абсолютно темную комнату. Свет включается, и я шокирована, когда вижу бочонок между двух огромных кроватей.

— Класс! Вечеринка! — кричит кто-то, проходя мимо.

Дерек покидает меня и идет напрямик за красным пластиковым стаканчиком, чтобы налить пива. Я сижу на стуле и медленно продвигаюсь назад, наблюдая, как все больше и больше людей входят в помещение. Кэт сразу меня замечает, когда входит в комнату.

— Что ты делаешь одна в углу? — перекрикивает она музыку.

— Я не хочу быть здесь, — говорю я решительно, сдерживая слезы. В комнате, заполненной телами, я начинаю чувствовать клаустрофобию и просто хочу вернуться домой. — Я ненавижу это дерьмо.

Она хмурит брови, понимая теперь насколько мне некомфортно:

— Тогда давай отвезу тебя домой.

— Нет, ты оставайся. Спрошу, может ли водитель лимузина Дерек отвезти меня.

— Мой брат на вечеринке несколькими этажами ниже, он был бы рад забрать тебя.

— Не хочу его беспокоить. Если на лимузине не получится, тогда попрошу Вона, — я доверяю ему, но не хочу портить вечер, вынуждая везти большого ребенка домой.

Парень Кэт подходит, целует ее в шею и уводит:

— Найди меня, если у тебя будут проблемы, — кричит она, растворяясь в переполненном зале. Seriously, здесь как в бочке с сардинами. Как это может нравиться?

Я вижу Дерек разговаривающего с Эшли и начинаю пробираться к ним, извиняясь по пути. Что за придурок, он должен быть здесь со мной, а сам бросил, чтобы ошиваться со школьной шлюхой. Я медленно продвигаюсь между людьми, потому что никто не слышит, когда я прошу подвинуться.

— Привет, я собираюсь уходить. Как думаешь, водитель твоего лимузина может подбросить меня до дома? — спрашиваю Дерек, когда, наконец, добралась до него.

— Не уходи, — просит он.

Не понимаю. Почему, черт возьми, он хочет, чтобы я осталась?

— Я устала.

Он смотрит на Эшли, потом отталкивается от подоконника, к которому прислонялся.

— Я провожу тебя к лимузину.

— Благодарю.

Когда Дерек видит, как я стараюсь пройти сквозь толпу, он отталкивает меня в сторону, хватает за руку и тянет через всех. Я чувствую себя, как чертов мячик для пинг-понга. Мы выходим в коридор, я иду налево, а он тащит меня вправо.

— Я думаю, мы пришли этим путем.

— Да, но водитель припарковался сзади.

— Ой.

Холодный воздух ударяет в лицо, и я вздыхаю. Наконец, когда я на улице, чувствую, что могу дышать. Осматриваю тускло освещенное пространство, но не вижу лимузин.

— Он не должен был вернуться сюда.

— Нет, он за углом, — говорит Дерек, разворачивает меня и шагает вперед, заставляя отступить. Мое платье цепляется пайетками за кирпичную стену. — Заставь меня кончить, Джесса.

— Что? — задыхаюсь я.

— Давай, я купил билет, оплатил ужин и танцевал с тобой всю ночь. Меньшее, чем ты можешь отблагодарить меня, это сделать минет, — он тянет мою руку к своей промежности и прижимает ладонь к твердому члену.

— Нет! — я стараюсь вырвать руку, но его хватка становится крепче.

— Давай, Джесса. Не будь такой фригидной, — он двигается ближе, прижимая меня бедрами к стене. — Я согласен, чтобы ты сделала все руками.

Он облизывает мои губы, и я отворачиваюсь:

— Остановись, Дерек.

— Джесса, пожалуйста. Подрочи.

— Нет! Боже, что с тобой не так? — я пытаюсь оттолкнуть, но, видимо, мои действия злят его, потому что он хватается за горло.

— Со мной все нормально, Джесса. Это ты думаешь, что лучше всех. А теперь, черт возьми, подрочи мне.

Проклятье, что с ним не так? Он был любезен со мной, но обращался с другими людьми, будто они хуже его. Все же, никогда не думала, что Дерек сделает что-то такое.

— Нет.

— Хорошо, — он сжимает мое горло, и когда начинается нехватка воздуха, я задыхаюсь, пытаюсь кричать. Давление становится сильнее, и я начинаю метаться.

— Ты собираешься сделать это? — спрашивает Дерек.

Я киваю, и он отпускает.

— Встань на колени. Я хочу минет, так как ты заставила меня потрудиться, уговаривая тебя.

Я качаю головой, не соглашаясь.

— Пожалуйста, не заставляй меня, Дерек. Пожалуйста, — прошу я. Слезы катятся по щекам, дыхание становится прерывистым от страха.

— Я быстро.

Я рыдаю, опускаясь на колени, но пользуюсь возможностью и бью его кулаком по яйцам. Когда он хватается за больное место, я бегу. Слышу проклятия позади и уже собираюсь завернуть за угол, как меня дергают назад за волосы. Дорогая прическа была пустой тратой.

Я кричу, падая на землю. Большое, мускулистое тело полузащитника приземляется на меня, выбивая воздух из легких, и рука Дерека снова обхватывает горло.

— Сука, — выплевывает он.

Я тщетно пытаюсь вздохнуть, когда он задирает платье на живот. В то время как Дерек расстегивает брюки, я понимаю, что зрачки его глаз больше, чем обычно. Наконец, в состоянии говорить, я рыдаю и умоляю, чтобы он остановился. Но каждый раз, как я это делаю, его рука напрягается, показывая, как легко меня задушить.

Молния на штанах расстегивается, и я отворачиваюсь, не могу смотреть, как это происходит. Я кричу от ужаса, когда он срывает мое нижнее белье.

— Заткнись, Джесса. Черт.

Раздается ворчание, и так как я не смотрю, не понимаю, почему Дерек больше не на мне. Все, что я знаю, это то, что его нет и можно, наконец, вздохнуть, так что я поднимаюсь и хочу убраться отсюда. Но то, что я вижу, одновременно пугает и успокаивает.

Это *он*. Первое, что замечаю, — его черная футболка, потом кулак, летящий в лицо Дерека, затем колено в пах, и насильник кричит. Интересно, в возбужденном состоянии это больнее?

Он ничего не говорит, но продолжает бить Дерека с яростью, которую я видела только в боевике... Все происходит как во сне, но этот парень доказывает, что я неправа.

У Дерека на лице раны в нескольких местах, кровь стекает на белую накрахмаленную рубашку. Он падает на землю, получая последний удар в живот.

Мой спаситель стоит над неподвижным телом Дерека, выжидая, когда тот пошевелится. Минута проходит без изменений, парень поворачивается и смотрит на меня, пройдясь взглядом с головы до блестящих серебряных ногтей на ногах и обратно.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю. *Теперь, когда ты здесь.*

— Да. Спасибо.

Он подбирает и протягивает мои разорванные трусики.

— Я провожу тебя домой.

Он уходит, и я спешу догнать его. Мы не далеко от моего дома, но идти пешком не так близко. Легче было бы позвонить родителям, чтобы они забрали меня, но не хочу, оставаться здесь и ждать. Я чувствую себя в безопасности, будто ничего плохого не может случиться, потому что он не допустит.

Мне пришлось ускориться, чтобы поспевать за ним, и через несколько кварталов мои ноги начинают гореть. Вообще-то, я на каблуках.

— Мне нужно замедлиться, — говорю я.

Он поворачивается, смотрит на мою обувь и снижает темп.

— Так что, э-эм. Спасибо. Еще раз.

В ответ он только молча кивает. Нет ни «пожалуйста», ни чего-то подобного.

— Почему ты там оказался? Я не видела тебя на танцах.

Он не отвечает, так что я пытаюсь снова:

— Как тебя зовут?

— Тай.

Я понимаю его неразговорчивость, как намек, чтобы быть тихой и просто следовать за ним. Не понятно, откуда он знает, где я живу, но я слишком перегружена эмоциями, чтобы думать сейчас об этом.

Мы всего в двух кварталах от дома, но мои ноги подводят. Я останавливаюсь у дерева, снимаю туфли и иду босиком. Тай ждет, когда я догоню, затем поворачивается и берет меня на руки.

Я задыхаюсь и хватаю за его футболку. Я разглядываю его, пока он на меня не смотрит. Густые брови, три веснушки с правой стороны и черные ресницы. Его глаза пристально изучают окрестности.

Под одеждой, его сердце бьется напротив моей руки уверенно и спокойно. Так же, как он сам.

Тай ставит меня на нижнюю ступеньку крыльца, поворачивается и уходит. Он уже у тротуара, когда я кричу:

— Подожди!

Я бегу вниз по дорожке, не обращая внимания на боль в ногах:

— Ты не можешь просто уйти.

— Иди внутрь, — он разворачивает меня за плечи и подталкивает обратно в сторону дома. — Давай.

Я оборачиваюсь.

— Нет.

Он вздыхает и скрещивает руки:

— Что, Джесса?

— Ты знаешь мое имя?

— Да.

— Что ты там делал?

— Встречался с друзьями.

— Почему ты не был в школе?

— Слушай, — он распрямляется, оглядываясь вокруг. — Я был в нужном месте в нужное время. Это все, ладно? Надеюсь, что этот мерзавец не будет связываться с тобой снова.

— Я не знаю.

— Мне нужно идти, — он поворачивается и уходит прочь, прежде чем у меня появляется шанс ответить.

У меня так много вопросов, я очень хочу поговорить с ним. Его присутствие помогло отвлечься от происшествия с Дерекком. Боюсь, что, когда Тая не будет рядом, страх того, что произошло и что могло бы случиться сегодня вечером, накроет меня. Я бы хотела просто сидеть с Таем всю ночь, но так как у меня нет такого шанса, я опускаю голову и возвращаюсь к крыльцу. Когда я оглядываюсь, его уже нет.

Глава 2

Джесса

Восемнадцать лет

— Ты готова к завтрашнему дню? — спрашивает мама, присоединяясь ко мне на крыльце.

— Да, я так рада, что средняя школа закончилась.

— О чем думаешь?

Полагаю, материнский инстинкт помогает ей понять, когда что-то происходит.

— Он был там в ту ночь, мама.

— Знаю, милая. Я верю тебе.

— Думаю о нем все время. Не понимаю, как едва знакомый человек, стал так много для меня значить, — Тай постоянно в моей голове. Это больше, чем подростковое увлечение. Он больше, чем это... Он все.

Она поглаживает мое колено и сжимает его.

— Иногда, нет объяснения происходящему, Джесса. Но мне не нравится, что ты так заиклилась на ком-то, кто появился, чтобы сразу исчезнуть.

— Я знаю, — вздыхаю и кладу голову ей на плечо. — Просто не могу выбросить его из головы. Он всегда там. Тай оставил меня в жизни, но никогда не покидал сердце, и это причиняет боль.

— О, милая, — она нежно гладит мои волосы. — Хотела бы я сказать что-то, чтобы тебе стало лучше, но правда в том, что вылечить разбитое сердце не так просто. Однажды, ты будешь двигаться дальше, но до тех пор, попытайся помнить его, хорошо?

— И что же ты думаешь, кем он был?

— Он был спасителем, милая. Избавил тебя от ужасной ситуации. Может, ему не суждено быть большим, чем это.

Мама целует меня в макушку и уходит внутрь, оставив меня потрясенной. Нет, она ошибается. Он должен быть гораздо больше чем это. Я просто боюсь, что у меня никогда не будет возможности узнать наверняка.

* * *

Весь наш выпускной класс бросает шапочки в воздух, и я улыбаюсь, когда ловлю свою. Наконец-то. Сделано. Я покончила с этой дырой. Покончила с этими осуждающими людьми, с тупой политикой этого сообщества. Я покончила с этим к чертям собачьим.

Кэт, мой единственный верный друг, берет меня под руку, и я обнимаю ее в ответ:

— Ура!

— Я знаю, ладно. Ура!

Мы направляемся туда, где наши родители и семьи возбужденно сидели в течение двухчасовой церемонии. Все едут в местный ресторан в центре города, и мы друг за другом паркуемся в гараже. Наш ранний ужин счастливый, веселый и праздничный. Кэт уезжает в колледж в Нью-Йорк, а я собираюсь в Калифорнию. Мне нужно выбраться из города на некоторое время и посмотреть, что есть за его пределами. Уверена, что вернусь, в конце концов.

Бабушка и дедушка Кэт покидают ресторан в то же самое время, что и мои, ее родители следом за ними. Мама и папа остаются немного дольше. Когда папа зевает, мы все вместе уходим.

— О, а давайте пойдем в этот новый йогурт-бар! Мороженое звучит здорово! — говорит Кэт взволнованно. Вон просто качает головой своей младшей сестре сладкоежке.

— Вы трое идите вперед. Мы устали, и он нуждается в своем лекарстве от давления, — говорит мама, склонив голову к отцу.

— У меня, вообще-то, свидание вечером, так что я должен идти, — говорит Вон.

— Конечно, ты должен, — дразнит Кэт. — Мой брат бабник.

— Эй, я не могу ничего поделаться, дамы не могут сопротивляться мне, — он обнимает всех девушек, потом пожимает руку моему отцу и направляется в гараж.

— Думаю, остались только мы, — подмигиваю я Кэт, и она улыбается шире; у нее прекрасные белые зубы, спасибо отцу за посещение ортодонта. Она может сниматься в рекламе зубной пасты, такие они красивые.

Мы идем к маленькому магазину на углу отведать восхитительное угощение. Кэт берет шоколад поверх шоколадного мороженого, а я ванильное с «Орео» (*прим. Oreo — печенье, состоящее из двух шоколадных дисков и сладкой кремовой начинки между ними*).

Мои щеки болят от того, что я так много улыбаюсь, потому что я не могу поверить, что мы наконец-то выпустились. После той ночи с Дерексом последние пару лет были тяжелыми для меня. Я рассказала родителям, как только вернулась домой. Это было его слово против моего, и потому, что отец Дерекса был судьей, у него не возникло проблем.

Парень утверждал, что в то время как мы вышли на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, на нас напали, и я убежала домой пока он отбивался. Эшли сказала, что я добровольно ушла с Дерексом, и так как она была той, кто нашел его в переулке, полиция поверила в их историю.

Это не имело даже смысла. Не стала бы я вызывать полицию? Не стала бы волноваться за безопасность Дерекса? Они пытались сказать мне, что я была в шоке.

Люди начали говорить за моей спиной, считая меня лгуньей, ябедой и ханжой. Мне было плевать, никто из них никогда не был моим другом, кроме Кэт, так или иначе, но все равно обидно, что некоторые, особенно девушки, осуждали меня.

Тай не возвращался. Я не видела его с того дня. Говорили, что он исчез. Мой отец использовал все возможные ресурсы, чтобы найти его. По-видимому, он был в приюте в то время, поэтому было легко убежать незамеченным.

Я думаю о нем постоянно. О его красивых глазах, и как он прижимал меня в своих объятиях. Я никогда не чувствовала себя более счастливой и защищенной, чем в те несколько коротких минут, когда он нес меня. Боже, я хочу больше этого.

Вне зависимости от того, что случилось в ту ночь и независимо от того, как все называли меня, я знаю, что он мне поверил. Тай поверил и спас меня. Если бы не он, кто знает, что случилось бы. Не хочу думать об этом. Не хочу играть в игру «что — если». Я просто буду двигаться дальше.

Кэт и я садимся в наши автомобили, и она машет, когда уезжает. Я вставляю ключ в замок зажигания, но ничего не происходит, когда поворачиваю его. Какого черта? Пробую еще раз с тем же результатом. Достāju телефон позвонить Кэт, чтобы она приехала забрать меня, но у меня нет связи здесь на парковке. Выбравшись из машины, обхожу вокруг,

пытаюсь найти сервис. Когда я выхожу на тротуар, приближается мужчина, бегущий трусцой.

Он высокий, одет в серые спортивные штаны и серую кофту с капюшоном и оторванными рукавами, открывающими большие бицепсы. Его голова опущена, но почувствовав меня, он поднимает взгляд.

— Тай, — шепчу я, сердце останавливается, и мурашки покрывают кожу.

Он замедляет бег и останавливается передо мной. Его вздымающаяся грудь так близко. Он больше не мальчик. Я знала, что Тай вырастет симпатичным, но не ожидала, что таким красивым.

Его глаза исследуют мое лицо, скользят ниже к груди, которая выросла с тех пор, как я в последний раз видела его, затем опускаются к блестящим розовым ногтям на ногах и возвращаются наверх. Я вздыхаю и кладу руку на грудь, желая, чтобы мое сердце снова билось.

Он должен чувствовать это. Связь. Искру. Это неоспоримо, и я не думаю, что когда-либо будет сравнимо с чем-то еще. Как случилось, что эти чувства не прошли за несколько лет?

— Почему ты исчез?

— Я был поблизости.

— Где?

— Почему ты здесь? — спрашивает он в ответ.

— Перестань быть таким таинственным, Тай. Боже. Я просто хочу поговорить с тобой. Ты не можешь сказать мне, что я единственная, кто знает, что здесь есть что-то, — я показываю жестом между нами.

— Нет, ты права, — кивает он. — Но сладкая невинная маленькая девочка, как ты, и парень, как я, не принадлежат друг другу, детка.

— Откуда ты знаешь, что я милая и невинная?

Его язык высовывается и увлажняет губы, а затем он приближается на пару шагов ближе. Мое дыхание задерживается, и когда Тай проводит пальцем по моей щеке, я закрываю глаза. Опуская голову, он ведет носом вдоль моего уха, прежде чем чувствую его губы:

— Черт, ты так хорошо пахнешь.

Я громко глотаю, и он посмеивается:

— Нервничаешь?

— Нет.

Он вздыхает, делает шаг назад, затем проводит рукой по своим волосам:

— Почему ты здесь?

— Почему ты оставил меня в ту ночь и никогда не возвращался? Я скучала по тебе.

— Мне нужно, чтобы ты поверила в то, что для тебя же лучше, если мы не вместе, хорошо? Проклятье, я соскучился по твоему красивому лицу так сильно, но черт... Так, почему ты здесь одна?

Скрещиваю руки на груди и сдаюсь. Я могла бы привлечь его, но Тай, вероятно, прав. Он испорченный мальчик, а я наивная девочка. Но это не значит, что я не хочу узнать его. Существует что-то между нами на не понятном мне уровне. Нужно просто больше времени с ним:

— Моя машина не заводится, и нет связи.

Он кивает и идет к моей машине, наклоняется, а затем открывает капот:

— Попробуй завести снова.

Не сомневаюсь в его действиях, так как он, кажется, знает, что делает, и я поворачиваю ключ с тем же результатом.

— Это из-за свечей зажигания. Я могу поменять их. Просто нужно пойти в магазин и купить их.

— Хорошо.

Он захлопывает капот, затем начинает уходить. Я наблюдаю за ним, не зная, что делать. Тай такой интригующий, такой спокойный и неуловимый — причины, по которым учащается сердцебиение. Он плохой мальчик с мягким сердцем. Парень, с которым твои родители не захотят, чтобы ты пошла на свидание. Человек, который будет защищать тебя до последнего вздоха.

Он поворачивает голову, чтобы увидеть меня через плечо:

— Ты идешь?

Заблокировав за собой дверь, я спешу и догоняю, практически бегу, чтобы не отставать от него. Мои туфли намного более удобны в этот раз. Когда мы через пол мили входим в сомнительный район, я автоматически тянусь к его руке.

Он смотрит на меня сверху вниз:

— Не бойся, — кадык движется чуть-чуть, и его глаза темнеют, прежде чем он смотрит по сторонам. Снова его взгляд повсюду, ища что-то или кого-то. Не знаю, не хочу знать, но что бы это ни было, не хотелось бы, чтобы это была я.

После небольшой остановки, он открывает дверь в старом потрепанном пикапе и заводит меня внутрь, держа за руку, чтобы помочь. Влезаю внутрь без колебаний. Как правило, я бы скептически относилась к любому другому парню, но не к нему. Чувствую, что знаю его всю свою жизнь. Он проходит к другой стороне, хватая ключ из-под коврика, затем поднимается и заводит большой тарахтящий грузовик.

— Куда мы едем?

— Чинить твой автомобиль.

— Как твои дела?

Он ворчит, поворачивая за угол:

— Действительно? — отвечаю себе с сарказмом. — Это круто. Я замечательно, огромное спасибо за вопрос.

Его губы приподнимаются выше, и я вздыхаю. Ему идет улыбка.

— Ты должен чаще улыбаться, — предложила я.

— Я не улыбнулся.

— Улыбнулся.

— Нет.

— Да.

— Какая разница, — улыбается он еще больше.

Я приподнимаюсь:

— Ты улыбнулся. Мне понравилось. Это делает твой образ менее криминальным.

В миллисекунды настроение меняется в кабине, а небольшая улыбка превращается в жесткую линию. Черт, я идиотка.

Я поджимаю губы и смотрю в окно. Через пять минут он въезжает в автомастерскую и выключает двигатель. Я выскакиваю из грузовика и спешу за ним, так как мы находимся в еще худшем районе, чем раньше.

Он отпирает дверь и включает свет. Я держусь рядом, пока он хватается некоторые инструменты и автомобильные вещи, а затем следую за ним обратно в грузовик. Тай кладет вещи на сиденье между нами, и мы выезжаем.

К тому времени, когда мы возвращаемся, солнце начинает садиться и холодает. Когда я прыгаю вниз из грузовика, он кивает на капот, и я отпираю дверь своими ключами, а затем тяну за рычаг, чтобы открыть капот.

Я сижу на бордюре, наблюдая за его работой. Он быстрый и уверенный, останавливается только, чтобы схватить другой инструмент или положить что-то. Примерно через сорок минут он захлопывает капот, собирает свои вещи и швыряет их обратно в грузовик.

— Ключи, — говорит Тай, протягивая грязную руку.

Я бросаю их в него, и он наклоняется, чтобы завести машину. Делает шаг назад и указывает на мой автомобиль:

— Теперь все в порядке.

— Спасибо, — встаю, нагибаюсь, чтобы забрать свой кошелек, а затем поворачиваюсь, чтобы спросить, могу ли я увидеть его снова, но он уже в своем грузовике.

Рев двигателя отзывается эхом, когда Тай выезжает из гаража. Не успела я моргнуть, как он уже уехал. Чувствую себя дерьмом из-за того, что расстроила его, но и в бешенстве и разочаровании, потому что парень опять просто уехал. Так что еду туда, где мы забрали его грузовик, предполагая, что это его дом, но это не так. Затем проверяю гараж, несмотря на то, что быть одной в этом районе пугает меня до чертиков. Конечно, его нет и там.

Мое сердце сжимается, и слезы жгут глаза. Думала, что никогда не увижу его снова, и когда встречаемся, Тай спасает меня во второй раз, а затем уезжает, будто я ничего не значу для него.

Тай

Боже, она охренительна. С ее большими голубыми глазами и длинными светлыми волосами, которые обрамляют ангельское личико. Веснушки, которые танцуют на милом лице, искушают меня поцеловать каждую из них. Пухлые губы так привлекательны. Кожа умоляет кончики пальцев исследовать каждый дюйм.

Но я не могу. Никогда не смогу. Она слишком хороша. Слишком чиста. Слишком невинна.

Я — никто иной, как лжец. Вор. Жулик. Преступник, как она и сказала.

Мой мир и ее не пересекаются. Я не злюсь из-за этого, не плачу по тому, что никогда не попробую вкус рая. Никогда не узнаю, как чувствуется непорочность.

Моя жизнь принадлежит мне, и Джесса не будет с ней связана. Для ее же блага, она должна держаться подальше и не смотреть такими глазами. Она хочет больше, чем просто меня; смотрит и видит насквозь. Прожигает дыру прямо к моему каменному холодному сердцу, а я не могу этого допустить. Она не должна отвлекать меня, если я хочу остаться в живых, и чтобы моя мама выжила. Потому что они нас убьют.

Но черт подери, Джесса вынуждает меня сказать, «пошло оно все к черту», и убежать с ней. Взять ее туда, где будем только мы. Никого, кроме нас двоих. Ни наркоты, ни денег, ни лжи.

К сожалению, я не могу этого сделать. Ничего не могу, только остановить насильника за гостиницей или заменить ей свечи зажигания. Я не переставал думать о ней с той ночи. Черт, невозможно не вспоминать о Джессе постоянно с тех пор, как в первый раз положил на нее глаз.

Независимо от того, что я пережил или что должно произойти, знаю, что никогда не буду чувствовать такую свирепость, которую чувствовал в тот момент, когда увидел, что это снова была она.

В то мгновение, когда я сел на свое место в классе все эти годы назад, она обозначила свое присутствие. Сверлила меня взглядом. Я думал, что она смотрит на меня, потому что задумалась о новом парне... но эта девушка не была, как все остальные. Когда я, наконец, взглянул на нее, она смотрела не с отвращением и антипатией.

Не так, как будто я грязный бедный парень, которого мама научила красть, когда ему было пять лет и который жил в автомобиле в течение четырех лет.

Не как на маленького мальчика, который должен был очистить рвоту своей мамы и не спать всю ночь, чтобы убедиться, что она не умерла.

Не как на ребенка, переживающего период полового созревания, который стрелял человеку в колено, когда он пытался запихнуть свой член в его рот.

Не как на подростка, который должен был убить парня, когда он трахал его мать в жопу, пока она вырубилась с иглой в руке, а после этого очистить ее и сжечь тело того человека, чтобы избавиться от улики.

Не так, как на человека, который в настоящее время торгует наркотиками, чтобы держать долг его мамы на минимуме, настолько, чтобы сутенер не убил ее.

Нет, Джесса не смотрит на меня, как на такого человека. Она смотрит на меня, как на человека, который мог бы стать отцом ее детей. Того, кто будет обнимать ее каждую ночь и просыпаться вместе каждый день. Того, кто будет стоять у гриля в то время, как друзья и семья зависали бы во дворе. Парень, который принесет ей щенка домой, как сюрприз на годовщину.

Хотел бы я быть им. Но я не такой. И если Джесса будет думать обо мне так, то она упадет на дно. Не могу с ней так поступить.

Глава 3

Джесса

Двадцать два года

— Это место занято? — мужчина кладет руку на стул напротив меня.

— Вы можете занять его, — отвечаю, не поднимая голову. Я бы предпочла продолжать просматривать сообщения на телефоне и купаться в собственных страданиях.

— Можно сесть рядом с тобой?

— Нет, — огрызаюсь я. Когда поднимаю голову и бросаю предупреждающий взгляд, он поднимает руки вверх в знак капитуляции.

После того, как он поворачивается ко мне спиной, я делаю еще один глоток клюквенной водки. Кладу лоб на стол и позволяю своим волосам прикрывать меня, пока плачу. Слезы текут потихоньку, но звук выдвигаемого стула и шлепающегося на него тела заставляет меня поднять голову.

Сегодня я не в настроении для глупых мужчин. Сволочи. Каждый из них.

Когда смотрю наверх, вижу зеленые глаза Тая, сверлящие меня через стол. Он жует зубочистку и, как обычно, ничего не говорит.

Когда он поднимает бровь, я огрызаюсь:

— Чего ты хочешь, Тай? Собираешься спасти меня, а потом исчезнуть без единого гребаного слова еще раз?

— Кто заставил тебя плакать?

— Какое тебе дело?

— Ты знаешь.

— Итак, ты можешь пойти и побить его?

Он пожимает плечами:

— Помимо прочего.

— Почему ты здесь?

Другое пожимание плечами:

— Был неподалеку.

Я даже не удивлена увидеть тут Тая. Ему удастся выскакать как черт из табакерки. Я делаю глоток коктейля и хватаю телефон, когда приходит сообщение.

Дел: «Не будь сукой».

Мои пальцы неистово летают над клавиатурой.

Я: «Да пошел ты, чертов мудака. Хочешь видеть меня сукой, только попробуй выкинуть мою собаку».

Бросаю телефон обратно на стол, затем залпом допиваю свой напиток. Тай берет мой телефон, и я даже не пытаюсь его остановить. Он хмурится, когда читает:

— Кто этот придурок?

Я вернулась сюда два года назад с единственной целью — закончить обучение, пытаюсь убедить себя, что это не связано с желанием увидеть Тая снова. Когда прошло полтора года без известий о нем, я, наконец, приняла предложение Дела пойти на обед.

— Он был моим парнем еще два часа назад, — машу официантке и показываю пустой стакан. — Когда я вошла в квартиру и обнаружила его глубоко по яйца в соседке, это стало концом.

Тай ворчит:

— Он чертов идиот.

— Ага.

Он бросает мой телефон обратно на стол и разворачивает свою бейсболку козырьком назад:

— А что насчет собаки?

— Это моя собака. Мой малыш. Она оставалась там иногда. Я хотела скорее убежать оттуда и забыла забрать ее, так как она была в другой комнате. Как только пришла сюда, написала ему, чтобы убедиться, что он будет завтра там, и я могу забрать свою собаку. Но Дел пытается сказать, что не получится.

— Я поеду за ней. Просто скажи мне его адрес.

Конечно. Почему бы ему снова не быть проклятым рыцарем в сияющих доспехах? Я устала обсуждать Дела. Предпочла бы говорить о Тае, человеке, о котором постоянно думаю:

— Тай, что происходит между нами?

Он вздыхает и ждет, пока официантка поставит мой напиток:

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Почему ты делаешь это?

— Делаю, что? — он тянется к моему пустому стакану, хватая кубик льда и жуёт вместо зубочистки, которую вынул и положил на стол.

— Ты всегда знаешь, когда мне нужен, — шепчу я. — Это совпадение или ты преследуешь меня?

Его полные губы чуть дрогнули в улыбке:

— Я не слежу за тобой.

— Это не ответ на мой вопрос, — говорю неразборчиво конец предложения, хватаю новый напиток и залпом выпиваю его.

— Детка, ты пьяна. Позволь мне отвезти тебя домой.

Детка. Мне очень нравится. Может быть он прав, и я пьяна.

— Хорошо, — я должна быть дома, а не в баре. — Сперва мне нужно воспользоваться ванной комнатой.

Он отвечает кивком, и я иду на шатких ногах в туалет. Мою руки холодной водой, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и собраться.

Тай ждет меня за дверью. Не знаю, что с ним такое. Это всего третий или четвертый раз, когда мы общаемся, но чувствуется так, будто это происходит каждый долбаный день. Или, может быть, эти ощущения из-за того, что я думаю о нем все время. Чувства переполняют меня, когда мы рядом.

Я хватаюсь за протянутую руку и слеую за ним. Проходя мимо стола, где мы были, я легонько тяну его:

— Мне нужно оплатить счет.

— Уже сделал.

— Спасибо.

Тай кивает и продолжает идти со мной на выход из бара и к его грузовику. Открыв дверь, он помогает мне сесть, и когда запускается двигатель, я открываю окно. Моя квартира на полпути между моим родным городом и колледжем.

Я и не думала говорить ему куда ехать, поэтому, когда он подъезжает к моему дому, поворачиваюсь и скрещиваю руки:

— Как ты узнал, где я живу? — вдруг трезвею и в первые немного боюсь его.

Он ставит автомобиль на парковку, бросает кепку на приборную панель и проводит рукой по волосам:

— У меня... безумное влечение к тебе. Это гребаный магнетизм. Но это больше, чем твоя красота. Боже, — он приближается и обхватывает мое лицо руками. — Ты самая красивая женщина, которая когда-либо существовала, — говорит Тай больше для себя, чем для меня. — Это что-то большее, не так ли? Я имею в виду, черт, Джесса, не могу перестать думать о тебе. Всегда думаю.

— Тогда почему ты каждый раз уходишь?

Как будто плеснула ледяной воды в огонь, он убирает руку:

— Я не могу быть с тобой.

— Почему не можешь?

Он медленно качает головой:

— Это не безопасно.

— Не безопасно из-за чего?

— Не из-за чего, а из-за кого.

Теперь я качаю головой:

— Что? — отстегиваюсь и поворачиваюсь к нему лицом. — Я не понимаю тебя, но так сильно пытаюсь изменить это, Тай. Хочу узнать тебя и заставить смеяться, я хочу...

— Тебе не нужно понимать меня больше, чем сейчас. Единственное, в чем можешь быть уверена, ты заслуживаешь лучшего.

Сдуваю прядь волос, с меня хватит:

— Это самое банальное клише, которое я когда-либо слышала. Так же, как чертов Дел сегодня: «Дело не в тебе, Джесса», — тянусь к двери и дергаю за ручку. — Вы, мужчины, все одинаковы. Сволочи.

Тай хватается за мою руку, и я замираю. Боже, одно прикосновение заставляет все остальное исчезнуть. Теплеет на душе и пульс ускоряется.

— Чёрт, детка, я бы хорошо к тебе относился. Я, черт подери, мечтаю о твоём улыбающемся лице и о том, что я для этого сделаю. Но также сильно, как я хочу видеть тебя счастливой, есть люди, которые хотят видеть меня в крови. И они могут использовать тебя против меня.

— Ты в опасности? Вызвать полицию? — я тянусь к сумке, но он качает головой и смеется.

— Эти ребята точно не уважают закон. Мы не будем обращаться в полицию.

— О, — кусаю губы.

— Могу ли я...? — он замолкает, качая головой, почти смущенно.

Тянусь к его лицу и провожу рукой по щетине на челюсти, не в силах больше держаться подальше. Между нами пробегает искра. Я буквально шокирую его. Мои губы не двигаются, но он улыбается.

— Можешь ли ты что? — шепчу я.

Он смотрит на мои губы, потом в глаза:

— Я просто хочу... Можно обнять тебя?

— Да, Тай, ты можешь.

Он поворачивается и кладет ногу на сиденье. И я прижимаюсь спиной к его груди. Тай напрягается на секунду, но я притягиваю его руки, чтобы он обнимал сильнее. Впитываю тепло, силу и безопасность, исходящие от него. Он расслабляется и вдыхает у моих волос:

— Ты так хорошо пахнешь.

— Спасибо.

— Спасибо, что разрешила мне сделать это.

— Я бы позволила тебе делать так в любое время, Тай. Что-то есть между нами и, если бы ты просто позволил этому...

— Может быть, в другой жизни, детка. Я работаю над этим сейчас, и даже если это все, что получу от тебя, то умру счастливым человеком.

— Если бы мы могли жить в другой жизни, как ты думаешь, на что это было бы похоже?

Он вздыхает, думая:

— Ну, мы бы встретились, когда были детьми. В садике. Стали лучшими друзьями, пока ты бы не поняла, что принадлежишь мне. Что я хотел тебя с тех пор, как впервые увидел. Что ты была моей с тех пор, как я заговорил, — он говорит с юмором, как никогда раньше.

Вместо того, чтобы признать это, я держу эту интересную новость при себе:

— И как долго это продолжалось бы?

— Навсегда.

— Хмм.

— Это было бы так, потому что я никогда бы не дал шанс кому-то еще быть с тобой. Ты была бы моей. Только моей.

Боже, он милый.

— Мы жили бы вместе, и у нас было бы много земли, чтобы ты могла иметь столько собак, сколько захочешь.

— Откуда ты знаешь, что я люблю собак?

— Я знаю много чего о тебе, Джесса.

— Это чертовски жутко.

Его грудь вздрагивает позади меня:

— Не по тем причинам, по которым ты думаешь. Клянусь.

— Хмм, — я прижимаюсь к нему, наслаждаясь объятиями. — Напомни мне еще раз, почему у нас не может быть этого сейчас.

— Потому что даже если это только в мечтах или в нашем воображении, это будет достаточно хорошо. Не хочу обманывать, но детка, ты бы не выжила в моем мире, и я бы никогда не попросил. Я хочу тебя так чертовски сильно, но не могу быть с тобой. И даже если ты думаешь, что хочешь меня, и даже если я знаю, что ты была бы самой милой девушкой, мы не можем. Я не буду, никогда не буду ставить тебя перед выбором.

Сказано ласково, но твердо. Конец. Я таю в его объятиях и закрываю глаза, наслаждаясь тем, что, наконец, получила, независимо от того, как быстро это закончится.

Я говорю слова, выражающие тяжесть на моем сердце:

— Так что, у нас есть только сейчас?

— Да, только это мгновение.

— Если это все, что у нас есть, то я должна сказать тебе кое-что, — не знаю почему, я шепчу.

— Конечно.

Хочу смотреть ему в глаза, тому, кто он есть на самом деле, когда говорю об этом, так что поворачиваюсь и поднимаю взгляд:

— Думаю, наши миры должны были столкнуться, — он открывает рот, чтобы заговорить, но я прижимаю палец к его мягким губам. — Просто хочу, чтобы ты знал, что я чувствую к тебе. Эта глубокая, необычная связь, которая у нас есть, никогда не уйдет. Я пробовала, но ты не исчез. Я не хочу терять тебя.

Слезы наполняют глаза. Он огорчен, боль в глазах Тая разбивает мне сердце, как и каждая уходящая секунда. Он наклоняется и целует меня. Нежно и сладко, так непохоже на жесткого и грубого человека, которого знают все остальные. Его язык едва касается

моих губ, но я отзываюсь всем сердцем. Кровь, пульсирующая в моих венах, нагревается. Тай низко рычит, отстраняясь, и упирается своим лбом в мой.

— Ты тоже никогда не уйдешь, Джесса. Никогда.

Я прижимаюсь обратно и засыпаю в его руках, чувствуя тепло и защищенность. Единственное место в мире, где я хочу быть.

Через несколько часов, когда луна находится высоко в небе, он несет меня к входной двери, а потом в мою постель, аккуратно укладывая. Я тяну Тая за собой, но он отстраняется:

— Если снова попробую тебя, то никогда не смогу остановиться, я не могу... хотел бы, но черт! — смотрит он в пол, потирая затылок.

Я жду еще и еще. Затем предлагаю легкий выход:

— Доброй ночи, Тай.

Он поднимает голову:

— Спокойной ночи, детка.

Я слушаю, как он уходит. Потом раздаются звуки заходящего грузовика, и Тай уезжает. После того, как я, наконец, засыпаю, вижу его во снах. Они настолько реальны, что пугают меня, но, когда просыпаюсь утром без него, реальность наступает. Собака свернулась рядом, и я держусь за нее. Не знаю, как Тай заполучил ее, мне все равно. Я обнимаю ее и плачу, потому что боюсь никогда не увидеть его снова.

Никогда не думала, что увязну в рутине, но в последнее время, кажется это и происходит. Я очень смущена, позволяя человеку контролировать меня, причем он даже не присутствует рядом. В последний раз я видела его три недели назад, и каждый день становится все хуже и хуже.

Обида постепенно заменяет мое желание, чтобы он остался и любил меня. Как он смеет продолжать поступать так со мной? Как я могу позволять это?

Глава 4

Джесса

Спустя 7 месяцев

Мой разум обманывает меня, потому что я все еще чувствую присутствие Тая. Прошло уже больше шести месяцев, но до сих пор, закрывая глаза, я отчетливо вижу его образ. Мои эмоции скачут как на эластичном канате для прыжков — в одну минуту вверх, в другую вниз, сменяясь от гнева до печали, от желания до потребности.

— Поздравляем! — аплодируют все, когда Кэт и я входим в бар.

У нас совместная вечеринка по случаю окончания учебного года. И я широко улыбаюсь, когда брат сгребает меня в объятия.

— Ты здесь! — ликую я, уткнувшись ему в грудь.

— Конечно, я здесь!

Лэндон сейчас снимает фильм в Канаде. Я разговаривала с ним вчера вечером, и он сказал, что не сможет приехать. Поэтому сейчас я сильно удивлена, увидев его.

— Ты большой лжец, — говорю, утирая слезы, и Лэндон показывает свою улыбку кинозвезды.

— Сожалею.

— Нет, тебе не жаль.

— Нет, — он прижимает меня к себе снова, и я обхватываю его за талию. — Не жаль.

— Как ты? — я обнимаю еще сильнее.

Он отодвигает меня и смотрит в глаза, затем берет за руку и выводит в коридор, где мы одни:

— Поговори со мной, Джесса.

— Я в порядке, просто удивлена видеть тебя.

— Ты никогда не умела обманывать.

— Тот парень, он...

— Обидел тебя? — напрягается Лэндон, и я кладу ладонь на его руку.

— Нет. Не физически. Он все еще тот, кто спас меня от Дерека той ночью. Я видела его около шести месяцев назад, и Тай сказал, что это к лучшему, что мы не вместе... безопаснее. Ох, — я вскидываю руки и качаю головой. — Это отстойно, ты знаешь? Хотеть кого-то, с кем не можешь быть.

Лэндон смотрит себе под ноги, переступая туда-сюда. В итоге он поднимает полный сожаления взгляд.

— Да, сестренка. Я точно знаю, что ты имеешь в виду.

— Кто она? — спрашиваю, радуясь сменить тему.

Он качает головой:

— Та, с кем я не могу быть. Но сейчас не обо мне речь.

— У меня все хорошо, просто находит временами. Пойдем праздновать.

— Идем.

Мы возвращаемся к остальным. Семья и несколько старых друзей смеются, вспоминают прошлое, в общем, хорошо проводят время. Я слушаю рассказ Лэндона о его фильме и удачных выступлениях, он так гордится своими достижениями. Все старшие ушли после окончания ужина, когда музыку включили погромче и приглушили свет.

Все танцуют и выпивают. Лэндон и Вон сидят за столом и наблюдают за нами, выполняя свой братский долг. Через пару часов наступает ночь, и люди начинают расходиться. Мы с братом только подъехали к дому, когда оживает мой телефон.

— Девочка, разворачивай свой зад и приезжай в другой бар.

— Что, зачем? Кэт, я устала.

— Мы были на пути домой, когда позвонила Линдси и рассказала про еще одну вечеринку. Давай, тебе же она нравится.

Кэт права, мне симпатична эта девушка. К сожалению, она переехала, когда мы были на первом курсе, потому что ее отец был военным. После того как он ушел в отставку, они вернулись.

— Ну, давай же.

Я отодвигаю телефон и смотрю на Лэндона:

— Хочешь поехать в другой бар?

— Я устал как собака, Джесса.

— Все в порядке, я могу пойти одна.

Он качает головой:

— Нет, я не хочу, чтобы ты ехала за рулем одна. Давай подброшу тебя, по крайней мере. Вон сможет отвезти тебя домой?

Я снова подношу телефон к уху:

— Вы ребята, сможете отвезти меня домой, если Лэндон подкинёт меня?

— Да!

— Хорошо, какой адрес?

— Так ты приедешь?

— Да, почему нет? — мне нужно немного веселья, прежде чем вернуться в колледж и учиться еще четыре года.

— О, это будет так весело!

— Адрес, Кэт, — улыбаюсь я.

— О, да, это на Линкольн, в четырехсотом квартале напротив круглосуточного магазина.

— Окей, увидимся.

Лэндон выезжает обратно на улицу и направляется к бару. Мы прибываем, и он провожает меня к кирпичному зданию. Уличные фонари не горят, на окнах решетки, но я упускаю это из виду. Было ошибкой так долго не выходить в люди. Уверена, когда попаду на вечеринку, все станет намного лучше.

Я делаю глубокий вдох:

— Спасибо.

Лэндон осматривает район:

— Хочешь, чтобы я вошел с тобой?

В этот момент оттуда выходит мужчина в костюме и женщина в открытом платье. Увидев пару, я испытываю облегчение:

— Нет, все в порядке, спасибо.

— Хорошо. Береги себя и позвони, если буду нужен.

— Так и сделаю.

Я выхожу из машины и направляюсь внутрь, помахав ему, перед тем, как закрывается дверь. Когда я поворачиваюсь, то понимаю, что нахожусь не в том месте. Угрюмо выглядящие мужчины с неприятными лицами и шрамами на них доказывают это. Все они поворачивают головы в мою сторону. Громкая музыка, вырывающаяся из колонок, и сигаретный дым заполняют темное пространство, хотя курить внутри баров незаконно.

Я быстро выхватываю телефон из сумочки, но здесь нет сигнала. Я не хочу выходить одна на улицу, но и внутри оставаться тоже не хочется. Первое, что сделаю завтра, подключусь к другой сотовой сети.

Мужчина в черных ботинках и кожаной куртке входит и подталкивает меня с дороги, вынуждая сделать шаг внутрь. Я осматриваюсь, отчаянно желая увидеть Кэт или Линдси... Может быть они в задней части? Боже, это как сбывшийся ночной кошмар.

Здесь нет женщин, ни одной. Какого черта отсюда выходила пара? Как бы я хотела, чтобы все эти парни переместились в гребаный продуктовый магазин и оставили меня одну в баре. Мой взгляд бежит от человека к человеку, и я вижу его.

Тай. Мой долбанный спаситель. Человек, преследующий меня в мечтах днем и ночью. Если это возможно, он стал еще крупнее, чем был. Его руки в три раза больше моих, волосы стали немного длиннее, совершенное тело — плотнее. Я сглатываю и направляюсь в его сторону, боясь до умопомрачения.

Я останавливаюсь за ним у бильярдного стола, где он наблюдает за чьей-то игрой.

— Тай, — шепчу я.

Он замирает и медленно поворачивается. Его глаза, Боже, его глаза смотрят предупреждающе. Он ухмыляется, наклоняется ко мне и хватается рукой за задницу, заставляя покраснеть:

— Привет, детка. Сколько лет, сколько зим.

И целует меня. Грубо, абсолютно не подходящим для общественного места образом, как будто мы занимаемся сексом нашими языками. Как я и представляла себе это в первый раз. Его язык сплетается с моим, он подталкивает меня назад так, что я оказываюсь у стены.

Иисус. Ненавижу, что мне это нравится. Ненавижу, что он все еще имеет надо мной власть.

Тай хватается меня за хвост и запрокидывает мою голову, теперь он может посасывать мою шею. Он шепчет, приближаясь к уху:

— Не паникуй, Джесса. Я вытащу тебя отсюда.

Убирает язык и поворачивает мою голову другой стороной, снова останавливаясь около уха:

— Подыграй мне.

Лизнув шею в последний раз, он отстраняется, забросив руку мне на плечо, и говорит со смехом:

— Простите, чуваки. Я закругляюсь после этой игры, чтобы отвести домой и вставить ей.

Я делаю вид, что не испытываю отвращения от сказанного. Думаю, что поступаю правильно, скользя палацем вниз по его груди. Когда моя рука добирается до пояса джинсов Тая, он хватает мое запястье, подносит тот палец к губам и начинает посасывать.

Хреново. Настолько хреново, что мои трусики тут же промокают. Я должна быть напугана, ошеломлена, но так чертовски возбуждалась, что скажи он мне трахнуть его прямо здесь перед всеми, я бы согласилась.

— Черт, Ти. Ты передашь эту шлюшку дальше, когда закончишь? — спрашивает один из парней.

Тай сильнее сжимает мое запястье, но его растущий гнев не отражается на внешнем виде:

— Однажды, когда ее киска будет болеть, я передам.

— Черт возьми, да, братан, — говорит другой.

На нем солнцезащитные очки, но я точно могу сказать, что он смотрит на мою грудь.

— Не могу дождаться загнать в нее. Она выглядит чистой как свежеснеженный снег.

— Ты знаток.

Тай шлепает меня по заднице, что я воспринимаю, как намек отступить. Я пытаюсь следить за игрой в пул, но все, о чем могу думать, что Тай может так грязно выражаться. Я предполагала, что они делятся женщинами. Это то, что он бы сделал обычно. Начинаю задаваться вопросом: «А что, если он не тот мужчина мечты, которого я представляла?» Если он действительно такой мерзавец, то я счастлива, что встречалась с ним всего пару раз.

Но если это для него обычное дело, какого черта он был так мил со мной? Почему у нас не было секса, когда я была так доступна? Почему мое дурацкое сердце пропускает удар, а затем бьется быстрее? Почему он единственный, о ком я мечтаю? Почему он?

Они заканчивают игру, и Тай бросает кий на стол:

— Простите, ребята. Я закончил.

— Дерьмо, я не виню тебя, — говорит тот, в очках, и протягивает пачку денег Таю.
— Все по-честному, брат.

— Всегда, — Тай обнимает меня за талию и ведет на выход к задней двери.

Как только мы оказываемся в переулке, он отступает и проходится рукой по волосам:

— Какого черта, Джесса?

Он не выглядит взбешенным, скорее обеспокоенным. Я никогда не видела его таким раньше. Обычно он абсолютно уверен в себе, я же перепугана, и мое сердце выпрыгивает из груди.

— Я думала, что встречаюсь здесь с друзьями, — я вытираю наворачивающиеся слезы, достаю телефон и топаю ногой. Что за ирония — здесь есть сигнал.

— Мы должны убраться отсюда, — он дотягивается до моей руки и тянет за собой, я еле поспеваю за ним на своих каблуках. — Мы недалеко от моего дома, оттуда я отвезу тебя.

— Почему я не могу просто позвонить брату?

— Потому что нам нужно покинуть это место, детка. Мы здесь чертова легкая добыча.

Поняв срочность, я ускоряюсь, побежав на цыпочках. Через несколько улиц, минуя пустую парковку, мы добираемся до того места, где стоит его грузовик. Тай бормочет проклятье себе под нос, и я смотрю, куда направлен его взор.

Недалеко от нас останавливаются два черных внедорожника, из задней двери выпрыгивает мужчина в костюме. Выходит водитель с пистолетом за поясом. Из другой машины показывается человек и открывает заднюю дверь. Оттуда, спотыкаясь, практически выползает потрепанная женщина, вся в синяках.

— Господи! — выкрикивает Тай. — Какого черта, Марко?

— Тай, помоги мне, — слабые руки женщины трясутся, когда она тянется к нему.

Он смотрит на меня потемневшими глазами насыщенного цвета, прежде чем повернуться к людям, стоявшим перед нами. Я не хочу знать никого из них, совершенно очевидно, что с ними лучше не связываться. Суровый вид и оружие выдают их. Вот, о чем он говорил. Это его мир. Он был прав — я не вписываюсь.

— Твоя мать решила немного подработать на стороне, — отвечает Марко.

О, мой бог, это его мать?

— Господи, мама. Тебе не стоило этого делать.

— Это происходит не в первый раз, Тай.

— Знаю, — огрызается он.

Марко бросает на меня похотливые взгляды, разглядывая своими черными глазами. Я содрогаюсь от такой наглости, и Тай зарычал, скрещивая руки на груди.

Марко втягивает воздух сквозь сжатые зубы и хватается за свою промежность:

— Что у нас здесь?

— Не твое.

— О, но посмотри, — он подходит ближе к нам на несколько шагов и проводит пальцем по своей нижней губе, когда пристально рассматривает меня. — Я легко могу простить твою мать, попробовав эту сладкую штучку.

— Этого не будет, — Тай встает передо мной. — Она здесь ни при чем.

— О, но это твоя мама, сынок.

Тай отходит назад и крепче притягивает меня к себе, и я оказываюсь полностью прижатой к его мускулистой спине, оглядываясь вокруг.

— Чего ты хочешь?

— Я был оторван от своих дел сегодня из-за твоей матери. Или эта сладкая попка едет со мной, что все исправит, — он кивает на меня, — или попрощайся со своей мамой, которая не слушается меня.

Мне становится трудно дышать от страха, потрясения и ужаса. Он собирается убить ее? Мышцы на шее Тая пульсируют, кулаки побелели от сильного сжатия.

— Забери меня, — он делает шаг вперед, и я не могу сдержать покотившиеся слезы.

— Не, ты мне не нужен, — говорит Марко. — И чем дольше я здесь нахожусь, тем меньше я хочу твою затасканную маму, и не важно, насколько глубоко она сможет принять меня, — он облизывает губы и шагает к нам. — Да, я хочу эту сладкую штучку. Не волнуйся, я оставлю ее кистку тебе, приятель... Я заинтересован только в ее заднице.

Не уверена, что происходит сначала, но до того, как все проясняется, мелькают кулаки, и я кричу. Двое других оказываются около Тая, он, поднырнув, бьет одного в колено, поворачивается и дает второму в голову. Тот, что получил по колену, поднимается и врезается в моего защитника. Они падают на землю, не понятно, кто кого бьет, но Тая как-то удается его перевернуть и встать над ним.

Голова Тая откидывается назад, когда тот, что ждал, бьет его локтем в лицо. Брызгает кровь, и он издает первый звук с тех пор, как стал наносить удары. От его стоны у меня скручивается живот.

Тай с силой притягивает голову одного из нападающих к колену, и тот орет от боли. Потом Тай отбрасывает его и уже готов заняться двумя другими. У человека, которого

отшвырнул мой спаситель, был в руке пистолет. Он отлетает и приземляется в паре футов от меня.

Я изучаю все вокруг. Его мама, наполовину без сознания, съехала по боку машины и сидит с закрытыми глазами. Другой мужчина и Марко объединились против Тая, и я кричу на них, чтобы они остановились. Зову на помощь. Просто кричу.

Марко хватается Тая и удерживает его поверженное тело, пока другой начинает избиение. Звуки, издаваемые им от боли, заставляют меня замолчать. Я наклоняюсь и поднимаю дрожащими руками пистолет с земли. Инстинкты управляют моими действиями.

Другой парень со стоном откатывается и поднимается, готовый нападать. Тай снова получает удар.

— Прекратите избивать его! — шепчу я. — Стоп! — уже кричу, заставляя Марко быстро бросить взгляд в мою сторону. Он ухмыляется, пока его помощник продолжает избивать Тая. Без раздумий я спускаю курок, и тело падает на землю.

Другой человек, которого я не подстрелила, бросается на землю и закрывается руками. Тай отталкивает Марко, разворачивает его и, наклоня, бьет коленом в голову. Затем бросает на землю и смотрит на меня:

— Положи пистолет, Джесса.

Я нервно киваю и опускаюсь на колени, чтобы положить оружие. Тай подходит, обхватывает мое лицо и целует. Его окровавленные губы прижимаются к моим, но кровь меня не заботит. Соленый вкус моих слез смешивается с металлическим. Я хватаюсь за его руки, чтобы не упасть. Он отстраняется, теперь наши глаза на одном уровне.

— Джесса, послушай меня...

Я не могу говорить, но киваю. Или мое тело так сотрясается, что, похоже, будто я кивнула. Он смотрит перед собой.

— Ты должна бежать, убраться отсюда к чертовой матери.

— Нет, я не оставлю тебя.

Вдалеке звучат сирены, и я дрожу еще больше, когда вижу Марко, заползающего в машину. Другой человек тоже волочится к внедорожнику и подтягивается на заднее сиденье. Марко садится на водительское место и с визгом шин срывается прочь.

Тай трясет меня:

— Вали нафиг отсюда, детка. Ты никогда здесь не была, слышишь меня? Ты не была здесь сегодня вечером. Никогда. Это, нахрен, не касается тебя.

— Тай, — умоляю я. — Я убила его.

— Они все собирались стоять и смотреть, как тебя трахают в задницу, Джесса. Эти люди — уроды.

Я прижимаюсь к его груди. Тошнота и страх, которых никогда не испытывала, делают все затуманенным. Колени трясутся, и Тай подхватывает меня, когда я начинаю оседать.

— Тебе нужно быть сильной сейчас. Поднимайся, Джесса. Встань и посмотри на меня.

Он слегка подталкивает меня, я хватаюсь за его запястья и смотрю в такие уставшие, но самые красивые глаза.

— Иди.

— Тай! — кричу я, когда он начинает отрывать меня от себя. — Не заставляй меня уходить.

— Убирайся нахрен отсюда. Ты должна уйти, — его глаза умоляют меня. — Прошу, детка. Иди.

Уже видны красные и синие огни, я делаю шаг назад, затем еще один и еще. Тай наклоняется, берет пистолет и протирает его своей футболкой, чтобы стереть отпечатки.

— Нет, — повторяю снова и снова, так тихо, что слышу только я. Он бежит трусцой к матери и берет ее хрупкое тело на руки.

Я продолжаю пятиться, пока не врезаюсь в дерево через полквартала. Я прячусь за ним и с ужасом наблюдаю, как подъезжают полицейские машины, пока Тай говорит с мамой. Они направляют на него оружие, он кладет пистолет на землю и поднимает руки. Ему надевают наручники и сажают в спецавтомобиль. У меня льются слезы, я не могу совладать с дрожью по всему телу. Через час полицейский автомобиль проезжает мимо, Тай поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Я прикрываю рот кончиками пальцев и закрываю глаза. Когда снова открываю их, он уже исчез.

Глава 5

Тай

26 лет

Я нахожусь в комнате для допросов. Джей прислонился к стене, бросив мои наручники на стол. Пиво, которое он принес, идет легко и приятно. Как только допиваю, переходим к разговору.

— Как держишься? — его глаза изучают мое лицо.

Я был в тюрьме уже три года, так что невесело смеюсь:

— Чувствую себя чертовски знаменитым.

— За ту драку с новым заключенным тебе дали девяносто дней в одиночке, так что, по крайней мере, несколько месяцев ты будешь в безопасном месте.

Я закатываю глаза, потому что знаю — он это организовал. Джей подозревал, что я начал сходить с ума, поэтому устроил мне возможность побыть немного в стороне от всего.

— Спасибо, Джи.

Он морщится, садится и открывает дело:

— Мы в тупике, приятель.

— Дерьмо, нет, — я опускаюсь на стул напротив него и открываю другой файл. На меня смотрит бандитское лицо Марко, мои челюсти сжимаются. — Мне нужен он.

— Надеюсь, мы возьмем его до того, как закончится твой срок. Я не хочу, чтобы ты здесь находился, тем более все шесть лет.

Опустив саркастический комментарий, крутившийся у меня на языке, я продолжаю листать дело. Работа секретным агентом для ФБР пошла не по плану. Никогда не предполагал попасть в гребаную тюремную камеру, но пришлось, чтобы не раскрыть себя. Мне пришлось взять вину на себя за убийство правой руки Марко, которое совершила Джесса.

Неважно как, я был взбешен, когда она спустила курок, но Джесса спасла мою жизнь. Они бы продолжили избивать меня до смерти, а потом изнасиловали бы ее. Я просто рад, что она смогла тогда уйти, и что, по словам Джея, Марко больше не беспокоил ее.

Но я знаю, он будет следить за ней, чтобы выйти на меня. Поэтому, выйдя отсюда, моим первым делом будет убедиться, что Джесса в безопасности. Остается только подождать еще три года до окончания фиктивного срока.

Если мы хотим не упустить шанс поймать Марко, я должен отсидеть. Не выдержу — меня раскроют. Я хочу посадить этого преступника, поэтому от меня здесь будет больше пользы.

— Давай, — вздыхает Джей. — Оденем обратно наручники и доставим тебя в конспиративный дом.

Киваю и протягиваю руки перед собой, пока он свободно закрепляет металлические наручники и ведет меня к своей машине. Сажусь назад и смотрю, как город постепенно исчезает.

— Стоп! — выкрикиваю я. — Развернись и остановись перед кофейней.

Он делает, как я прошу. Зная, что она не может меня видеть сквозь тонированные окна, я смотрю на Джессу. Она сидит за уличным столиком с друзьями, ее длинные светлые волосы развеваются на ветру. Девушка одета в ниспадающее платье, открывающее бедра как раз настолько, чтобы разыгралось воображение. Большая шляпа от солнца прикрывает ее невинные голубые глаза, и я так отчаянно хочу почувствовать ее губы снова, прижать ее мягкое тело к своему.

— Она выглядит счастливой, приятель, — останавливает ход моих мыслей Джей.

— Да, похоже, — соглашаюсь я.

— Она того стоит?

Мой ответ — отсутствие ответа. Мне не нужно ничего говорить, чтобы знать, что я все делаю правильно. Как будто почувствовав меня, Джесса поднимает голову и смотрит в мою сторону. Улыбка сходит с ее лица, и она прищуривает глаза, словно пытаюсь увидеть сквозь темное стекло. Я шепчу:

— Твою ж мать.

Она так чертовски идеальна. Слишком хороша для меня. Хотя она и не знала ничего обо мне или о том, кем я стал. Человеком, которым я всегда стремился стать. Она не знает, что я чист сейчас, что я один из хороших парней. Мое грязное прошлое всегда будет преследовать меня, поэтому ни в коем случае не позволю этому коснуться ее.

Отвожу взгляд:

— Поехали отсюда.

— Роджер, — голос Джея потерял свой энтузиазм. Конечно, он почувствовал мое отчаяние.

По прибытии, я начинаю рыться в кухонных шкафах, засовывая всюду свой нос. Еда в тюрьме дерьмовая. Приняв горячий душ, не стал бриться — все равно никто не увидит. Ложусь спать и встаю всего через два часа. Обхожу дом, и прежде чем лечь снова, трижды удостоверяюсь, что револьвер рядом с кроватью заряжен.

У Марко в тюрьме так много своих людей и купленных копов, что кроме Джея, я никому не доверяю. Он единственный близкий человек. Когда мне было семнадцать, я начал шпионить для него, так и пошло.

Быть уличным ребенком означает попасть в тюрьму, не смотря ни на что. Отбыть срок в колонии было как обряд посвящения. Но как совершеннолетний, я не хотел возвращаться. С Марко на хвосте, мне не хватало свободы. Надеюсь, больше так продолжаться не будет. Я смеюсь над иронией того, что служу правительству США, гния в тюремной камере. Единственная мысль о Джессе ставит точку в моей вечеринке жалости к себе. Она бы никогда не выжила в тюрьме, и когда бы она вышла, Марко поймел бы ее задницу за убийство его человека.

Но с тех пор, как я взял вину на себя, он ждет меня. Око за око. Потом Марко придет за ней. Я знаю, как он действует, и его молчание ничего не значит. Он хочет отомстить. Просто я должен быть умнее и быстрее.

Я хватаюсь руками за решетку и прислоняю голову к холодному металлу. Сейчас около четырех утра, еще никто не проснулся. Осталось пять месяцев. Пять месяцев до того, как выйду отсюда. Я так чертовски благодарен, что пару лет назад была возможность побыть на свободе несколько месяцев. С тех пор я много думал. Слишком много, на самом деле.

Я мечтал о том, как бы все было, если бы я был нормальным. Если бы я родился в семье гребаного банкира или что-то в этом роде. Как у меня было бы все, что я так отчаянно хотел. За что бы я боролся не покладая рук и охранял бы как драгоценность.

Могу забить на все, но ее лицо вытатуировано у меня в голове. Она внутри меня. Она — все для меня. Я спрашивал себя миллион раз, что же это такое. Почему Джесса?

Какого черта это может быть кто-то, кого я едва знаю? И каждый раз у меня нет ответа. Это просто она. Она и есть для меня та самая.

Звук шагов отвлекает меня от мыслей, один из охранников подходит и вручает мне конверт. Я сажусь на койку, открываю письмо и читаю новости от Джея. Бегло просматривая страницы, натыкаюсь на ее имя. Он пишет мне, что у нее есть бойфренд и что она не выглядит такой счастливой, как должна бы, но это вероятно стресс от открытия ветеринарной клиники. Джесса осуществила свою мечту. Мои губы складываются в улыбку, и возникает чувство, которое может вызвать только она.

Я разрываю страницы, когда заканчиваю, и спускаю их в туалет. Смотря, как уплывают белые кусочки бумаги, я чувствую боль в груди как от удара ножом. Но, несмотря ни на что, я проведу жизнь здесь, если это поможет ей быть в безопасности.

Джесса

— Как ты держишься? — спрашивает моя мама.

Я меняю положение ног подо мной, продолжая попивать вино и удерживая телефон около уха:

— Хорошо, только очень много дел.

— Ну конечно. Я так горжусь тобой. Горжусь обоими детьми. Мой сын успешный актер, а дочь совсем скоро станет ветеринаром.

Ее чувства отражаются на голосе, и я смеюсь:

— Ты плачешь?

— Нет, — всхлипывает она.

— Почему ты плачешь?

— Я просто так горжусь тобой. Знаю, что это никогда не было просто, но тебе удалось отстраниться от всего, и ты шла к своей мечте и... я запуталась, — хихикает она. — Извини.

— Все в порядке, мам. Рада, что ты гордишься мной, — и я рада, что она пропустила тот факт, что я все еще женщина с разбитым сердцем.

Мы поболтали еще несколько минут, прежде чем попрощаться, и я понимаю, что слишком устала, чтобы встать и идти в кровать. Так что я натягиваю одеяло со спинки дивана и засыпаю. Мама обычно бывает права, но в одном она ошиблась о моих мечтах. Они были не совсем такими же как в детстве. Уже десять лет в них было лицо, одно очень красивое лицо.

Глава 6

Джесса

29 лет

— Доктор Крю, вас ожидает следующий пациент.

Я быстро заканчиваю писать и беру карту у моей ассистентки. Она начинает вводить меня в курс дела по дороге к кабинету.

— Женский пол, возраст два года, рвота, диарея, вялость, температура сорок, — Кристен останавливается, чтобы сделать вдох. — Повреждений нет.

— Естественно, — бормочу я, уже зная, что не так с собакой.

Вхожу в кабинет с улыбкой на лице и расспрашиваю владельцев, пока осматриваю явно несчастную собаку. Ее десны бледные и немного поврежденные, она поскуливает от боли, когда я прошупываю ее живот, и, поднимая хвост, вижу выделения из влагалища — последний признак.

После разъяснения хозяевам, что у их собаки пиометра, то есть инфекция в матке, и что нужна срочная операция, они смотрят на меня, как будто не могут в это поверить. Когда они спрашивают о стоимости вмешательства, я говорю, что Кристен вернется с расценками.

Пока моя помощница разговаривает с владельцами, я стою за дверью и жду одного из четырех возможных ответов. Они согласны и хотят сделать операцию немедленно. Они хотят ее сделать, но не имеют средств в данный момент и просят разрешить оплату в рассрочку. Они хотят попытаться вылечить собаку дома лекарствами, так как у них нет денег, но это невозможно, потому что без операции животное погибнет. Или они хотят использовать те деньги, что у них есть на эвтаназию, так как не могут себе позволить операцию.

Когда Кристен выходит, ее взгляд говорит, что они выбрали четвертый вариант, и мое сердце сжимается:

— Дай мне поговорить с ними. Может быть, они откажутся от собаки, — тогда я ее заберу, собака не виновата, что ее не стерилизовали.

После продолжительной беседы, для которой потребовался весь мой опыт, за полтора часа до закрытия, хозяева решают переписать собаку на клинику. Я прооперирую ее и затем найду для нее новый дом.

Пока я торопилась завершить прием посетителей, моя ассистентка взяла анализ крови и приготовила собаку к операции. Успешно проведя овариогистерэктомию (*прим. удаление яичников и матки*), мне удастся спасти жизнь животного. К концу дня получается, что я работаю уже тринадцать часов и мертвецки устала.

Я испытаю оргазм, если прямо сейчас приму душ и лягу в кровать. Нажимаю кнопку подогрева сиденья и жду, когда оно станет теплым, прежде чем выехать с парковки. Проезжая уединенную часть города, мою машину начинает трясти.

— Нет, нет, нет... только не сейчас.

Машина выравнивается, и я молча благодарю Бога, что все закончилось, что бы это ни было.

В итоге, вкатываюсь на подъездную дорожку и могу уже слышать, как лают мои собаки. Не важно, каким трудным был день, насколько дерьмовым было расписание или как ужасны некоторые люди, мои собаки приносят облегчение. Они успокаивают, когда я возмущаюсь, и поднимают настроение, когда грущу.

С удовольствием приветствую их и опускаюсь на колени, чтобы дать им столько же любви, сколько они мне. В записке от человека, который выгуливает собак, говорится, что их покормили в пять, так что я выпускаю их на задний двор и играю с ними еще немного.

— Простите, ребята. Я разбита, пойдемте спать.

Они следуют за мной внутрь, и когда я выхожу из душа, все трое ждут меня в кровати.

Вместо того, чтобы молиться Господу, проклиная его прямо сейчас, потому что застряла посреди дороги, опаздывая на работу, под проливным дождем. Я уже вызвала эвакуатор, и мои колени подпрыгивают вверх-вниз в ожидании. Сзади паркуется автомобиль, в то же время спереди подъезжает эвакуатор. Я выскакиваю навстречу водителю, подписываю бумаги и бегу назад к машине Кристен.

— Вот черт, льет как из ведра! — говорю я, вытирая воду с лица.

Моя помощница смеется:

— Ты насквозь промокла.

— Знаю.

— Хорошо, что у тебя есть запасная форма.

Она привезла нас в клинику, и остаток дня прошел без происшествий. Мне сообщили, что машина готова, и по окончании рабочего дня Кристен подбросила меня до мастерской.

— Спасибо, я ценю это.

— Без проблем.

Выхожу, и до того, как закрывается дверь, она зовет меня.

— Да?

— Я встречаюсь с подругами в «Веню» сегодня вечером. Хочешь с нами?

Обычно я одиночка. Остаюсь дома и играю с собаками или читаю. Иногда смотрю старые фильмы. Но после последней пары дней, выпить — звучит заманчиво.

— А знаешь, что? Да, звучит здорово.

Ее глаза расширяются от удивления:

— Потрясающе. Мы будем там к восьми.

— Хорошо, увидимся.

К счастью, дождь закончился раньше, но мне пришлось перепрыгнуть пару луж по дороге к зданию. Запах машинного масла и бензина ударяет в нос до того, как я вхожу, и раздается громкий колокольный звон, заставляя меня вздрогнуть. Не ожидала такого громкого звука, но предполагаю, это сделано, чтобы услышать входящего сквозь шум дрелей и моторов.

Мужчина с длинной бородой подходит к стойке администратора и спрашивает, вытирая руки о комбинезон:

— Я могу помочь вам?

— Да, я Джесса Крю. Ваши ребята отбуксировали мою машину с проколотым колесом сегодня утром.

— О, да, — он роется в бумагах, вытаскивает мою, я подписываю и расплачиваюсь кредитной картой.

Машина едет плавно как никогда раньше. Когда я добираюсь до дома, мои собачки с нетерпением уже ждут моего прибытия. Открыв заднюю дверь, чтобы они могли выйти, я переодеваюсь в штаны для йоги и веду их на прогулку.

Обычно, я бы провела остаток вечера со своими собаками. Но, несмотря на то, что мне не хочется снова оставлять их одних, я принимаю душ и одеваюсь, готовая к выходу. Я была слишком долго в одиночестве, пора уже немного повеселиться.

Где-то в шкафу у меня было черное платье, но когда я его надеваю и смотрю на себя в зеркало, то осознаю, насколько оно старомодное. Рукава со сборками и длина по колено старят меня. Я срываю с себя платье и рыщу в поисках другой одежды. Я радуюсь, когда нахожу пару старых кожаных брюк.

Чудесным образом, они все еще хорошо на мне сидят, и серебристые туфли, которые я не надевала лет сто, отлично с ними смотрятся. У меня нет подходящего верха, поэтому я надеваю бюст с кружевными ляжками, майку поверх и несколько цепочек. Получается достаточно хорошо.

Я не завивала волосы, наверное, лет десять и не собиралась начинать сегодня, поэтому собираю их в конский хвост и наношу немного макияжа. Кормлю собак, перекусываю сама и беру такси до бара.

В клубе темно и шумно, но я сразу вижу Кристен. Она сидит в компании девушек, которые смеются, и заметно, что они хорошо проводят время. Я заказываю выпивку в баре и направляюсь к ним.

— Ты сделала это! — верещит Кристен.

— Да.

— Девочки, это доктор Крю...

— Джесса, — поправляю я. Все еще странно, когда меня называют доктор.

Кристен хихикает. Да, она уже пьяна.

— Джесса, это мои подруги: Келли, Марианна и Меган.

— Приятно познакомиться.

Мы еще немного поболтали и посмеялись, пока музыка не стала громче, а освещение не таким ярким. Они вытащили меня на танцпол и, в итоге, все было отлично. Я отбросила все свои мысли о стрессе, работе и выплатах по кредиту.

Мужские руки обхватывают мои бедра сзади, и я поворачиваюсь посмотреть.

— Хочешь потанцевать со мной?

— Конечно, — я обнимаю его за шею и двигаюсь в ритме музыки.

Парень пытается прижать меня ближе, но я сохраняю дистанцию. Хочу только хорошо провести время, повеселиться, наслаждаться жизнью... Думаю, что заслужила это, после стольких трудов за последние несколько лет.

У меня были отношения, но по тем или иным причинам, они заканчивались. В основном виновата я, потому что поместила Тая на воображаемый пьедестал, и никто не мог сблизиться со мной. Разобравшись, что это напрасная трата времени, я сдалась.

Когда песня заканчивается, благодарю своего партнера и отворачиваюсь. Он уходит, а другой парень приближается к Кристен.

— Собираюсь пойти в туалет, — кричу я ей и подругам, сквозь шум музыки.

Они показывают мне большие пальцы вверх, и я начинаю прокладывать путь между танцующими телами, затем спускаюсь в коридор. Клянусь, им надо удвоить количество женских туалетов. Всегда длинные очереди, неужели они не догадываются просто добавить еще кабинок. Не понимаю.

В итоге, я попадаю внутрь, а когда возвращаюсь, все сидят за столом, кроме моей помощницы.

— Где Кристен? — спрашиваю их.

— Все еще танцует с тем парнем.

— А, понятно, — я не назвала бы то, что она делает, танцем. — Я собираюсь уходить. Было здорово встретиться с вами.

И я не вру, потому что отлично провела время.

Я стала другим человеком после событий шесть лет назад. Больше не позволяю себе излишеств, как большинство женщин моего возраста. Я стала еще большей домоседкой, чем была раньше, опасаясь пребывать снаружи. Если вижу черный внедорожник, ныряю в свою машину, чтобы меня не увидели. Не представляю, что это были за люди той ночью, но я убила одного из них, и, конечно, карма настигнет меня.

— Нам тоже. Береги себя.

Принимаю решение вернуться на танцпол в последнюю секунду. Снова выюсь между людьми, чтобы попрощаться с Кристен лично. Хочу убедиться, что с ней все в порядке, прежде чем уйду. Она с энтузиазмом обнимает меня, и я говорю:

— До свидания, — отодвигая ее от себя. — Ты уверена, что нормально доберешься до дома?

— Все отлично! — она кивает на парня за собой, я осматриваю его и посылаю ей свой лучший «береги себя» взгляд заботливой мамы.

— Ладно, пока.

Несмотря на танцы среди множества потеющих тел, моя кожа не такая разгоряченная, но, когда я выхожу наружу и вижу его, начинаю гореть. Тай облокотился на свой грузовик прямо напротив клуба и смотрит на меня. Ждал, может быть? Дверь позади меня закрывается, басы затихают, в то время как удары сердца начинают отдаваться в груди.

Он не сводит с меня глаз. Если бы могла двигаться, то побежала бы к нему, но я парализована. Мы не виделись шесть лет. С тех пор, как он смотрел на меня через стеклянную перегородку и говорил, что никогда не хочет видеть меня снова... Я была той, кто спустил курок, но он взял вину на себя.

Теперь он выглядит чертовски горячо. Его руки огромны. Глаза по-прежнему прекрасны, но взгляд стал жестче. Волосы чуть длиннее, чем были раньше. Брюки, в которые он одет, позволяют увидеть очертание его мужского достоинства.

— Готова? — спрашивает он, отталкиваясь от машины.

Не уверена, что правильно расслышала:

— Что?

— Готова?

Он, конечно, не может спрашивать меня о том, о чем я мечтала с тех пор, как впервые увидела его. С того момента, как Тай поцеловал меня той ночью, все, о чем я могла думать это то, что я хочу большего. Я всегда хотела еще.

— А?

— Джесса, — вздыхает он.

— Что?

— Ты готова?

— К чему?

Тай вторгается в мое личное пространство, теснит к закрытой двери клуба, даже не прикасаясь. Тепло его тела достигает меня даже на расстоянии, и я чувствую, как начинает гореть мое лицо, а трусики становятся влажными. Он обводит указательным пальцем мой рот, и его глаза, наблюдая за этим, темнеют.

— Ко мне.

Он прикусывает свою нижнюю губу, и я тотчас вспоминаю наш последний поцелуй. Никогда не испытывала такого вожделения с тех пор, и все, что он делает, — целует меня. Я стараюсь запихнуть подальше воспоминания о той ночи и сосредоточиться на этом моменте, его руках на мне и как сильно я хочу большего с Таем.

Когда я одна в постели прикасаюсь к себе, всегда представляю его. Когда я раньше занималась сексом с другими ничтожными партнерами, что были в моей жизни, я притворялась, что это он. Я знаю, чего хочу. Хочу с тех пор, как была подростком.

— Да.

Глава 7

Тай

Я беру Джессу за руку, веду к стоящему в нескольких шагах грузовику, усаживаю и закрываю за ней дверь. Мой член пульсирует в джинсах, готовый вырваться наружу и погрузиться в нее. Прошло шесть лет с тех пор, как я был с женщиной. Осознание того, как быстро могу кончить, заставляет меня пожалеть о своем решении, едва мы отъезжаем от бара. Я должен был облегчиться со шлюхой, но при одной мысли о другой киске мой член становится вялым.

Физически я силен. Мне нужно было доказывать это всю свою жизнь. В тюрьме со мной никто не связывался. Ну, ладно, Джимми пытался. Он был первым и единственным кто попробовал, и я уложил его одним ударом. Потом его «шестерка» пытался достать меня тоже, и я держал его за шею одной рукой так, что охранникам пришлось разжимать мои пальцы, пока я не придушил его.

Однако, если говорить о моральной стороне? Эта девочка ослабила меня. Сделала чертовски беспомощным. Мне просто надо попробовать ее. Всего один раз тщательно и вдумчиво. Мне реально нужна помощь, прежде чем я буду удовлетворен. Затем я оставляю ее.

Джесса сжимает мое бедро, и я поворачиваюсь, чтобы снова взглянуть на нее. Черт, она великолепна. Люблю то, что ее волосы все еще длинные, не терпится ухватиться за них. Я мечтал, как буду брать ее разными способами. Дрочил, представляя свой член у нее во рту. Черт возьми, даже просто думая о ее губах.

Она сжимает ноги и придвигается ближе. Накрываю рукой ее киску поверх обтягивающих кожаных брюк:

— Ты горишь, детка.

— Тай, — шепчет она.

Не знаю, чего хочу больше. Сделать это грязно и быстро прямо в грузовике, или чтобы она лежала подо мной. Желаю насладиться ее мягкой кожей, почувствовать тело, прижатое к моему. Игнорирую ее призыв, срываюсь с парковки и еду дальше по пустой улице.

— Я не смогу добраться до тебя, пока ты в брюках. Будь терпеливой, Джесса.

Она разочарованно ворчит, хватая меня за запястье, удерживая на месте, и двигает бедрами, создавая трение. Пытаюсь убрать руку, но она крепче держит и вжимается в мою ладонь.

— Если ты кончишь таким образом, то потеряешь мой рот, чего бы мне очень не хотелось. Я мечтал, как ты оседлаешь мое лицо шесть гребанных лет, детка. Не лишай меня этого.

— Тай...

— Не кончай, Джесса.

— Тай, — повторяет она, ее дыхание ускоряется.

Я отрываю руку и хватаюсь за руль. Иисус, прикосновение даже сквозь одежду вызывает покалывание в яйцах.

— Мы почти на месте.

— Быстрее.

Задеваю бордюр, заезжая на подъездную дорожку к ее дому, она рывком открывает дверь и бежит к крыльцу. Выпрыгиваю из грузовика и морщусь от того, как член трется о джинсы во время движения. Я следую за ней, готовый схватить и раздеть ее прямо за входной дверью, как слышу, что на меня рычат три собаки.

— Не обращай на них внимания.

Джесса запрыгивает ко мне на руки, я отступаю, ловя ее и толкая дверь, чтобы та закрылась. Она припечатывается своим ртом к моему. Не уверен, кто первый раскрыл губы, но, когда ее язык касается моего, Богом клянусь, мое чертово сердцебиение отдается пульсацией в члене.

— Кровать, — направляю я нас.

Она кивает в сторону коридора, я открываю первую попавшуюся дверь, не разбираясь, чья это комната. Все, что мне нужно, это место, куда ее можно положить. Джесса прижимает меня к закрытой двери и опускается на колени. Нетерпеливо расстегивает мои джинсы, спускает их и обхватывает руками член. У меня вырывается непроизвольное шипение, когда она начинает ласки, ее пальцы не могут соединиться, пока Джесса пытается обхватить член. Прошло слишком много времени с того момента, как мне пришлось довольствоваться только собственной рукой, и я не был настолько доведен до отчаяния с того времени, как был тринадцатилетним подростком, занимающимся сексом в первый раз.

Она берет его в рот, и я ударяюсь головой о дверь. Черт, не думал, что это случится, что это и ее желание тоже. Ее потребность настолько сильная, как и моя. Ее изящные пальчики слегка касаются моих яиц, короткие ноготки царапают чувствительную кожу. Мои яйца сжимаются ошеломляюще быстро, и я отталкиваю ее, пока не излился ей в горло. Не важно, сколько это продолжалось бы, я не намерен кончать так скоро.

Джесса почти упала, но я успел подхватить ее. Избавляюсь окончательно от штанов и боксеров, поднимаю ее с коленей, и она приближается к кровати. Избегаю смотреть в глаза, боясь испытываемых мною чувств, снимаю с нее майку и накрываю ладонями грудь поверх черного бюстгалтера. С ее губ срывается стон, склоняюсь и посасываю вершинки сосков. Сквозь тонкий слой ткани слегка щелкаю по затвердевшим соскам, и она падает назад на кровать. Снимаю рубашку через голову, и еще до того, как та успевает коснуться

пола, мои руки на поясе ее брюк, стаскивают их. Обхватываю огрубевшими пальцами икры Джессы, раскрываю ноги и набрасываюсь на нее, словно оголодавший. Она удерживает мою голову, помогая себе двигаться напротив моего рта. Трахаю ее языком, сладкий насыщенный аромат проникает мне в горло. Как только она напрягается, поднимаю ее и ложусь на спину, передвигая так, чтобы киска находилась надо мной:

— Трахни мое лицо, Джесса.

— Что? — ее частое дыхание становится прерывистым.

Хватаю ее за бедра и опускаю на свое лицо, пронзая своим голодным языком.

— Твою ж мать.

Она немного приподнимается и опускается на мой язык. Сжимаю ее попку, до смерти желая погрузить свой ствол в тесный, горячий, влажный жар. Джесса начинает раскачиваться надо мной, и я использую все, что у меня есть, — нос, подбородок, зубы, язык, чтобы привести ее к оргазму. Конечно, хочется быть сногшибательным, но будучи эгоистичным, нуждаюсь погрузиться в нее больше, чем в кислороде.

Слегка ударяю языком по клитору, в то время как ласкаю ее вход средним пальцем и затем вставляю его в ее тело.

— Тай! — кричит она.

Она сжимается вокруг моего теперь уже влажного пальца, и я позволяю ей кончить. Ее тело дрожит, а из моего члена выделяется столько смазки, что чувствую ее у себя на животе.

Укладываю Джессу на спину, потираю распухшие складочки влажным концом члена, постукивая им по пульсирующему клитору:

— Тебе хорошо?

— Да.

— Отлично, — я скользнул в нее на всю длину, почти полностью вышел и тут же чуть не сдался. — Черт, так хорошо.

Ее киска затягивает меня снова, падаю на предплечья, смотря туда, где мы соединяемся, чтобы не видеть ее ангельское лицо. Осознание происходящего заставляет меня хотеть одновременно продлить все это настолько, насколько возможно, и, одновременно, чтобы все побыстрее закончилось. Чем дольше нахожусь в ней, тем больше начинаю хотеть делать это снова и снова. Толкаюсь жестче, сильнее и интенсивнее, она обхватывает мою талию ногами. Аромат возбуждения наполняет комнату, и я рычу, когда неожиданно изливаюсь в нее в тот момент, когда ее стенки сжимают меня. Она учащенно дышит и затихает, впиваясь в меня ногтями, ее бедра дрожат. Я сдерживаю возбуждение, испытывая головокружение от самого лучшего опыта, что был в моей жизни. Самого сладкого. Самого потрясающего.

Откатываюсь от нее и закрываю рукой глаза. Черт, о чем я думал? Джесса придвигается и закидывает на меня руку и ногу. Не прикасаюсь к ней. Не могу. Даже если мои пальцы горят от желания приласкать ее спину или запутаться в ее волосах.

Чем дольше остаюсь рядом, прикасаюсь к ней, тем больше хочу ее. Чувствую, как Джесса расслабляется, дыхание становится ровным. Выskalзываю из-под нее и собираю одежду. Когда открываю дверь, собаки виляют хвостами, стуча ими по полу. Обхожу их на цыпочках, прикрываясь своим барахлом, одеваюсь и ухожу.

Возвращаюсь к себе около часа ночи и, когда понимаю, что я не один такой ранний, выхватываю из бардачка свой «Глок» и выпрыгиваю из машины. Нет смысла откладывать неизбежное.

— Марко, — киваю я и иду, минуя его, к складу.

Слышу его шаги позади меня, подхожу к столу, он обходит, достает кейс и открывает его:

— Все здесь.

Беру плотно набитый пакетик, взвешивая в руке. Без слов закрываю чемоданчик. Забираю его, разворачиваюсь и ухожу. Он следует за мной к выходу, и перед тем, как сесть в машину, слышу, как меня зовут по имени. Когда поворачиваюсь, требуется сопротивление каждой клетки моего существа, чтобы не убить его прямо сейчас. Воздать ему по заслугам за то, как он обошелся с моей матерью. Медленная болезненная смерть. Она могла оставаться наркоманкой, но, возможно, и завязала бы. И все же, не могу. Не сейчас. Я вышел только неделю назад. Мне нужно больше времени.

Поднимаю бровь и жду, что он скажет.

— Что за молчанка, старина?

Он такой самодовольный ублюдок. Чертовски ненавижу его.

— Мне нечего тебе сказать.

Плюхаюсь на сиденье грузовика и открываю окно:

— Ты получишь свою прибыль через три дня.

— Принесешь через два и получишь дополнительно пять процентов.

— Мы договаривались на три дня, и мне не нужны от тебя гребаные бонусы.

Включаю передачу и выезжаю с темной парковки. Захожу в мою пустую, необставленную квартиру и нахожу полную наличности сумку, ожидающую меня. Они уже доставили ее. Теперь мне нужно все сплавить.

Глава 8

Джесса

Две недели. Две долбанных недели с тех пор, как он трахнул и бросил меня. Как он посмел?

Я живу с непреодолимым чувством вины с той ночи, когда арестовали Тая... Зная, что несу ответственность за смерть человека, и неважно насколько он был плохим. Может, у него были дети, жена? Может, еще живы его родители и плачут на могиле, потому что сына забрали слишком рано?

И Тай. Боже, груз на душе от того, что он в тюрьме за преступление, совершенное мной, был иногда так тяжел, что я едва могла дышать. И хотя он не оставил мне выбора, было ли принято верное решение? Все время я задаюсь вопросом, поступила ли я правильно, позволяя взять вину на себя, но оглядываясь назад, знаю, что сделала все как надо.

После ареста Тая той ночью, я была сама не своя. Я убила человека. Стреляла в него, и он умер прямо на моих глазах. Я смогла пойти в тюрьму спустя пару дней, хотела увидеться и поговорить с Таем. Я разыскала его, и, когда он вышел из-за угла в оранжевом комбинезоне и наручниках, все пропало. Я уперлась лбом в прозрачную перегородку, разделяющую нас.

Никогда не забуду, как он взял телефон и его гневные слова, когда я нашла в себе силы поднять трубку:

— Убирайся к черту отсюда. Я не знаю тебя, никогда не знал и не хочу видеть тебя снова. Слышишь меня?

У меня отвисла челюсть, но я смогла кивнуть.

— Слушай меня внимательно. Я не знаю тебя. Понятно?

— Но...

Он наклонился вперед, на долю секунды его жесткие черты лица смягчились, и он сказал одними губами: «Джесса, пожалуйста». В то же мгновение он прорычал в трубку:

— Ты поняла меня?

Я не могла говорить, поэтому кивнула, вытирая слезы, положила телефон и ушла.

Это было шесть лет назад. Конечно, я внимательно следила за судебным разбирательством. Когда пришла увидаться с ним после вынесения приговора, обнаружила, что мое имя удалено из списка посетителей, поэтому оставила свои попытки и больше не возвращалась.

Затем Тай появляется возле бара, привозит меня домой, мы занимаемся лучшим сексом в моей жизни, и он снова исчезает. Ну и пошел он! Пусть катится с этими долбанными чувствами, которые я испытываю к нему с семнадцати лет. Я была одержима им двенадцать лет. Пришло время двигаться дальше.

— Конечно, Нил. Пятница звучит отлично, — отвечаю я офицеру полиции, чьей служебной собаке я только что сделала прививку.

— Хочешь, чтобы я приехал за тобой?

— Да, это было бы здорово. Вот здесь, — торопливо записываю адрес и мобильный телефон на обратной стороне своей визитки. — Я работаю до пяти, так что в семь, хорошо?

— Да, конечно. Увидимся.

Я улыбаюсь Нилу, выхожу из смотровой и, сделав пару шагов, упираюсь затылком в стену. Что я делаю? Иду на свидание назло Таю. Чтобы доказать что? Что не хочу его настолько сильно.

Не важно. Очевидно, что ему надо было просто перепихнуться с кем-то после освобождения из тюрьмы, и я была готова участвовать в этом. Нельзя продолжать держаться за мужчину, который исчезает в мгновение ока. Я не становлюсь моложе и хотела бы однажды создать семью. Я представляю рядом мужчину, который хочет, чтобы нас видели вместе, вместо того, который все время убегает.

Вздыхаю, глядя в компьютер и проверяя расписание, затем мою руки и направляюсь на следующий прием. Я делаю то же, что и последние шесть лет — стараюсь быть занятой делами, чтобы не вспоминать.

Все мои собаки поднимают лай, когда раздается стук в дверь, и я пытаюсь утихомирить их перед тем, как открыть Нилу.

— Привет, извини. Они любят поговорить. Даже слишком.

— Я люблю собак, поэтому и работаю в подразделении К9, — улыбается Нил и входит, вручая мне небольшой букет цветов.

— Спасибо, они красивые.

Закрываю за ним дверь, и он склоняется приласкать моих собак.

— Мне нравится твой дом.

— Благодарю. Я переехала сюда чуть больше года назад. Было сложно найти что-то со двором в этой части города.

Иду на кухню. Открываю шкафчик, чтобы достать вазу, но не дотягиваюсь.

— Я достану ее, — говорит Нил прямо за мной. Я чувствую его дыхание на своей макушке.

— Спасибо.

Я отхожу, пока он легко достает пурпурную вазу и подает мне. Поставив красочный букет в воду, направляемся к его внедорожнику. Сначала он открывает мою дверь и помогает забраться, затем обходит машину и садится сам.

— Думаю, мы могли бы поехать в новый ресторан с морепродуктами, если ты захочешь.

— Конечно, звучит здорово.

Смотрю в окно на проплывающий мимо город, и чем дальше удаляюсь от дома, тем отчетливее становятся неприятные ощущения. Не то, чтобы я боялась, просто не хочу всего этого. Не хочу этого парня. Желаю того, который отказался от меня, и это отстойно.

— Итак, ты местная?

— Да, — прочищаю горло и поворачиваюсь к нему. Он привлекательный. Волевой подбородок, ярко-голубые глаза, светло-коричневые волосы. Плюс, он коп. — Родилась и выросла. А ты?

— Я жил на севере, но подал заявку и получил здесь работу четыре года назад.

— О, круто.

Он накрывает своей рукой мою и пожимает ее:

— Я рад, что ты согласилась пойти. И ждал этого момента всю неделю.

Не отвечая, я улыбаюсь и стараюсь не двигать руку, хотя на самом деле хочу отдернуть ее. Нил поглаживает меня большим пальцем всю дорогу до ресторана, и я вздыхаю с облегчением, когда мы паркуемся.

Вот, что Тай сделал со мной. Я не могу серьезно относиться к другим мужчинам. Так трудно быть близкой с кем-либо. Все отношения, что у меня были, заканчивались расставанием, просто потому, что те парни не были Таем. Это не справедливо по отношению ко мне, я осознала это, поэтому действительно стараюсь не сравнивать Нила с Таем.

Все время, что мы ужинаем, я обдумываю свою жизнь. Вот передо мной милый, приятный, привлекательный мужчина с хорошей, уважаемой работой. Он явно заинтересован во мне и не показывает ничего, кроме вежливости и обаяния. Вместо грязных разговорчиков одного бандита, засевшего у меня в голове.

Безусловно, со мной что-то не так. Может это какая-то извращенная версия вины выжившего или что-то еще. Имею в виду, я убила человека только потому, что он собирался стрелять в моего героя. Тай мог вести себя так, будто принадлежит улицам, но я знаю лучше. Он не такой. Он спасал меня несчетное количество раз. Он не плохой. Он хороший, очень-очень хороший.

После двух бокалов вина, я пью воду. Нил оплачивает счет, не показывая его, и приобнимает меня за талию, чтобы вывести из ресторана. Или я хорошо притворялась, или он действительно без ума от меня. Поездка домой проходит в тишине, только радио тихонько играет.

Он больше не держит меня за руку, и я задаюсь вопросом, не обидела ли его. Понял ли Нил, что мои мысли не с ним? Может ли мужчина почувствовать, что женщина думает о другом? Хотя, мне уже все равно. Наверное, я так и останусь незамужней. В любом случае, мне не нужен мужчина, у меня есть мои собаки.

Когда мы подъезжаем к дому, он спешит открыть мою дверь и провожает до крыльца. Я достаю ключи из сумочки, вставляю в замочную скважину, но не открываю дверь:

— Спасибо за ужин. Я хорошо провела время, — лгу я. Он, на самом деле, не причем. Дело во мне. Звучит так же фальшиво, как и кажется.

— Я тоже, — он подходит ближе, чтобы оставить легкий поцелуй на моих губах. — Я позвоню.

Мне не хватает духу сказать ему «нет»:

— Хорошо.

Он кивает и ждет, когда я войду. Улыбаясь, открываю дверь, поворачивая ключ, и аккуратно закрываю ее.

— Привет, ребята, — тороплюсь к задней двери, чтобы выпустить собак и положить им еду, пока они делают свои дела. Когда они забегают обратно, иду в душ, затем надеваю халат, завязывая пояс на талии.

Выхожу во внутренний двор, позволяя собакам погулять еще немного, затем возвращаюсь и закрываю за собой раздвижную дверь. После того как выключаю везде свет, иду к лестнице наверх. Как только переступаю порог, у меня вырывается крик ужаса.

— Как прошло свидание? — спрашивает Тай.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Как прошло твое свидание, Джесса?

Он сидит неподвижно на краю моей кровати, но по его тону становится ясно, что Тай сильно пьян. Я сглатываю и избегаю смотреть ему в глаза.

— Посмотри на меня, — рывкает он. Я послушно перевожу взгляд на него. — Как прошло чертово свидание?

Через пару секунд я успокаиваюсь после неожиданной встречи с ним и начинаю злиться. Этот парень трахнул меня и не был настолько любезен, чтобы оставить хотя бы прощальную записку. Ну что ж, в эту игру могут играть двое.

— Все было прекрасно.

Его брови сходятся на переносице, и он встает. Черт.

— Было ли, а?

— Да.

— Сними халат, — требует он, надвигаясь меня.

Я обхожу его и бросаюсь в другой конец комнаты.

— Не играй со мной. Сними чертов халат.

У меня пульсируют вены на шее, мышцы живота напрягаются, а киска пульсирует.

— Нет.

— Нет?

— Ты оставил меня, — замечаю я тихим голосом. Теперь он понимает, что я тоже пьяна.

— Да, а теперь я вернулся. Снимай халат.

Он бросается вперед и ловит меня, припечатывая спиной к стене. Наклоняет голову, осматривая каждый сантиметр лица, затем проводит большим пальцем по губам. Низкое рычание раздается из глубины его горла, и он набрасывается на мой рот.

Я сжимаю губы в смехотворном протесте, но Тай упрямится их раскрыться своим языком. И я не могу сопротивляться. Это делает меня слабовольной, но мне так хорошо, что становится все равно. Его пальцы развязывают пояс халата, и он делает шаг назад, раскрывая его и позволяя соскользнуть на пол.

— Так прекрасна, — шепчет он. — Черт возьми, ты так красива.

Он подходит, его грудь соприкасается с моей, Тай проводит рукой между моих ног:

— Он прикасался к тебе здесь?

— Нет.

— Это хорошо. Никто, кроме меня, не смеет дотрагиваться до тебя.

Я должна быть взбешена сейчас. Ударить бы его по яйцам. Но нет. Растекаюсь как желе. Быть с ним — это все, что я когда-либо хотела. Чтобы он овладевал мной всеми способами, о каких я мечтала.

Тай резко раздвигает мои ноги своей ногой и опускается на колени. Я держусь руками за стену, чтобы устоять. Тай ведет языком по внутренней стороне бедра, и я смотрю, как он слизывает мою влагу. Достигая вершины, он всасывает так сильно, что я прогибаюсь. Одной рукой он возвращает мое тело обратно и кусает клитор. Я кричу, он усмехается, раскрывая меня для лучшего доступа. Он ничего не делает, только смотрит на мое чувствительное, трепещущее местечко:

— Твоя киска голодна сегодня.

Тай поднимается и идет к моему креслу для чтения, снимает свои серые тренировочные штаны, высвобождая длинный, толстый, твердый член. Новая порция влаги течет по моим ногам. Сядь, он указывает на свои колени, и я с нетерпением иду к нему. Расставив колени по бокам от него, начинаю медленно опускаться, но Тай останавливает меня:

— Это не для тебя. Ты трахаешь меня, пока я не кончу глубоко внутри тебя, потом ты поднимаешь свою хорошенькую попку и идешь в кровать.

— Что? — выдыхаю я. Мои бедра горят и трясутся от предвкушения.

— Ты позволила прикоснуться к себе другому мужчине и поцеловать себя.

Я начинаю слезать. Да пошел он. Может, я и хочу Тая, но не позволю его члену победить меня. Кто он такой, чтобы указывать, кто может до меня дотрагиваться, а кто нет?

Как только я отодвигаюсь, Тай хватает меня за бедра и тянет вниз, при этом сам толкается вверх и полностью входит в меня.

— О, черт, — задыхаюсь я.

— Двигайся, но сама не кончай, — сдавленно говорит он.

— Тай, — хнычу я, скользя вверх.

— Вот так хорошо. Я единственный, кого ты будешь трахать. Меня, детка. Не забывай это. А теперь, двигайся.

И я делаю это. Как шлюха, кем видимо и являюсь, объезжаю его, преследую оргазм, который вот-вот наступит. Он держит меня за бедра, управляя, и через пару минут я уже на пике. Тай притягивает меня к себе, и я чувствую, как он изливается, впиваясь в меня пальцами. Я пытаюсь продолжить движение, но он не дает. Черт возьми. Спина начинает покрываться потом, слезы заполняют глаза. Мой обидчик без слов встает и аккуратно кладет меня на кровать.

— Тай, — шепчу я, сжимая ноги.

Он натягивает штаны, копается в моей прикроватной тумбочке и достает вибратор:

— Ты не кончишь на мой член сегодня. Помни об этом, когда в следующий раз позволишь другому прикасаться к себе.

Даже будучи в состоянии сильного возбуждения, я чувствую боль в его словах, вижу страдание в глазах. Я бы сошла с ума, если бы увидела его с другой, поэтому не могу винить его. Он склоняется надо мной и целует в кончик носа:

— Я все же позволю тебе.

Тай прикладывает к моим распухшим складочкам конец ярко-розового вибратора, и я выгибаюсь над кроватью. Когда он включает его, вибрация оказывается именно в том месте, где я нуждаюсь. Мои стенки сжимают пустоту, я кричу, и оргазм, в котором я думала, он отказал мне, накрывает меня. Хнычу, ощущая, как волны мучительного наслаждения проходят по моему телу, принося удовлетворение, но не полное.

— Тебе нужен мой член, да?

— Да, — всхлипываю я, притягивая его ближе.

Он обхватывает мое лицо руками, стягивает снова штаны и скользит в меня одним плавным движением. Ничто не сравнится с ним. Никакой вибратор даже близко не дает такого ощущения гладкой твердости внутри. Мы оба стонем, и я обхватываю его ногами, притягивая ближе насколько это возможно. Тай касается своим лбом моего, мы смотрим друг на друга, занимаясь любовью медленно и основательно.

Задыхаюсь, как только накатывает новая волна удовольствия, и когда она достигает пика, мы выкрикиваем имена друг друга до того, как она разбивается. У Тая трясутся руки от напряжения, мои ноги раскрываются, пока он замедляет движение и замирает.

Еще до того, как я отошла, тепло его тела исчезает, он склоняется и целует меня. Я закрываю глаза от удовольствия, а когда открываю их, Тай уже ушел.

Глава 9

Тай

Я нахожусь в стрип-клубе... Нет, это не просто стрип-клуб. Это долбанный бордель. Марко сидит слева от меня, а я стараюсь отодвинуть свой стул подальше от женщины, делающей ему минет. Ее задница прямо у меня перед лицом, от вида раскрытой промежности виски встает поперек горла.

— Хочешь присоединиться? — спрашивает Марко, указывая на ее зад.

— Я в порядке.

— Вот как? Ты только вышел из тюрьмы и вдруг стал слишком хорош для моих девочек?

Я посмеиваюсь и провожу пальцем по ее ягодице:

— Не, приятель. Ты хорошо знаешь свое дело, справишься сам, — отвечаю ей шлепок, и она взвизгивает, не выпуская член Марко изо рта.

— Иди-ка сюда и сядь своей п*здой на меня, — он хватает ее за волосы, и девица перемещает свое обнаженное тело наверх и опускается на него, как было приказано. Марко вынимает сигарету изо рта и закрывает глаза.

— Позже, брат, — я встаю и хлопаю его по плечу.

— На следующей неделе.

— Я знаю.

Киваю вышибале и направляюсь на выход. Как только заворачиваю за угол, у меня случается рвотный позыв прямо у кирпичной стены. Мой грузовик сразу за переулком, как только дохожу до него, убираюсь к черту подальше от этого места в сторону моего дома.

Я снимаю всю одежду по дороге к ванной. Тру кожу и позволяю горячей воде смыть всю гадость. Ничто не стоит того, чтобы купаться в этом дерьме, но у меня нет выбора. Я бы хотел, но та ночь шесть лет назад забрала мою свободу выбора. Черт, но до этого. Не думаю, что моя жизнь когда-либо мне принадлежала.

Марко любит контроль... Ему нравится чувствовать себя гребаным королем выдуманного им королевства. И даже несмотря на то, что у нас были... разногласия, он думает, что управляет мной, и поэтому оставил меня в живых.

Джесса — единственная непорочная вещь в моей жизни. Ее чистой красоты достаточно, чтобы сделать мою грязную душу снова чистой. Черт, последний раз, когда я помню у меня была чистая совесть, мне было лет восемь. Взросление рядом с матерью проституткой исказило мою картину мира. Я был втянут в ее мир и не мог сам выбраться оттуда.

Пока вытираюсь, слышу звонок телефона. Выхожу с полотенцем на талии, чтобы ответить:

— Да?

— Угол Седьмой и Проспекта. Полночь.

Звонок завершается. Я провожу рукой по волосам и делаю вдох, прежде чем начать одеваться. Выходя, хватаю спортивную сумку, полную кокаина, и кладу одноразовый мобильник в задний карман.

Когда я закончил, было уже два часа ночи, но мне нужно увидеться с Джессой. Необходимо прикоснуться к ней, чтобы напомнить себе ради чего я всем этим занимаюсь.

Паркуюсь за углом в двух кварталах. Добравшись до ее дома, взламываю замок на задней двери и направляюсь к лестнице наверх. Прежде чем подняться, бросаю собакам угощение и снимаю обувь.

Когда открываю дверь, мой член становится каменным только от запаха ее комнаты. Лаванда. Я сбрасываю штаны, приподнимаю одеяло и скольжу под него, прижимая девушку к себе. Толкаюсь бедрами, прижимая свой член между ее ягодицами.

Джесса испуганно ловит воздух, и я шепчу ей:

— Это всего лишь я.

— Господи. Не делай так. Ты напугал меня до смерти.

— Извини.

Она устраивается поудобнее, прижимаясь ближе, и вздыхает:

— Я сегодня не в форме.

Продолжаю водить губами по ее коже. Она ощущается чертовски приятно везде:

— Все хорошо. Я просто хочу обнимать тебя.

Она расслабляется, и я прижимаю ее еще ближе. Я зарываюсь лицом в ее волосы и закрываю глаза, чтобы поспать пару часов. Когда ты всю жизнь вынужден оглядываться, сон становится роскошью. Крепкий сон вообще недостижим, поэтому, когда просыпаюсь спустя четыре часа на восходе солнца, понимаю, насколько мне комфортно с ней. Она настолько умиротворяет меня, что я не могу ясно мыслить, находясь рядом.

Чувствую прохладу, когда выскальзываю из кровати. Выхожу через заднюю дверь, чувствуя себя обновленным после продолжительного сна. Вместо того, чтобы пойти домой, прохожу семь кварталов к кладбищу и усаживаюсь на траву у могилы моей матери.

Я не был на ее похоронах. Марко, по крайней мере, проявил порядочность и вызвал скорую, поэтому она была похоронена должным образом. Она умерла от передозировки сразу после того, как я был арестован. Это Марко подсадил ее на наркотики, так что технически, она была убита. Когда мне сообщили, я просто кивнул полицейскому и, к своему стыду, ощутил облегчение. Больше за себя, чем за нее. За маленького мальчика, который не знал ничего, кроме наркотиков и бандитов. За ребенка, который всю свою жизнь пытался защитить женщину, не желающую быть спасенной. За подростка, которому тяжело давались жизненные уроки. И за взрослого, который потерял единственную семью, что была у него.

Мама сбежала от своего жестокого отца, когда ей было пятнадцать. Вероятно, он умер лет десять назад. Так же, как и она, я не знал кто был моим отцом. Поэтому теперь я один.

Позади раздаются шаги, и мой босс Джей хлопает меня по плечу:

— Узнал что-нибудь вчера вечером?

— Нет.

— Тай, я знаю, это сложно для тебя. Но чем быстрее ты добудешь нужную информацию, тем быстрее освободишься от него.

Поднимаюсь и стряхиваю траву с джинсов:

— Ничего. Он ничего на хрен не рассказывает. Я тебе говорил об этом годы назад. Он скрытно ведет свои дела. Я делаю все, что могу, ясно?

— Знаю, — Джей поднимает руки, сдаваясь. — Я знаю это и доверяю тебе. И не хочу, чтобы ты находился в еще большей опасности, чем сейчас, но время не ждет.

Напоминая себе, что он всего лишь делает свою работу, я щелкаю суставами и выдаю единственную информацию, что у меня есть:

— По слухам у него намечается большая сделка через три недели. Я не знаю подробностей, потому что не слышал ничего конкретного. Это все, что у меня есть. Честно говоря, ничего нового. Он все время над чем-то работает.

Джей кивает:

— Держи меня в курсе.

— Да, — мы сталкиваемся плечами, когда прохожу мимо него.

Благополучно добравшись до квартиры, переодеваюсь, ем тарелку овсянки и направляюсь на свою дневную работу, которая также является частью моего прикрытия.

Глава 10

Джесса

Щелкаю кнопками мыши, проверяя свое расписание и подробности последней записи на сегодня.

— Кто у нас на четыре тридцать? — спрашиваю Кристен, когда она входит в кабинет с кипой бумаг.

— Не знаю, — пожимает плечами она. — Он позвонил сегодня утром и сказал, что ему нужна консультация.

— И все?

— Да. Больше ничего не сказал, кроме того, что у него есть собака, которую предположительно надо усыпить и обсудить этот вопрос до принятия решения.

Вздыхаю:

— Сначала нужно посмотреть собаку.

— Я сказала ему тоже самое, но он сделал предоплату кредитной картой с телефона.

— Ладно. Посмотрим.

Я занимала себя обновлением документов и просмотром записей весь день. На самом деле, пришлось это делать всю прошедшую неделю с тех пор, как Тай оставил меня одну в постели... снова.

Это выводило меня из себя последнее время. Мне надоело тосковать по нему. Я устала фантазировать о мужчине, которого не было рядом. Частью этого всегда была слепая влюбленность, чувство вины и, конечно, то, как мы подходили друг другу в постели. Но сейчас я чувствую только злость.

Не успела оглянуться, как наступил конец дня. Кристен провожает последнего посетителя в смотровую. Не дождавшись, как мимо пройдет собака за владельцем, стучусь и захожу в кабинет. Но когда я понимаю, кто пришел, тянусь обратно к ручке.

Это лицо выжжено в моей памяти. Жестокость его поступков той ночью не дает спокойно спать и преследует меня. Как он зло смотрел, позволяя избивать Тая. Его гнусные слова о том, что хотел со мной сделать.

— Не так быстро, доктор Крю, — кивает мне Марко.

Мои ладони вспотели и в горле пересохло:

— Что вы здесь делаете?

— У меня кажется проблема с собакой, понимаешь? — он поднимается с места и медленно приближается.

Я отступаю, пока не оказываюсь зажатой в углу:

— Чего вы хотите? — говорю тверже, чем ожидала. Не знаю, сколько смогу притворяться, что мне не страшно.

— Ну, это моя собака. И я спрашиваю, должен ли я ее усыпить.

Сглатываю и киваю, чтобы он продолжал. Пока Марко будет говорить, у меня больше шансов убежать, чем, если просто начну кричать. Я видела, на что способен этот человек, уверена, он будет стрелять в меня без зазрения совести. К тому же, не хочу вовлекать в это Кристен.

— Он был очень непослушным, шатался ночью по улицам, чтобы встретиться со своей сучкой, — Марко подходит ближе, утыкается носом в мои волосы, выдыхает и отступает. — Хотя, она пахнет так восхитительно, что я не могу его винить.

Я борюсь с рвотными позывами:

— Что вы хотите?

Его взгляд опускается к моей груди, и я вздрагиваю. Он снова придвигается, ведет носом вдоль подбородка и останавливается у уха:

— Я хочу, чтобы ты передала ему сообщение.

— Хорошо, — надеюсь, если я соглашусь, он отвалит.

— Когда увидишь его в следующий раз, скажи, что Марко передает привет, — он отступает и уходит, ничего больше не говоря.

Мое дыхание восстанавливается, из груди выходит тихий всхлип от страха. Я быстро выхожу из комнаты и иду к парадному входу, чтобы закрыть дверь. Появляется Кристен:

— Тебе нужно что-нибудь еще?

— Что? Нет, — я спешу повернуть за угол, чтобы вытереть глаза.

— С тобой все в порядке?

— Да, возьму сумочку и пойдем.

Как такое могло произойти? У меня нет способа связаться с Таем. Я даже не знаю его номера телефона или где он живет. Марко не нужно было передавать сообщение. Он хотел припугнуть меня. Его. Нас. Он пытался продемонстрировать силу.

Мы это не обсуждали, но я предполагала, что Тай не связывался больше с Марко и его громилами, когда вышел из тюрьмы. Как в тумане я сажусь в машину и еду домой. По пути снова подступают слезы, и, зайдя в дом, я опять плачу. Обдумываю возможность позвонить копам, но потом вспоминаю, как Тай говорил, не ждать от них помощи, поэтому принимаю решение дожидаться, когда он снова появится.

Собаки запрыгивают ко мне на диван, успокаивая, пока я обдумываю свою жизнь. Никогда не чувствовала опасность, находясь дома, до этого дня. Я боюсь за себя, за моих собак и за Тая.

Сообщение Марко было предупреждением. Он следит за нами. Вероятно, следил и раньше. Не думаю, что ему было известно, кто я такая, он не давал о себе знать с той ночи шесть лет назад. Я была такой наивной, думая, что все это просто исчезнет. Я умная женщина, но прямо сейчас чувствую себя идиоткой. Но откуда мне было знать? Это не гребаное кино. Это моя жизнь. Жизнь Тая. Я бы хотела, чтобы наши пути объединились, но боязнь Марко мешает этому случиться сейчас еще больше, чем раньше.

Я позволяю моим собакам спать сегодня в моей кровати.

Еду на работу дерганная и раздраженная после вчерашнего визита Марко. Когда моя машина издает громкий звук, включая аварийный сигнал. Взбешенная и сытая по горло всеми событиями, отправляюсь в мастерскую, где была в прошлый раз, захлопываю дверь машины со всей силы. Рывком открываю дверь мастерской, так, что колокольчики ударяются в стекло. Работник за стойкой, с вышитым на голубой рубашке именем Чип, поднимает брови.

— Вы, ребята, чинили мою машину несколько недель назад, и теперь с ней происходит тоже самое.

— Да? — смотрит он на меня сбитый с толку.

— Да. И я хочу, чтобы вы исправили это прямо сейчас, — выкрикиваю я, не замечая, что повышаю голос.

— Я бы рад взглянуть на это сейчас, но...

— Никаких «но». Вы посмотрите и почините ее прямо сейчас, — добавляю я.

— Мэм, могу записать вас...

Я топаю ногой, полная негодования. Обычно я не веду себя как сучка. Уверена, что буду чувствовать угрызения совести, после выражения недовольства этому парню.

— Похоже, мы сможем вас принять завтра, если хотите...

— Завтра?! — визжу я. — И как же я смогу...

Замолкаю, когда вижу Тая, выходящего из задней комнаты и смотрящего в свой телефон, номера которого я не знаю.

— Ты! — выкрикиваю я.

Он прерывается и поднимает взгляд от экрана, его лицо вытягивается, потом становится раздраженным, и, мне кажется, в итоге он расстроен.

— Привет, — кивает он мне, разворачивается и уходит.

— Черт, нет, — кричу я, когда за ним закрывается дверь.

Мои ноги начинают двигаться еще до того, как я понимаю, что делаю. Влетаю в комнату, куда он вошел:

— В чем твоя проблема? — мой голос утрачивает напускную смелость, когда я подхожу к нему ближе.

— Поговори с Чипом о своей машине, Джесса, — он убирает телефон в задний карман и вытирает руки о грязные джинсы.

— Плевать на машину. Где ты был?

— Не беспокойся об этом.

У меня открывается рот на секунду, но я прячу обиду, сдерживая слезы от его невыносимого равнодушия:

— Не беспокоиться?! — шепчу я.

Он хватает связку ключей с полки и кивает мне, выходя из комнаты:

— Да, детка.

Я была готова забыть свой гнев и рассказать ему о Марко, но во мне заговорила феминистка:

— Не звони мне больше, малыш.

— Прости? — он останавливается и разворачивается ко мне.

Но мне необходимо рассказать ему о Марко:

— Слушай, неважно. Вчера на работе...

Тай подходит немного ближе, и меня окутывает его мужской запах смешанный с запахом машинного масла:

— Ты кончаешь со мной?

— Что?

Он проводит губами по моей щеке:

— Если ты кончаешь со мной, я звоню, когда захочу.

Нахал! Отталкиваю его и провожу рукой по волосам:

— Ну ты и придурок!

Тай усмехается и притягивает меня ближе, чтобы оказаться со мной нос к носу. Это не отрицает огонь между нами, но я отказываюсь позволять ему продолжать использовать меня. Когда он облизывает губы, я отталкиваю его и вылетаю из комнаты к моей горемашине.

Я так рассержена его поведением, что забываю закончить рассказ о вчерашнем посетителе. В любом случае, похоже, ему нет дела до меня. Он заботится только о себе и своих желаниях.

Остаток дня я с головой погружаюсь в работу, потом обнаруживаю, что мою машину приняла другая мастерская. Кристен завезла меня туда и затем подбросила до дома. Сегодня пятница, и они сказали, что машина будет готова к вечеру понедельника. Поэтому Кристен снова будет моим водителем.

Собаки успокаивают меня, когда я сижу и плачу. Угрозы Марко так сильно расстраивают и пугают. Если бы я не была настолько потрясена встречей с Таем, то передала бы ему послание, которое должна была.

Закрываю все двери и иду в кровать. Пару часов я беспокойно ворочаюсь, и прямо перед тем как погрузиться в сон, слышу шаги. Тай. Я должна быть очень сердита после того, как мы расстались ранее. Но правда такова, что больше боюсь, чем злюсь. Я немного знаю о нем. В общем-то, ничего. Единственное, в чем я уверена, что когда он рядом, я чувствую себя в безопасности. И все, в чем я сейчас нуждаюсь, — его защита. Особенно, когда надо мной нависла угроза.

Когда дверь открывается, мои собаки виляют хвостами, узнавая его. Я не поворачиваюсь, но слышу, как он выводит собак из комнаты и закрывает дверь. Ботинки падают на пол, расстегивается ремень. Звук открывающейся молнии заставляет сжаться мои внутренности. Тихий шелест говорит мне о том, что он скинул рубашку. Жду, когда откинется одеяло, но вместо этого, оно приподнимается где-то на фут.

Холодные пальцы обхватывают мои лодыжки, чтобы перевернуть на спину. Они скользят вверх по моим ногам и стаскивают шорты, в которых я сплю. Мозолистые руки сдавливают бедра, раскрывая меня. Сначала ощущаю его дыхание, затем прикосновение щетины. Низкий гул, раздающийся из его груди, заставляет трепетать меня. Его язык пронзает меня без предупреждения. Я выгибаюсь, хватаю одеяло и тяну на себя.

Он использует свой рот. Везде. Посасывает, лижет, покусывает. Заглаживая свою вину. Звуки его возбуждения смешиваются с запахом моего, и только я почувствовала трепет в животе, он отпускает мои ноги и двигается вверх, прокладывая дорожку языком вдоль моего тела. Поравнявшись с лицом, он нависает надо мной и склоняется, чтобы нежно поцеловать. Я растворяюсь в этом поцелуе, пробуя свои соки на его губах. И вскрикиваю, когда он сбрасывает одеяло и переворачивает нас.

Тай закидывает руки за голову, улыбка на его лице сменяется хмурым видом:

— Ты злишься на меня?

— Да, — и я не вру.

— Покажи мне.

— Что?

Он приподнимает бедра, я наклоняюсь вперед и упираюсь в его грудь, чтобы не упасть.

— Покажи мне, Джесса. Вымести свою злость на мне. Дай мне это почувствовать.

Никогда не была главной в постели. До Тая все было безликим. Скучным. Я догадывалась, что с ним все будет по-другому, и была права. Он заставляет меня чувствовать себя распутной и желанной. Дикое возбуждение на его лице придает уверенности и ощущение собственной красоты.

Волосы закрывают мое лицо, я облизываю губы. Так как смотрю вниз, не улавливаю момент, когда он начинает движение. Чувствую только, что меня приподняли. Тай сидя прислоняется к спинке кровати, располагая меня сверху. Он убирает мои волосы за уши, и мы смотрим в глаза друг другу. Боже, я могу это делать вечно. Его взгляд так много говорит о нем, сейчас он нежный. Приветливый. Любящий.

— Поцелуй меня, — требует Тай.

Я склоняюсь и оставляю легкий поцелуй на его губах, затем нажимаю сильнее. Его губы раскрываются, чувствуя мой язык, позволяя исследовать. Его сбивчивое дыхание и хриплые стоны заводят, и я углубляю поцелуй.

Его член упирается мне в живот, я тянусь и обхватываю его. Такой гладкий и шелковистый, но в то же время твердый как камень. Слегкадвигаю рукой вверх-вниз. Затем сжимаю крепче, и Тай толкается бедрами мне навстречу. Я выпускаю его друга, и тот шлепается Тая на живот.

— Джесса, — умоляет он, выдыхая в мой рот.

— Ты разочарован?

— Да.

— Хорошо.

Он отодвигается и кивает, понимая, почему я мучаю его. Если он хочет, чтобы я показала, что чувствую, он должен ощутить это сам. Приподнимаюсь и начинаю тереться своей киской о его твердую эрекцию, скольжу к головке, а потом обратно к основанию.

— Черт, ты мокрая, — шепчет он.

Не отвечаю, но продолжаю свои движения. Вверх и вниз. Легко и сильно. Быстрее, затем медленнее. Моя спина покрывается потом, его взгляд вдруг становится серьезным. Я продолжаю двигаться, но он останавливает меня, схватив за задницу.

— Я не кончу так, ты только меня дразнишь. Вставь член и трахни меня.

Я держусь за его плечи и приподнимаюсь так, чтобы его член оказался у моего входа. Мое тело в предвкушении от этих ощущений, Тай наклоняется вперед, и наши лбы соприкасаются.

— Оседлай меня, детка.

Когда я опускаюсь на него, мы оба стонем. Все еще прижимаясь своим лбом к его, я делаю, что он просил.

— Да, это моя девочка.

— Я не твоя, — спорю я.

— Нет?

— Нет.

Он усмехается и сгибает колени, встречая мои толчки:

— Ты — моя, — говорит он, задыхаясь.

— Это не так.

Неважно сколько я бы с ним спорила, мы оба знаем, что это ложь. Я хочу быть его. Хотела этого со старшей школы, но он каждый раз исчезал. Отказывался видиться со мной. Он — единственный, кто не впускал меня.

Мои глаза полны слез от разочарования, нужды и желания. Опускаюсь на него жестче, он облизывает губы:

— Да, — шепчет он. — Покажи мне.

— Ты оставил меня.

— Я знаю.

Я останавливаюсь, оставляя внутри себя только головку члена:

— Я так зла на тебя, — и резко опускаюсь изо всех сил снова.

— Знаю, — рычит он.

— Черт, — я делаю это снова и снова, пока не кончаю, трахая его, выжимая каждый грамм удовольствия так долго, как могу. Слезы неудержимо катятся из моих глаз, и ранее не испытанные ощущения заполняют мое тело.

Тай сжимает мои бедра, оставаясь во мне, его освобождение смешивается с моим. Он обнимает и притягивает меня ближе, прижимая к груди. Я утыкаюсь ему в шею и плачу, меня трясет, как будто я была разрушена все эти годы.

— Не плачь, Джесса. Пожалуйста, не плачь.

Глава 11

Тай

Я держу Джессу в объятиях, и мне приходится прилагать усилия, чтобы не расплакаться вместе с ней. Эта женщина — все, что я когда-либо хотел, но я до сих пор не могу быть с ней так, как она заслуживает. И, наверное, никогда не смогу. Но это не останавливает меня от общения с ней, потому что я эгоистичный ублюдок.

Она икает, когда я переворачиваю нас и соскальзываю, теряя тепло ее тела. Отодвигаю вымокшие от слез волосы от лица Джессы и закладываю их за уши. Теперь я могу видеть ее прекрасное лицо:

— Шшш... все в порядке.

Она мотает головой:

— Но это... это не так.

— Из-за чего слезы, детка?

— Из-за всего. Тебя. В один момент я хочу тебя, а в следующий — уже ненавижу. Я даже не знаю тебя, но в то же время ты постоянно в моих мыслях. Никогда не переставала думать о тебе, особенно после той ночи. С тех пор не проходит чувство вины. Да еще Марко заявился ко мне работу, и я...

— Что? — рычу я, спрыгивая с кровати.

Натягиваю боксеры, встаю на колени и глубоко дышу, стараясь вернуть самообладание. Она все еще обнажена, и я пытаюсь заставить себя смотреть ей в глаза, избегая самое идеальное тело, что когда-либо видел. С самым великолепным вкусом, что я пробовал. И самое тугое из тех, что я пробовал.

— Что случилось? — грубо говорю я, зная, что это должно было прозвучать ласковее.

— Вчера, — начинает она, — он заходил в клинику.

Тянусь за джинсами. Я убью этого ублюдка. И дело с концом.

— Что он говорил? Он дотрагивался до тебя? Сделал больно?

— Он сказал передать тебе привет.

*Бл*дь. Долбанный придурок.*

— Что-нибудь еще?

— Он приходил узнать об усыплении собаки. Сказал, что тот бегал к своей сучке, потом...

Дерьмо. Он следил за ней.

— Что? Что потом?

— Не кричи на меня! — плачет она, и я тут же бросаюсь к кровати, чтобы прижать ее к себе.

— Прости. Боже, мне жаль, — целую ее в макушку и обнимаю дрожащее тело. — Мне так жаль.

Вот она причина. Прямо здесь. Вот почему мы никогда не сможем быть вместе. Мой мир и ее не сочетаются. В моем мире ей грозит смерть. Она заслуживает быть с тем, чье прошлое и настоящее не разрушат ее будущее.

— Он нюхал меня, — я сжимаюсь, ощущая, как она дрожит.

Ярость разливается по моим венам. Больной извращенец.

— Почему ты мне раньше не рассказала?

— Я собиралась рассказать, как только увидела тебя, но ты повел себя как козел сегодня и...

— Черт, я знаю. Я идиот. Послушай, — перемещаю нас так, чтобы она меня видела, видела уверенность в моих глазах. — Я позабочусь о нем.

Прижимаюсь к ней губами для долгого глубокого поцелуя, затем отдаляюсь.

— Не покидай меня, — плачет она, цепляясь за мои руки.

— Я должен идти, малышка, — найти Марко и разделаться с ним.

— Нет! — ее испуганный крик переворачивает все в моем животе, и я ложусь обратно.

Если я ей сейчас нужен, то меньшее, что могу сделать, это быть здесь для нее. Никто во мне так не нуждался, кроме моей мамы, но то была необходимость, а не любовь.

— Ладно, я останусь.

Джесса устраивается поближе, наше дыхание выравнивается, когда я начинаю поглаживать ее по голове. Она обхватывает меня ногой, впиваясь пальцами рук в мое тело:

— Он не вернется?

— Нет, — обещаю я.

Когда она засыпает, я впитываю ее свет, ее силу. Ее красоту. Как только начинается восход, отодвигаюсь и выскальзываю из кровати. Моя рубашка лежит на полу мятым комком, поднимаю ее и ботинки и иду вниз, чтобы закончить одеваться. Пока иду к своему грузовику, понимаю, что она сделала меня уязвимым. В этот момент, бесчувственный ублюдок, кем я и являюсь, вырывается на поверхность.

— Остынь, — говорит мне Джей.

— Бл*дь, он нюхал ее. Если ты его не прикончишь, это сделаю я. К черту значок, к черту планы. Как же все это достало, — угрожаю я.

— Ты не сделаешь этого, потому что все, над чем мы работали, будет насмарку. Не для того ты отсидел шесть лет, чтобы вернуться туда из-за него, когда у нас уже все схвачено.

— Он следит за ней! — кричу я и запускаю стакан в другой конец комнаты. Он разбивается, и виски стекает по моей белой стене. — По нашим данным она была в безопасности. Как мы могли этого не знать?

Я, прищурившись, наблюдаю за Джейм, а тот смотрит на меня в упор.

— За мной не было слежки. Я не хотел рисковать ею.

— Он знает, что ты трахаешь ее.

— Следи за языком.

— Но это так, — пожимает плечами он. — Даже если он следил за ней, он не устанавливал контакт до настоящего времени. Пока ты не стал появляться у нее дома. Он хочет тебя, Тай, не ее. К несчастью в тот момент, когда Марко заметил Джессу в ту ночь шесть лет назад, она была вовлечена во все это. Потому что он увидел, что ты заботишься о ней.

Джей прав, но черт, меня бесит, что Марко может достать меня. Я был таким неосторожным, потому что хотел ее так сильно. Жаждал быть с ней. Так отчаянно желал ощутить ее под собой, что облажался. Думал только о себе, не о ней. Он по-тихому привлек ее, и я не хочу его недооценивать. Он собирается использовать ее, когда ему удобно... Он как змея, хочет наброситься в итоге.

— Ты знаешь, что надо делать, — Джей не спрашивает, он утверждает.

— Да, — я делаю большой глоток виски прямо из бутылки и вытираю рот тыльной стороной руки. — Знаю.

Джей кивает, задерживаясь у двери:

— Я приставлю кого-нибудь наблюдать за ней, но пока все это не закончиться, держись от нее подальше. Нам не нужны осложнения.

Не отвечаю, и когда он уходит, иду переодеваться и направляюсь на поиски Марко. Тот оказался на своем обычном месте. Потребовалось сопротивление каждой клетки моего тела, чтобы справиться с желанием оторвать его член и засунуть ему в глотку.

— Слышал, что у тебя есть послание для меня, — переворачиваю стул рядом и сажусь на него верхом, ожидая пока официантка закончит.

Марко ничего не отвечает, пока полуголая девица не приносит мне стакан виски. Она не спеша уходит, ведя пальцем по моей руке, я покрываюсь мурашками. Меня тошнит от мысли, что ко мне прикасаются не нежные руки Джессы, а чьи-то чужие.

Я все еще чувствую ее. Ее мягкие изгибы, гладкую кожу, влажную киску. Все еще вижу ее. Как она смотрит на меня своими невинными глазами, как будто видит во мне больше, чем есть на самом деле.

— Не думаю, что ты на это способен, — говорит он.

— Что?

— Удержат рядом такую непорочную сучку, как она.

Заглатываю выпивку и наслаждаюсь жжением в горле.

— Ты когда-нибудь трахал невинную киску, Марко? — не даю ему ответить и продолжаю. — Если она позвонит, я, бл*дь, отвечу. Поверь.

Я встаю и склоняюсь к нему. Жар от дымящейся в его руке сигареты не заставляет меня отступить.

— Что бы ты не собирался мне сказать, — шепчет он. — Будь готов к последствиям.

— Не приближайся, бл*дь, к ней!

— Ты не можешь мне запретить приближаться к кому-либо.

— К ней — могу.

— Ты не в том положении, чтобы мне указывать.

Сжимаю кулаки, чтобы не придушить его:

— Я здесь, однако. Но могу и исчезнуть. Кто тогда заработает для тебя столько денег? Мы оба знаем, что только я добиваюсь тех результатов, что ты ожидаешь. Поэтому не надо говорить мне, что я не в том положении.

Задумавшись, он кивает:

— Ты стал слишком самоуверенным. Мне нужно было убедиться, что ты помнишь свое место.

— Не надо преследовать невинную сучку, которой нравится мой член. Напугаешь ее снова, и она не захочет раздвигать для меня свои гладкие ножки. А мне действительно нравится то, что между ними, — Боже, от одной мысли об этом я затвердел. — Она под запретом, или я сваливаю.

Марко прижимает сигарету к моей руке, я сжимаю зубы. Не хочу показывать, что мне больно. Он сверлит меня взглядом, туша окурок о мою кожу. Когда дым перестает идти, он поднимается и встает со мной лицом к лицу:

— Никто не смеет угрожать мне.

— Это не угроза, — понижаю я голос. — Это гребаное обещание.

Его глаза изучают меня. Я осознаю, что действительно нахожусь не в том положении, чтобы делать это. И Джей перережет мне глотку, если узнает, что я нарушил приказ. Но Марко знает меня. Знает, что я не позволю сбыться его угрозе. Не важно, насколько он могущественный. Это причина, по которой он постоянно проверяет меня, потому что знает, что я не сдамся.

— Твоя взяла, посмотрим, как это тебе поможет.

— Отзови своих людей, — распоряжаюсь я.

— Я отзываю своих людей, а ты в следующий раз получаешь только пять процентов.

— Договорились, — отвечаю сразу же.

Разворачиваюсь и ухожу, пока он не сказал что-нибудь еще. Доезжаю на грузовике до дома, паркуюсь и иду на пробежку. Нужно проветрить голову.

Капюшон мелькает перед глазами, пока я бегу по грязной улице. Дом, в котором я вырос, все еще заброшен. Никто не живет в нем с тех пор, как умерла мама. Замедляюсь и поднимаюсь на покосившееся крыльцо. Первые воспоминания о моей жизни всплывают перед глазами как кино. Фильм ужасов, точнее.

Моя мать на спине, мужчина вколачивается в нее. Она вскрикивает каждый раз, но ее лицо не выглядит расстроенным, и я так смущен. Расти и осознавать, что твоя мать — шлюха несколько не весело. Быть брошенным в ее мир — воровать, когда тебе девять, торговать наркотиками, когда тебе тринадцать, быть проданным для секса в пятнадцать. Необычный путь взросления, но это то, что происходило со мной. Действительно, хреново. Единственный лучик света, который был в мрачном кошмаре моей жизни, это Джесса.

Не знаю как, но она появилась, когда я был на краю. Когда не мог больше это выносить. Она думает, я спас ее, в реальности все наоборот. Мне плевать, что будет со мной после завершения дел с Марко, но если мое пребывание рядом с ней означает защиту, я останусь. Но однажды он будет похоронен, и я покину Джессу ради ее же благополучия. Потому что слишком много мерзости из моей жизни проникло в нее, и я не достоин такой девушки, она не заслуживает, чтобы я портил ей жизнь и дальше.

Глава 12

Джесса

Открываю дверь домой и чувствую, что Тай снова здесь. Я улыбаюсь про себя. Как такое происходит, что я знаю, когда он рядом? Несу сумку и пакеты с продуктами на кухню, потом иду в гостиную.

Он улыбается, увидев меня. Собаки, сидящие у его ног, не двигаются с места. Предатели.

— Привет, — прислоняюсь к стене и скрещиваю руки на груди. — Не ожидала увидеть тебя.

Он делает глоток пива, ставит его на столик, встает и надвигается на меня:

— Приятно удивлена или нет?

Даже, несмотря на то, что он пил пиво, у него сохранилось мятное дыхание.

— Всегда рада видеть тебя.

Его взгляд смягчается на мгновение, он обхватывает мое лицо своими огрубевшими руками:

— Ты единственная, кто сказал мне такое.

— Мне жаль. Они не знают, что теряют.

Он облизывает губы, обводит большим пальцем мой рот, но резко опускает голову:

— Черт.

— Что?

Когда он отступает, я тянусь к нему, потому что знаю, в чем дело:

— Нет.

— Я пытался убедить себя, что приду сюда, чтобы защитить тебя от Марко. Но гребаная реальность такова, что, находясь рядом со мной, ты в еще большей опасности.

Тай высвобождает руки и начинает расхаживать передо мной, бурча себе под нос слова, которые я не могу расслышать.

— Тай.

Он мотает головой и игнорирует меня.

— Тай!

Внезапно он останавливается:

— Я не могу здесь находиться, — он поворачивается и обхватывает мое лицо снова, но уже не так нежно. — Не должен быть тут. Не могу поступить так тобой.

— Нет, — умоляю я. — Пожалуйста, не оставляй меня опять. У нас не получается нормальных отношений, потому что ты все время уходишь.

— Жизнь со мной никогда не будет нормальной, Джесса. Я должен уйти. О чем, черт возьми, я думал, придя сюда? — он говорит так тихо, что я еле понимаю последнюю часть.

— Не уходи.

— Детка, я должен.

Я залезаю на него, как на дерево, вцепившись и отчаянно желая, чтобы он остался:

— Прошу, не уходи. Ты каждый долбаный раз бросаешь меня, являясь единственным проклятым человеком в мире, с кем я хочу быть.

Он подхватывает меня сильными руками и относит на диван. Я сижу на нем верхом и всматриваюсь в его глаза. Они начали рассказывать мне историю еще до того, как он заговорил.

— Моя мать была проституткой. Зависимой наркоманкой. Полагаю, она пыталась быть сама по себе. Но я начал воровать и продавать наркотики еще до того, как научился водить. Первый раз переспал со шлюхой в тринадцать. Марко заманил меня в свой мир обещанием денег и кисок... все, о чем мог мечтать уличный мальчишка.

Я знала, что жизнь была несправедлива с ним. Я поняла это еще той ночью.

— Мне все равно, откуда ты.

— Мое прошлое определяет меня. Не может оставить в покое. Господи, все время, что провел в заключении, я мог думать только о тебе. Не представляю, как мне могло так повезти быть с такой, как ты, кто смотрит на меня, как ты. Такой отброс, как я, не заслуживает...

— Ты не отброс, — перебиваю я. — Ты — парень, который спас меня от изнасилования, Тай. Ты — тот, кто чинил мою машину. Ты — человек, который сел в тюрьму, когда я убила. Ты лучше меня.

— Ты заслуживаешь кого-то намного лучше меня. В какой-то момент я может быть и думал, что могу быть с тобой, что у нас все наладится. Но черт, Джесса. Даже такой эгоистичный ублюдок, как я, не настолько самовлюблен, чтобы притащить столько дерьма в твой дом.

Он начинает вставать, но я вцепилась в него:

— Мы справимся, Тай. Как ты не понимаешь? Между нами что-то есть. Всегда было, — плачу я. — Ты всегда был рядом. Ты не покинешь мое гребаное сердце. Ты не хочешь уходить.

Он слегка качает головой. Взгляд его прекрасных живых глаз пронизывает меня:

— Не знаю, как это, любить кого-то. Думаю, то, что я чувствую к тебе, очень близко к этому, — я рыдаю еще сильнее от его слов, но он по-прежнему пытается отделить меня от себя. — Я бы подарил тебе мир, если бы мог. Убил бы ради тебя. Умер бы. Единственное, что не могу сделать, это остаться.

— Что ж, я знаю, какого это любить. Потому что чертовски люблю тебя.

Между его бровей появилась морщина, он затряс головой:

— Ты не можешь любить меня.

— Но это так.

— Я не из милых парней, детка. Наши миры несовместимы. Ты наивная, хорошая и красивая. А я грязный... такой грязный, ты заслуживаешь кого-то не такого испорченного.

Позволяю ему уйти, потому что у меня нет выбора. Я и так умоляла его остаться. Пыталась уговорить... и как бы усиленно не пыталась, не смогла его заставить. Ослабнув, упала на диван. Я плачу так громко, что не слышу, как он уходит. Моя душа потеряла свою половинку, и я знаю, что Тай покинул меня.

— Ты должна рассказать ему, — говорит Кэт, попивая вино, а я кручу свою бутылку воды в руках.

Стараюсь встречаться с ней раз в месяц, но с тех пор, как она стала личным помощником моего брата, иногда с ее графиком не получается. Пошло два месяца с нашей последней встречи.

— Я собираюсь покончить с этим, — принимаю решение прямо сейчас.

— Почему? Нил кажется действительно хорошим парнем. Уверена, он поймет.

Нил позвонил мне на следующий день после того, как Тай ушел из моей жизни. Думаю, я была в отчаянии и согласилась на еще одно свидание. Потом еще одно. И еще. И так прошло три месяца, а в эти выходные он собирается вывезти меня из города. Он заедет за мной через несколько часов.

Я скучаю по Таю. Никто не может сравниться с ним, но я не могу держаться за человека, который убедил себя, что недостаточно хорош для меня. Во мне нет ничего особенного. Просто женщина, которая отчаянно хочет быть с ним. Но так как с ним быть не получается, нужно двигаться дальше. Дело не в том, что произошло, когда мы виделись последний раз. Проблема в том, что я запала на него еще в шестнадцать.

Я должна отпустить его. Хотя бы постараться. Но судьба была такой стервой. Теперь... теперь все изменилось и никогда не будет по-прежнему.

— Уверена, когда он услышит слово «беременность», то уберется далеко и надолго, — качаю я головой. — Мне лучше сделать это одной в любом случае.

— А что, если нет, Джесс? — она сжимает мою руку. — Что если Нил захочет этого с тобой?

— Мы не так долго вместе. Черт, мы даже не пара. Мы просто встречаемся. Он не захочет растить чужого ребенка. И, честно говоря, не думаю, что я этого хочу. Плюс, мы все еще не переспали.

— Серьезно? — удивленно спрашивает Кэт.

— Нил не заводит меня, как Тай, — пожимаю плечами. — Он конечно привлекательный, милый и хороший... но Тай...

— Стоп. Прекрати сравнивать Нила с Таем. Тай — засранец. Конечно, он горяч. И да, плохие парни притягательны, но он придурок. Он бросил тебя. Он не хочет быть с тобой, Джесса. Ты должна его забыть.

Мои глаза наполняются слезами, но я не вытираю их, когда они начинают капать:

— Ты права, — шепчу я.

Кэт обнимает меня:

— Все будет хорошо. Ты сильная и умная, и что бы ты не решила с Нилом, я буду рядом. Единственное, о чем я прошу, чтобы ты дала ему шанс.

Она помогает мне собраться и отвлекает, когда видит, что я слишком погружаюсь в себя. Прямо перед приходом Нила она еще раз обнимает меня и убегает.

Я сижу на диване и глажу собак. Меня впервые тошнило этим утром, и я плакала, потому что знала. Просто знала. Я насколько сильно хотела иметь собственную семью, но быть с человеком, который не хочет меня, не входило в мои планы. Но так случилось, что все пошло не так.

Подпрыгиваю, когда раздается стук в дверь. Собаки виляют хвостами, когда открываю ее, и Нил гладит их.

— Привет, — здороваюсь я.

— Что случилось? — веселое выражение его лица меняется.

Он хмурит брови и изучает меня. Проводит рукой по моей щеке и притягивает в свои сильные объятия. Его неподдельная озабоченность трогает, и я больше не сдерживаюсь. Эти участливые объятия разбивают меня.

— Я беременна.

Чувствую, как он замирает, затем берет меня за плечи, отодвигаясь и склоняясь, чтобы посмотреть в глаза:

— Кто отец?

— Парень, с которым я встречалась до тебя, — ему не нужно знать, что я была с Таем после нашего первого свидания.

— Что он говорит?

— Он не знает.

Нил отступает и запускает руку в волосы:

— Ты должна ему сказать.

— Я бы так и сделала, если бы знала, что он хочет иметь что-то общее с нами, но он бросил меня. Он совершенно ясно дал понять, что не хочет быть со мной. Поэтому ребенок ничего не изменит.

Нил кивает и садится на диван.

— Я пойму, если ты захочешь уйти.

— Значит так, — вздыхает Нил, — ты мне нравишься, и я не хочу поступать плохо. Без обид, но если я с женщиной, которая ждет ребенка, то хочу, чтобы он был от меня.

Честно говоря, его слова меня совсем не расстроили:

— Знаю и не виню тебя.

— Но, — закидывает он руку мне на плечо и притягивает к себе, — это не значит, что мы не можем быть друзьями по-прежнему. Я могу помогать и быть рядом, когда понадобится. Отстойно, что тебе приходится делать это одной.

— Спасибо, это так много значит для меня.

Торопливо обнимаю его, встаю и вытираю слезы:

— Мне жаль насчет этих выходных.

— Что? — качает он головой. — Мы едем. Просто теперь я не хочу тебя совращать.

Я смеюсь, и это так хорошо ощущается:

— Ты собирался соблазнить меня?

— О, да. Я приготовил шампанское и клубнику.

У меня выходит смешок:

— И это все? Шампанское и клубника?

— Нет, есть кое-что еще. Не хочу раскрыть все свои секреты, — он крутит ключами. — Поехали. Мы все еще можем повеселиться. Я не могу быть папочкой твоему малышу, но могу быть другом для тебя.

Он снова заставляет меня смеяться. И думаю, что, возможно, все еще может быть хорошо.

На протяжении всех выходных в отеле мне плохо. Сначала меня тошнит утром, потом, когда Нил предлагает еду, я спрыгиваю с кровати так быстро, что ударяю его в голову. Не смотря на все, он всегда был таким милым. И даже при отсутствии романтических чувств, Нил быстро стал тем человеком, о ком я буду заботиться.

Прошло два месяца с тех пор, как я видела Тая последний раз, и с подачи Нила я собираюсь рассказать ему. Тай заслуживает знать. Даже если он не хочет меня, может он захочет участвовать в жизни ребенка. Вытираю вспотевшие ладони о джинсы, которые уже немного тесноваты мне, и открываю дверь в мастерскую. Чип заканчивает разговор по телефону и кладет трубку.

— Чем могу помочь?

— Тай здесь?

— Нет.

— Хорошо, — переминаюсь с ноги на ногу. — А завтра он работает?

— Он здесь больше не работает.

Выражение шока на моем лице заставляет его смеяться:

— Да, я так же смотрел на него, когда он сказал, что уходит.

— У вас есть какая-нибудь его контактная информация, хоть что-нибудь?

— Нет, мне жаль.

— Хорошо, спасибо.

Я не плакала по пути домой. Держалась во время ужина, и принимая душ. Но когда легла на свою подушку, больше не смогла сдерживаться. Я не должна так все воспринимать, но ничего не могу с собой поделать. Он не просто оставил меня, он исчез.

— К черту все, — бросаю подушку через комнату и вышагиваю перед кроватью. Гребаный сон не идет. Не могу удобно устроиться. Быть беременной на седьмом месяце отстойно. Не могу себе представить, что будет в следующие пару месяцев. Как женщины могут проходить через это снова и снова?

Ноги принесли меня на кухню. Наполняю стакан водой, выпиваю несколько глотков, потом меня осеняет. Мне нужно на свежий воздух, сменить обстановку, может это поможет уснуть. И я открываю заднюю дверь.

Темно и тихо. Спокойно. Опускаюсь на верхнюю ступеньку и осматриваю свой двор. Нил подстригает газон, но мне нужно выдернуть сорняки. Думаю о том, что еще нужно сделать. Хорошо, что я нашла ветеринара, который будет работать в клинике пока я в декрете.

Поглаживаю живот, небольшое движение внутри напоминает, что там находится маленький человечек. С тех пор, как в жизни стало не так уж много настоящих сюрпризов, я решила не определять пол ребенка. Мне так интересно, кто будет, мальчик или девочка. Какого цвета будут глаза, зеленые Тая или мои карие? Веки сомкнулись, и я представила мини Тая бегающего рядом. Или маленькую девочку с темным хвостиком и заботливого отца, который учит ее кататься на велосипеде. Он был бы прекрасным отцом. Я грущу, что у него не будет шанса попробовать. Нет, это ложь. Я в бешенстве. Я раздражена. Я так чертовски зла на него. Но больше чем злость, чувствую печаль и сожаление, что у меня не будет той жизни, которую всегда хотела.

Глава 13

Тай

Моя машина остается незаметной, пока я смотрю, как Джесса выходит из дома на крыльцо. Укутывается в халат и садится на верхнюю ступеньку. Она глубоко задумалась и закрыла глаза.

Как бы я не убеждал себя, что без меня ей лучше, никто из известных мне людей не чувствует ее так, как я. Как только дела с Марко будут улажены, я собираюсь добиваться ее, как и должен был сделать раньше.

Нил может стать проблемой, но сейчас я ничего не могу с этим поделать. Мне больно это признавать — это ощущается как проглатывание лезвия, но с ним ей безопаснее, чем со мной прямо сейчас.

Я видел его приходящим и уходящим, и это разрывает меня на части, но я не могу винить парня за то, что он хочет быть с ней. Она удивительная. Джесса заслуживает быть счастливой, и пока Нил помогает ей в этом, я могу потерпеть страдания от того, что происходит со мной при этом, еще немного.

Джей согласился приставить человека к ее дому для безопасности с тех пор, как Марко стал непредсказуем, но сегодня дежурю я. Мне хотелось снова увидеть ее. Нуждался в этом. Это было настоящим мучением последние пять месяцев, быть так близко к ней и не иметь возможности прикоснуться.

Но еще большей пыткой было то, что Марко по-прежнему был чертовски не досягаем, я не смог найти на него ничего нового. Нам были нужны доказательства, которые позволят посадить его. Но он слишком умен.

Когда Джесса наклоняется вперед, ее плечи вздрагивают, и я ничего не могу поделать с собой. Выхожу из машины и иду к ней. Она, должно быть, почувствовала меня, потому что говорит мне уходить еще до того, как я подошел к ее дорожке.

— Я не могу оставить тебя в таком состоянии. Не плачь, детка.

— Нет, — она поднимает голову и повышает голос. — Не смей называть меня деткой.

— Я уже говорил тебе, что буду называть тебя...

— Я думала, что когда увижу тебя снова, то брошусь в твои объятия, а ты обнимешь меня и скажешь, что все будет хорошо. Но по какой-то причине твое присутствие только бесит меня, — безрадостный смех звучит в тишине ночи. — И знаешь что самое хреновое? Я практически не знаю тебя. Как у тебя это получилось оставаться неузнанным?

— Ты знаешь меня больше, чем кто-либо другой, — я сажусь на корточки и беру ее руки в свои. — Мне надо кое о чем позаботиться, Джесса. Ты должна понять, что самая

важное для меня, это чтобы ты была в безопасности. Но, черт побери, я чувствую себя разрушенным без тебя. Когда я ушел, покинул тебя, то сделал это для твоей защиты. Но я не... Я не уверен, что смогу оставаться в стороне еще дольше. Я умираю изнутри без тебя.

Ее глаза, полные слез, встречаются с моими:

— Ты не слишком-то хорошо это показывал.

Сажусь рядом с ней, упираясь локтями в колени:

— Есть столько всего, что я хотел бы тебе рассказать...

— У меня тоже для тебя кое-что есть.

Она встает, и когда я вижу ее выступающий живот, то вскакиваю на ноги, а сердце уходит в пятки. Джесса беременна. *Проклятье, я упустил свой шанс.*

— Надеюсь, ты и Нил счастливы. Ты заслуживаешь это.

— Нет, Тай, — вскрикивает она, пока я быстро иду к своей машине.

Хлопаю дверью выданной государством черной Импалы и, уезжая, звоню Джею.

— Пошли к ней кого-нибудь другого.

Бросаю телефон на пассажирское сиденье и отъезжаю со своего места. В итоге, сижу двадцать минут, пока не вижу другую неприметную машину, занимающую пост, и только потом уезжаю.

Еду обратно в свою квартиру. Первым делом, зайдя внутрь, беру бутылку виски, которая всегда ждет меня на стойке, и иду с ней в постель.

Джесса беременна. Я упустил свой шанс из-за проклятого Марко. Я думал, у нас будет время, когда его наконец-то посадят в тюрьму. Думал, что сможем связать наши судьбы. Из-за этого куска дерьма не только была убита моя мать, но и была уничтожена возможность быть с единственной женщиной, наполняющей мою жизнь смыслом.

Продолжаю топить свое горе в бутылке, пока не отрубаясь, погружаясь в знакомую тьму.

Стук в дверь будит меня, но я не обращаю внимания и прижимаю к голове подушку. Звук не стихает еще несколько минут, затем слышу шаги, и я достаю из-под матраса пистолет. Навожу его на дверь, но, когда вижу Джея, опускаю оружие.

— Какого черта, приятель? — он включает свет и сдергивает с меня покрывало.

— Я задолбался, — говорю ему, переворачиваясь на другой бок.

— Задолбался?

— Ухожу. Исчезаю. Заканчиваю. Увольняюсь к чертям собачьим.

— Ты не можешь уволиться.

— Да, могу.

Он вздыхает и раздвигает шторы, чтобы впустить больше света в мою спальню:

— Тебе нравится быть страдальцем?

— Она беременна.

Его нерешительность осязаема:

— Черт.

— Так что, как я и сказал, я увольняюсь.

— Тай.

— Ты хоть понимаешь в чем дело? — сажусь в кровати, игнорируя тупую боль в голове. — Представляешь, какого мне было расти? Видеть все эти вещи. Даже не понимая, что все это не нормально. А потом встретить ее, она как ангел, смотрит на тебя, будто ты имеешь значение, будто вы связаны. И только ты смог почувствовать свободу, как все это резко заканчивается.

— Тай, я...

— Ты не понимаешь. Ты вырос в симпатичном домике с гребаным белым заборчиком. Я не злюсь на тебя, но ты не догоняешь.

— Нет, наверное, не понимаю, — Джей облокачивается на стену и собирается что-то сказать, как звонит его телефон. Он хмурит брови, когда видит номер на дисплее, и быстро прикладывает трубку к уху:

— Что случилось? — вижу, как он бледнеет и бросает взгляд в мою сторону. — Я сейчас с ним. Да. Где? Хорошо. Встретимся обсудить новые сведения и наши действия в десять, — этот разговор вызвал неуверенность в глазах Джея, и я вылезаю из кровати и натягиваю пару черных джинсов и футболку:

— Когда? — спрашиваю я, разыскивая по комнате носки. Он не отвечает, и я пробую еще раз, погромче. — Когда, бл*дь, он забрал ее?

— Несколько часов назад. Нил занес ей пончики и обнаружил ее охранника с пулей в голове.

— Черт! Черт. Там были следы борьбы?

— Нет, по словам Нила.

Марко забрал ее. Он, бл*дь, похитил мою девочку:

— Погнали.

Выхожу следом за Джейм и сажусь за руль. По пути в офис достаю свой пропуск из-под козырька, вешаю его на шею, затем надеваю очки-авиаторы. Я работал девять лет над тем, чтобы поймать Марко, и сегодня настал тот самый гребанный день. Я ждал слишком долго, пока закончится это дерьмо, и даже если она с кем-то другим, пришло время расставить все точки над «i».

Глава 14

Джесса

Марко стоит напротив меня. Я не моргаю и не дышу, в итоге он улыбается. Глаза щиплет от наполняющих их слез, и он посмеивается:

— Нет, нет. Нам не нужны слезы.

Одинокая слеза скатывается по моей щеке, он приближается и вытирает ее большим пальцем. Я отодвигаюсь, и он шикает на меня:

— Привыкайте к моим прикосновениям, мисс Крю. Нам предстоит хорошо повеселиться.

Желчь жжет горло как кислота:

— Что тебе надо? — шепчу я.

Только он собирается ответить, как стук в дверь прерывает его. Марко облизывает губы, перед тем как уйти, а я остаюсь в постели, с прикованными цепью щиколотками. Металл впивается в мою кожу. Я сижу на потрепанном матрасе, покрытым простыней. Без подушки. Без окон в помещении. Без водопровода. Только ведро в углу.

Со временем мой страх усиливается. Мочевой пузырь переполнен. Неохотно бреду к ведру, но цепь не дает дойти до него, вынуждая меня вернуться обратно на кровать. Я замерзла, хочу есть и пить, устала, и я в ужасе.

Меня вырвали из постели в три часа ночи, через несколько часов после того, как Тай был со мной. Я была брошена на заднее сиденье черного внедорожника, и первым, что я увидела, было лицо Марко. Он усмехался мне, и я знала к чему все идет. Но когда он обхватил руками мою грудь, а затем опустил их на живот, Марко остановился, поднял мою ночную рубашку и покачал головой:

— Ну, это неожиданно... но очаровательно. Он знает?

Я отрицательно помахала головой, и мне стало страшно за свою жизнь и за малыша.

— Так даже лучше.

Он вел меня со всей «заботой», которую ожидаешь от похитителя. Когда мы подъехали к дому, я была удивлена, насколько он был красивым. Пейзаж был

захватывающим, и я бы оценила его при других обстоятельствах, но густой лес означал для меня преграду, если мне удастся сбежать.

Марко провел меня по безупречно чистому дому вниз к подвалу, где не было дорогой мебели и картин как наверху. Вместо этого, я обнаружила влажный цементный пол, паутину и темноту.

Сейчас я сижу и пытаюсь услышать хоть что-нибудь. Шаги, раздающиеся над мной. Голоса, смех. Дверь открылась и закрылась. Но никто не пришел ко мне.

Через несколько часов мои веки потяжелели, но я трясую головой и хлопаю себя по лицу, пытаюсь не заснуть. Он может подобраться ко мне, пока я сплю, и я боюсь того, что может случиться, если усну здесь.

Тусклая лампа под потолком не дает мне знать, сколько я провела времени в этой комнате без окон. Тишина обрушивается на меня, волосы на затылке встают дыбом, внутренние инстинкты предупреждают о чем-то. Но ничего не происходит. Я пользуюсь ведром еще два раза и спустя немного времени засыпаю. Я хочу пить, очень хочу, во рту все пересохло, а в животе урчит от голода. Я поглаживаю его и разговариваю с малышом, заверяя его, что все будет хорошо. Хочу сказать, что папочка спасет нас, но начинаю думать, что этого не случится.

Пытаюсь избавиться от оков, но лишь повреждаю кожу на ногах. Я так сильно тяну, что срываю ноготь. Кричу от мучительной боли и падаю обратно на кровать, прижимая руку. Кровь стекает по пальцу. Тело вздрагивает от рыданий. Боль от голода и жажды, от сорванного ногтя вынуждает меня закричать во все горло. Страх умереть здесь, прикованной, как животное, заставляет колотить по матрасу.

Я не слышу, как он входит, но, когда дверь ударяется о стену, кричу еще громче. Марко хватается за волосы и тянет вверх:

— Заткнись, — он дает мне пощечину, и я падаю на кровать.

— Да пошел ты, — выкрикиваю и пытаюсь снова подняться. Я настолько слаба, что падаю на холодный цементный пол.

— Пожалуйста, — тихо умоляю я, когда он не пытается мне помочь встать. — Я так хочу пить.

Смотрю на него снизу вверх, зло вспыхивает в его глазах, и я холодею. Он расстегивает штаны и достает необрезанный член, его головка направлена прямо на меня:

— Ты выпьешь это, и я дам тебе поесть.

Меня затопило от одной мысли об этом:

— У меня же ребенок внутри. Неужели у тебя нет сердца? Я умираю от голода.

— Если бы не этот ублюдок, растущий внутри тебя, я бы уже имел тебя всеми способами, какими планировал. Но, как говорится, терпение есть добродетель. Ты — веселое развлечение. И я настойчивый человек, Джесса. Я ждал, долго ждал. Могу подождать и еще несколько месяцев, пока эта штука покинет твой живот.

— Нет, не трогай моего ребенка, — умоляю я, обхватывая и защищая живот.

— Я не собираюсь причинять ему вред. Только прилично заработать на нем. Меня не волнует, что будет с ним дальше. А теперь, достаточно разговоров.

Он начинает драть, используя вторую руку, чтобы притянуть меня за волосы. Я хрипло кричу, не желая контакта, и закрываю глаза по мере приближения.

— У меня нет сердца, Джесса. Но у меня есть еда и вода, но если ты хочешь жить сама и чтобы выжило твоё отродье, тебе надо открыть рот и выпить все до последней капли.

Сжимаю губы и хаотично мотаю головой.

— Нет? — возмущается он.

Я не осмеливаюсь открыть рот, чтобы ответить, и он отвешивает пощечину:

— Я мечтал о твоих губах на мне с тех пор, как увидел тебя. Поэтому скажу по-другому. Открой свой рот.

Трясу головой так, что становится больно. Марко обхватывает мой подбородок одной рукой и заставляет смотреть вверх. Я толкаю его, и он отступает.

— Рико!

Через четыре секунды заходит другой человек. Я узнаю в нем водителя.

— Да, босс?

— Подержи ее руки сзади для меня.

— Конечно, — он заходит за меня, и я пытаюсь вырваться. — Прекрати бороться, Джесса, — шепчет Рико.

Я кричу, вырываюсь, делая все возможное, но я бессильна против двоих мужчин. Особенно после того, как стала обезвоженной, оголодавшей и, пытаясь защитить своего ребенка одновременно.

Марко снова хватается за подбородок, в то время как Рико удерживает мои руки за спиной. Он сидит позади меня и сжимает мою голову коленями. Рука Марко двигается вверх вниз все быстрее. Я стараюсь держать рот закрытым, но он давит так сильно, вынуждая его открыться. Из меня готов вырваться новый вскрик, Марко стонет, и сперма попадает мне на язык. Я давлюсь и плююсь, пока он убирает свой член обратно в штаны. Меня тошнит на пол, и я откашливаюсь. Рико посмеивается, отталкивая меня.

— Дай ей кусок хлеба и воду, — Марко поглаживает мою щеку, прежде чем выйти.

Мои слезы смешались с его отвратительными выделениями, и я вытираюсь простыней, готовая сдаться и отключиться, но чувствую это. Удар. Мой малыш. Он говорит мне не сдаваться, продолжать бороться.

Я решаю так и поступить.

Как только Рико приносит мой хлеб, я проглатываю его и отпиваю воду, не желая расстраивать желудок. Оставляю полбутылки и ставлю ее на пол, затем верчу в руках замок. Как и раньше, он не поддается. Я тянула и дергала, все безуспешно. Вместо того, чтобы тратить силы на высвобождение из добротной заводской цепи, я решила сохранить их для того момента, когда они понадобятся... Который, я боюсь, наступит скорее раньше, чем позже.

Я плююсь в потолок. Кажется, что прошло несколько часов. Я так устала, что когда засыпаю, складывается ощущение, будто теряю сознание и прихожу в него, и так снова и снова. Пока не сплю, составляю планы. Что бы я хотела сделать с Марко. Представляю, что Тай сделает с ним, когда придет спасти меня.

Но конечно, когда просыпаюсь, я по-прежнему одна. Замерзшая и напуганная.

В итоге, когда раздаются шаги, и Марко открывает дверь, понимаю, что Тай не пришел... Никто не собирается меня спасать.

— Мне нужен помощник в этот раз? — он не теряет время и начинает расстегивать штаны.

Моя временная храбрость исчезает, я опускаю голову, от волнения перехватывает горло:

— Зачем?

— Хороший вопрос, не так ли?

Киваю в ответ.

— Это начиналось как что-то другое. Месть. Возмездие. Расплата. О, но теперь это изменилось. Он считает, что я понятия не имею. Это напоминание для него, что я знаю все и обо всех, — Марко задирает мою голову, дергая за волосы. — Никто не предаст меня. Он сделал это и теперь должен заплатить.

Он прижимает свой пенис к моим губам, и я открываю рот. В тот момент, когда головка касается языка, я кусаю... Сильно. Марко орет и бьет кулаком в мою голову, от чего я теряю сознание по-настоящему.

Глава 15

Тай

— Прошло три проклятых дня, Джей. Я не буду больше ждать и секунды, — я мерю шагами его офис, сжимая кулаки, пока не разбил что-нибудь еще. Я уже пробил дыру в стене, и он сказал, что, если еще раз так сделаю, он посадит меня за решетку, пока они не найдут ее. Не могу позволить никому другому быть первым, кого она увидит, когда мы освободим ее.

Не могу позволить себе думать о том, что Марко с ней делает. Я видел его в деле... Он жестокий, бессердечный человек, не имеющий чувств. Он хочет меня, не ее, поэтому единственное спасение в том, что он оставит ее в живых, пока я не появлюсь.

Он все понял.

И чтобы отплатить мне за предательство, он забрал единственное, что мне дорого. С этой мыслью я так сильно сжал челюсти, что удивился, как не сломались зубы.

Джесса нуждается во мне. Поэтому, ради нее, я сдерживаюсь.

Я готов покинуть офис, когда торопливо заходит Нил. Он не принимал участие в операции до последнего времени. Он старался доказать, что мы можем доверять ему, и во всех отношениях он подходил. Но я никогда полностью не верил ему. Я не встречался с ним до ночи похищения, потому что не хотел видеть с кем моя женщина. Кто был там, где должен быть я. На моем месте.

Но потом он рассказал мне. Объяснил все. Их отношения. О ребенке. *Моем ребенке*. Она пыталась сказать мне, а я убежал от нее как маленькая сучка. И в ту же ночь Марко забрал ее. Это моя долбанная вина. Все это. Я во всем виноват.

Но я заглажу свою вину. Обещаю.

— Есть местоположение, — сказал Нил.

Мы выбегаем из офиса Джея, направляясь к нашим автомобилям, Нил кричит нам вслед адрес. Я гоню всю дорогу и когда подъезжаю к большому старому дому, толком не припарковавшись, бегу к парадной двери.

Слышу на расстоянии крики Джея и Нила, чтобы мы подождали подкрепления, но не обращаю на них внимание. И когда один из головорезов Марко открывает дверь, без раздумий стреляю ему в шею. Кровь хлещет из вены, я обхожу его и иду в дом.

Больше людей появляется навстречу, но я смертоносен. Так чертовски целеустремлен. Моя задача — убивать, и я застрелил еще четырех человека, когда появляются Джей и Нил.

— Гребаный Митчелл, мы же кричали тебе подождать. Подкрепление в двух минутах, — отчитывает меня Джей.

— Двумя минутами больше, когда она не со мной.

Бегу по лестнице вниз, полагаю, он будет банален и держит ее в подвале. Пинком открываю последнюю дверь справа. Ну конечно, они здесь. Он держит ее перед собой как щит, голова Джессы свешивается вперед, ее когда-то прекрасные светлые волосы закрывают лицо. Грязь покрывает все ее тело, я бешусь, увидев окровавленные связанные по щиколоткам ноги.

— Отпусти ее, — требую я, целясь ему в голову. Но он умный, держится настолько близко к пленнице, что я не могу выстрелить.

— Не хочу. Я ее только обучил, — он убирает волосы с лица Джессы, и как только я вижу черные и синие следы побоев, меня начинает трясти от злости.

— Бл*дь, она же беременна, ублюдок!

— Знаю. Это единственная причина, по которой она еще жива. Решил, что будет забавно поиздеваться над твоим отродьем.

Как, черт возьми, он узнал, что это мой ребенок? Видимо в моих глазах отразился шок, потому что он засмеялся.

— Ты не знал?

В тот момент, когда в дверях появляются Джей и Нил, Марко отвлекается. Я пользуюсь преимуществом и атакую его. Он не ожидал нападения, и я смог вырвать Джессу из его рук. Боже, прошло всего три дня, и я уверен, что она потеряла вес. Этот урод морил ее голодом. Поворачиваюсь к нему спиной, и тут жжение охватывает мой позвоночник. Мудак выстрелил мне в спину. Я заваливаюсь на бок, так чтобы она не ударилась о цементный пол. Джесса стонет. Мне жаль, что ей больно, но она, по крайней мере, жива. И со мной.

Я знаю, что ребята прикроют меня. Три выстрела раздаются в почти пустой комнате, и звук падения тела Марко вызывает у меня язвительную улыбку.

— Черт, — Джей опускается на колени рядом со мной. — Вызывай скорую, — кричит он Нилу.

— Уже, — ворчит он. — Я сниму с нее гребаную цепь.

Как только раздается два выстрела подряд, тело Джессы прижимается ко мне еще сильнее, и она стонет.

— Привет, детка. Откроешь для меня свои глазки? — я убираю волосы от ее лица, чувствуя привкус меди в горле. Я глубоко дышу от собственной боли.

Она снова стонет, в ответ у меня в груди все сжимается. И сжимается не от того, что все стало правильным, когда она со мной, и снова есть ради чего жить, нет, этот трепет говорит мне, что я не должен продолжать находиться рядом... Но я спас ее, выполнил свое предназначение, что делает мою боль терпимой.

Джесса приоткрывает глаза, облизывает пересохшие губы и хнычет, когда пытается сглотнуть.

— А вот и она. Вот моя красивая девочка, — ее испуганный взгляд встречается с моим, и все становится нечетким. Я не сразу понимаю, что это происходит из-за того, что мои глаза наполнились слезами. Дерьмово, не помню, когда плакал последний раз. Может, вообще никогда раньше.

— Я знала, что ты придешь, — говорит она заплетающимся языком.

Я улыбаюсь и хочу сказать, что всегда буду приходить за ней, но все вокруг плывет и темнеет. Думаю, я слышу ее... и Джея. Он орет на меня. Потом крик прекращается, боль в груди исчезает, и я засыпаю в обнимку с моей девочкой.

— В жизни не видел ничего подобного, — доктор меняет повязки, а я в ответ ворчу.

Да, случилось долбанное чудо. И полагаю, что это награда за все то дерьмо, что случилось со мной раньше.

— Как она? — знаю, что Джесса жива. Она просто спит, пока ее тело выздоравливает.

— Вы же понимаете, что я не могу с вами обсуждать ее...

— Какого черта, как она? — говорю сквозь сжатые челюсти.

Врач вздыхает, я сажусь и возвращаю футболку на место. Я отказался надевать чертову больничную рубаху.

— Она исцеляется.

Киваю и спрыгиваю с кровати.

— Я настоятельно рекомендую не покидать эту палату. Вы должны быть под наблюдением еще двадцать четыре часа.

— Моя беременная девушка была прикована целых три гребаных дня, ее пытали. Можете наблюдать меня в ее постели.

— Мистер Митчелл, вам стреляли в спину. Чудо, что вы живы, не говоря уже о том, что вы можете ходить. Ради вашего же блага, настоятельно советую...

Надоела его болтовня. Мне не нужно ничье разрешение, чтобы быть с ней:

— Я живу ради нее и для нее. Если я вам нужен, вы знаете, где меня искать.

Как только я поступил в госпиталь, доктора меня залатали, и теперь я как новенький. Пуля прошла навывлет, и как говорят врачи, чудесным образом не причинила серьезного ущерба. Что-то насчет положения, в котором я находился, когда падал, и траектории пули, которая прошла насквозь и не задела ничего важного, только мягкие ткани. Но моя грудная клетка так чертовски болит.

Не видеть Джессу восемнадцать часов — это слишком долго. Меня не было рядом. Угроза ее безопасности держала меня на расстоянии. На самом деле, был бы я с ней, он бы и пальцем до нее не дотронулся.

Вхожу в палату и, не стесняясь, заползаю к ней в кровать. Аккуратно кладу ее голову себе на грудь, прикладываю руку к животу. И тут же вздрагиваю, когда она вздыхает у моей раны, и прижимаю к себе покрепче. Я истощен, но немного поспал раньше, и поэтому сейчас не упускаю момент побыть с ней. Прослеживаю пальцами ее синяки и надеюсь, что смогу достать Марко, пока он не умер.

Она снова стонет, и это буквально разрывает меня на части. С тех пор, как Джесса была спасена, все звуки, что она издает, были от боли.

— Эй, детка, — я тихонько провожу большим пальцем по ее губам, целую в макушку и закрываю глаза.

Глава 16

Джесса

Он обнимает меня, и хотя я должна быть сильно зла на него, все равно прижимаюсь плотнее. Его руки — единственное место, где я чувствую себя в безопасности. Его дыхание ровное и сильное, касается моей макушки.

Я открываю глаза и когда смотрю вниз, вижу его израненные руки на моем животе, глаза сразу же наполняются слезами. Должно быть, он знает, что я очнулась, потому что обхватывает меня крепче:

— Шшш... Теперь все хорошо.

Я позволяю себе выплакаться в его руках и прижаться к нему так, как мне хотелось все это время. В итоге, он сажает меня и вытирает большими пальцами слезы:

— Привет, — шепчет он.

— Привет.

— Давай я вызову медсестру.

— Как долго я была в отключке?

Он жмет кнопку с красным крестом:

— Почти двадцать четыре часа.

— С малышом все в порядке? — волнуясь, обнимаю живот и жду ответа.

— Да. С ребеночком все просто прекрасно. Ты была обезвожена... И, черт, Джесса, посмотри, что с твоим лицом, — он медленно осматривает мои синяки. — Учитывая сколько времени ты была в плену... Джесса, я предполагаю...

— Доброе утро, мисс Крю, — заходит врач, прерывая наш разговор.

— Здравствуйте, — робко отвечаю. Мои мысли все еще путаются после всех событий.

— Знаю, что вопрос может показаться глупым, но как вы себя чувствуете? — он выдавливает себе на руки дезинфицирующее средство и растирает его.

— У меня все болит. Голодна. Но в целом, надеюсь, все в порядке.

Он усмехается и кивает:

— Вы и этот джентльмен точно знаете, как побыстрее восстановиться.

Входит медсестра, и Тай отодвигается, чтобы они могли провести осмотр.

— Не считая обезвоживания, повреждения минимальны, мисс Крю. Мы обработали раны на щиколотках, капельница также отлично помогла. Ужин скоро принесут, но сегодня только желе. Утром можете попробовать съесть что-то посерьезнее.

— Хорошо, — сжимаю руку Тая. — С ребенком же все в порядке, да?

— Да. Приходила акушерка и сделала ультразвук, все выглядит, как и должно. Маленькая девочка находится, где положено...

— Это девочка? — перебиваю я.

— Извините, я думал, вы знаете, — краснеет доктор.

— Нет, я хотела, чтобы это был сюрприз, — заикаюсь я от волнения, Тай всхлипывает. Поворачиваюсь и застаю его вытирающим глаза. — Тай, — шепчу я.

Его кадык дергается вверх-вниз, он слегка покачивает головой. Видимо, не готов говорить об этом:

— Все в порядке.

Я устремляюсь к нему, крепко обнимая, и мы дослушиваем доктора вместе. Он хочет оставить меня на ночь до завтрашнего обеда. Я соглашаюсь быть здесь сколько угодно, пока Тай со мной. Нам надо о многом поговорить. Столько всего прояснить. О том, что меня пугает. Во-первых, почему Тай был там с полицией? Как он узнал, где меня искать? Во-вторых, что будет теперь, после смерти Марко?

Как только врач с медсестрой уходят, я откатываюсь на свою половину кровати, и мы ложимся лицом друг к другу. Тай проводит кончиками пальцев по моей руке, и я улыбаюсь от того, как сразу появляются мурашки.

— Почему ты не сказала мне, что это мой ребенок? — спрашивает он очень тихо.

— Я пыталась. Приходила в мастерскую, но Чип сказал, что ты уволился. Я не знала, как еще связаться с тобой.

— Черт, Джесса, отталкивать и уходить от тебя — было последним, что я хотел сделать. Но находясь рядом я подвергал тебя опасности, — он взял мои руки между своими и поцеловал пальцы. — Теперь я понял, что лучше было бы остаться. Никогда не прощу себя за то, что позволил Марко до тебя добраться.

Я отрицаю:

— Это не было твоей виной.

— Он... насильовал тебя?

Все сжимается от одной мысли об этом, но я заставляю себя помотать головой:

— Нет. Он делал кое-что, но не это.

— Что он делал? — рычит Тай.

— Эй... — говорю тише, пытаюсь его успокоить. — Он мертв. Он не сделает тебе больно снова.

— Мне? Мне! Ты думаешь, я о себе забочусь? Мне наплевать на себя. Я о тебе волнуюсь. Мне пофигу то, что он мне делал.

— Что он тебе сделал? Почему он так тебя ненавидел?

Тай громко сглатывает и поворачивается на спину, прикрывая глаза.

— О Боже, в тебя же стреляли, да? — я быстро задираю его футболку и вижу повязку, мои слезы каплют ему на грудь, я расстроена из-за того, что он перенес ради меня. — Я помню, ты оттолкнул меня и потом...

— Око за око, Джесса. Марко хотел моей смерти, потому что я убил члена его семьи.

— Но ты не делал этого. Я убила его, — повышаю я голос. — Он должен был хотеть отомстить мне, не тебе.

— Еще до этого, детка. Человек, который изнасиловал мою мать, был его отцом. Я убил отца Марко. Он... — Тай останавливается и смотрит в сторону от меня, его взгляд выражает тревогу, бицепсы напряглись от того, что он прижал меня ближе к себе.

— Просто зашел кое-что спросить, — слышу я мужской голос позади себя.

Я поворачиваюсь и вижу человека, одетого в голубой халат и маску, закрывающую большую часть лица. Шапочка скрывает его волосы, но из-под нее выбилось несколько черных прядей.

Тай садится прямо, когда человек приближается:

— Где ваш бейдж? — он уже встал, располагаясь перед кроватью.

Без предупреждения мужчина заносит руку со скальпелем и ударяет им Тая. Однако Тай реагирует быстрее. Он хватает нарушителя за запястье и разворачивает его так, что лезвие оказывается у его горла. Они начинают бороться, как вдруг, Тай прижимает человека к кровати, и его лицо оказывается повернутым ко мне.

— Кто тебя послал? — Тай прижимает скальпель к его горлу, и тонкая струйка крови бежит на кристально-белую простынь.

— Никто, — хрипит мужчина.

— Кто? — выкрикивает Тай, выгибая один из пальцев этого человека, пока тот не щелкает.

Я закрываю руками рот, поэтому не кричу, когда мужчина пытается вырваться из захвата Тая. В итоге, казалось, это никогда не произойдет, но он сдаётся и отвечает Таю:

— Марко.

— Марко мертв. Попробуй еще раз.

— Надеюсь, это того стоило, — мерзавец улыбается и заходится в приступе кашля, вгоняя скальпель глубже в свое горло.

Тай сосредоточен исключительно на человеке, который пришел убить одного из нас. Я видела Тая в напряженных ситуациях до этого, и как он борется за свою жизнь, но сейчас он напряжен не как раньше.

— Я собираюсь убить тебя в любом случае, мы можем растянуть это или сделать быстро. Лично я хочу увидеть немного страданий. Преподать тебе урок, что не стоит нападать на мою женщину.

— Очень много денег.

Я думала, он был напряжен до этого момента, но, черт возьми, сейчас Тай такой утрашающий:

— Что, мать твою, ты только что сказал?

— Пять лимонов.

— О, мой Бог, — выдохнула я. Плата за убийство Тая?

— Отвернись, Джесса, — командует Тай.

— Тай...

— Не смотри, детка.

Я закрываю глаза, утыкаясь в свои руки, хныкая, когда раздается бульканье. Звук падающего на пол тела отражается эхом по комнате и у меня в голове. Кто-то дотрагивается до меня, и я, не выдержав, кричу.

— Это всего лишь я. Нам надо убираться отсюда.

Мои глаза остаются закрытыми, я цепляюсь в его футболку:

— Что ты с ним сделал?

— Перерезал глотку, — он выдергивает мою капельницу и поднимает меня на руки. Я открываю глаза, но утыкаюсь ему в шею, чтобы не видеть произошедшего. — Опустить меня, ты ранен.

— Со мной все хорошо.

— Тай, — спорю я, пытаюсь встать на ноги.

— Джесса, позволь мне сделать это.

— Ладно.

Он выносит меня из палаты, спускается по лестнице, внизу лежит полицейский в луже крови:

— Это была твоя охрана. Черт.

Его лицо непроницаемо, взгляд настороженный, в точности как при нашей первой встрече. Правда теперь, я знаю, что он высматривает опасность. Никогда бы не подумала, что найду любовь в руках убийцы. Кем являюсь и я, так что, наверное, мы были предназначены друг для друга. Он толкает дверь и ставит меня на ноги, доставая телефон из кармана джинсов.

— Нужна команда очистки в палате Джессы и на лестнице. Заберите меня на пересечении Пайн и Вашингтон. Семь минут, — он выбрасывает мобильник в мусорный бак и тянет меня за руку. — Сможешь пройти несколько кварталов, детка?

— Да.

Его взгляд становится мягче за долю секунды до того, как он склоняется и целует меня. Раз. И другой. Так нежно.

— Я люблю тебя. И я дурак, что не говорил тебе этого раньше.

Он поворачивается и идет, не дав мне ответить. На улице стемнело. Сумерки были где-то час назад, на улицах тихо и мрачно. Тай останавливается у мусорного контейнера, открывает крышку, наклоняется и достает пистолет. Я открываю рот, пока он что-то с ним делает... Что-то, что я видела в кино, где они проверяют пули, до того, как засунуть за пояс джинсов. Склонившись, он достает еще один, проводит те же манипуляции и оставляет его в руке, протягивая мне свободную руку.

— Тай? — спрашиваю я, пока мы идем по Вашингтон Стрит.

— Просто иди за мной, ладно?

— Но...

— Джесса, мне действительно нужно, чтобы ты послушала меня, — он останавливается и поворачивается ко мне. — Ты доверишь мне?

— Да.

— Тогда просто следуй за мной, хорошо?

Я киваю. Тай целует меня в лоб.

Через несколько кварталов я замедляюсь, мои мышцы все еще болят.

— Почти пришли.

— Ладно.

Он тянет меня за дом, и примерно через тридцать секунд подъезжает черный внедорожник. Я сжимаю руку Тая, но когда со стороны водительского сиденья выходит Нил, бегу к нему.

Глава 17

Тай

Нил держит ее, пока она рассыпается на части. Я осматриваю окрестности, избегая того, что происходит передо мной. Сначала Нил не был в нашей команде. Были только мы с Джеем и пара начальников, которых я видел однажды.

Нил был втянут из-за их отношений с Джессой, и с тех пор, как ее безопасность была на первом месте, он был дополнительной парой глаз. Но теперь, когда я был рядом, он должен отступить. Я подождал немного, затем потянул ее к себе, давая понять, что она моя.

Нил понимающе кивнул.

— Нам надо идти, — открываю пассажирскую дверь для Джессы, а сам иду к водительской. Нил садится за мной, и мы выруливаем из города.

— Там в сумке есть одежда для тебя, Джесса. Можешь переодеться, — говорит Нил.

Она достает и надевает спортивные штаны, затем быстро меняет больничную рубашку на футболку и кофту с капюшоном. Ничего не могу с собой поделать и смотрю на ее грудь. Она стала больше.

И так не вовремя зарабатываю стояк.

— Мои собаки! А как же клиника?! — кричит Джесса. — И моя семья? Боже, они будут волноваться. Какого черта я не подумала обо всем раньше?

— Ты была в шоке, детка. Это нормально.

Нил отвечает:

— Твои собаки у Кристен. О клинике заботится доктор, которого ты раньше нанимала, и я говорил с твоей семьей. Просто объяснил каждому, что ты оказалась не в то время не в том месте, и тебе ненадолго надо уехать для безопасности.

— И что они сказали?

Смотрю в зеркало заднего вида и вижу, как Нил кусает губы.

— Я... эм, не особо слушал. Клал трубку, когда они начинали вопить...

Джесса хватает меня за предплечье:

— Могу я им позвонить?

— Как только мы сделаем остановку, ты сможешь воспользоваться одноразовым мобильником, — отвечаю я, потому что Нил где-то не с нами.

— Спасибо, — она отворачивается и смотрит в тонированное окно, нервно перебирая пальцы.

Тянусь и беру ее за руку:

— Все будет хорошо.

— Ненавижу казаться глупой, но что вообще происходит? Как ты там оказался, чтобы спасти меня? — продолжает она, глядя в окно. — Как Нил оказался втянут в это... чем бы это ни было? Я пытаюсь быть сильной, но уже начинаю немного паниковать. Я так запуталась, — заканчивает она шепотом.

— У нас есть где-то час до того места, где мы будем ночевать. Давай разместимся, и я расскажу тебе все, что знаю, — пожимаю ее маленькую руку.

— Ладно.

Поглаживаю ее руку большим пальцем, надеясь, что это ее немного успокоит. Я знаю, столько всего произошло, чего она не знает или не понимает. Никогда в жизни не думал, что мы окажемся в таком положении. Но раз уж так произошло, надо все ей объяснить.

Гул двигателя и звуки, издаваемые Нилом, печатающим на своем ноутбуке, это все, что мы слышим, пока не доезжаем до старой заправки. Достая из бардачка телефон и протягиваю его Джессе:

— Две минуты, детка.

Она кивает и набирает номер подрагивающими пальцами. Ее лицо излучает радость настолько это возможно в данной ситуации.

— Лэндон. Да, это я. Я в порядке. Послушай, — она прерывается и качает головой, — Нет, все хорошо. Пожалуйста, у меня не так много времени. Я в порядке. В безопасности, — Джесса кивает, — Малыш тоже в порядке. Прошу, скажи маме и папе не волноваться, и пусть приглядывают за клиникой. Проведайте собак, — теперь она вытирает глаза. — Я не знаю.

— Время заканчивается, детка, — шепчу я.

— Пока. Люблю тебя. Скажи маме и папе, что тоже их люблю. И Кэт.

Она отключается и закрывает лицо руками. Я оборачиваюсь к Нилу и даю ему знак выйти. Он вздыхает и открывает дверь, выглядя раздраженным тем, что я только появился и уже все взял в свои руки. Обычно он был рядом с ней. Но теперь все по-другому. Он знал, на что идет, когда Джей обратился к нему. Когда он вышел, я тяну ее к себе, заключаю в объятия, где она и должна была находиться все это время, и позволяю ей выплакаться.

— Почему это произошло?

— Я рассказывал тебе мою историю, но есть то, чего ты не знаешь. В семнадцать лет я был завербован ФБР. Я стал их информатором, и тогда они стали пытаться поймать Марко. Одно за другим, и они наняли меня для работы под прикрытием. Нашей целью было посадить этого изворотливого засранца. Он делал такие вещи, от которых тошнило. Но Марко был очень умен. Ублюдок был всегда на шаг впереди. Поэтому, даже теперь, когда он мертв, он продолжает преследовать меня. Он заказал мое убийство до своей смерти. Он хочет, чтобы я страдал и чувствовал боль, даже из своей могилы.

— Он говорил, что ты не знаешь того, что знает он. И, что никто не предает его, — сказала она, располагаясь у меня на груди.

— Как я и говорил, ублюдок был хитрым. Предполагаю, что он узнал обо мне. И использовал тебя против меня, преследуя свои цели.

— Может кто-нибудь остановить это или что-то еще? Лэндон при деньгах. Да и я могу достать нужную сумму.

— Не хочу вовлекать твою семью. Но дело не в деньгах.

— Мне все рвано. Я хочу жить своей чертовой жизнью. С нашим ребенком. Я хочу быть с тобой, Тай.

Эта женщина разбивает мое сердце.

— Я тоже этого хочу. Но мне нужно поговорить с тем, кто стал главным после того, как Марко не стало. У него есть кузен, который был его заместителем, и у меня с ним не было проблем. Но как обстоят дела после смерти Марко, я не знаю. Особенно с тех пор, как я встал по другую сторону.

— В чем его хотели обвинить? Наркотики?

— Да, и за другие дела. Он был хитрым подлецом и делал город опасным местом для жизни. Всем станет лучше без него. Плюс, это стало моим личным делом, когда у моей матери случилась передозировка рядом с ним. Он подмешал в ее наркотик крысиный яд.

Она вздыхает:

— Тай, мне так жаль.

Никогда не забуду, как я получил письмо от него, находясь в камере: «Мамочка приняла немного больше, с чем она могла справиться». Чертов ублюдок.

— Это не твоя вина. Так лучше для нее. Вся ее жизнь была болью. Сейчас она в лучшем месте.

— Он не выглядел как человек, который заботится о ком-то, кроме себя, — она подняла голову и положила мне на плечо.

— Он и не был таким. Однако, имидж был для него всем. И когда я убил его отца, это дало ему больше власти, он проявил милосердие, — я смеюсь, вспоминая тот разговор. — Он сказал, что позволит мне жить, но по его правилам. Мне было все равно, серьезно. Но когда он втянул мою мать, тогда я осознал, что нахожусь на крючке.

— А что твоя мать?

— То же самое. Он сказал, что не убьет ее, если она станет работат^ь проституткой на него.

— Боже. Но он нарушил свое слово, когда дал ей наркотики.

Слово, которое должно было что-то значить на улицах тоже:

— Знаю. В этом весь Марко. Или был Марко.

Она погладила мою щеку:

— Мне так жаль, Тай.

— Чертовски прекрасна, — склоняюсь и целую ее, потому что не могу устоять. Мой мир становится правильным, когда соприкасаются наши губы. Только когда я с ней, чувствую себя нужным. — Теперь ты понимаешь, что я всегда имел в виду? Почему это было опасно? Почему я бросил тебя?

— Да.

— Поэтому, когда ты застрелила того парня, спасая наши жизни, мне нужно было время, чтобы сохранить свою работу под прикрытием.

— Почему ты просто не убежал со мной той ночью?

Запускаю руку в ее волосы:

— Моя мать. Я не мог бросить ее. И, честно говоря, надеялся, что мои действия расценят как самооборону, — когда Джей нанимал меня, он говорил, что никто в департаменте не будет знать обо мне, и я буду обычным гражданином для полиции. Думаю, что был наивным, полагая, что смогу выбраться сухим из воды. Но, к сожалению, мне пришлось выучить этот урок. — В любом случае... все уже закончилось.

— Что же теперь будет с нами? Теперь?

Я вздыхаю и стараюсь подобрать слова:

— Сейчас, мы должны исчезнуть, пока я разберусь с твоей безопасностью.

— А как же ты?

Не отвечаю, потому что дело не во мне.

— Нет, — она садится верхом на меня и заставляет посмотреть в глаза. — Не оставляй меня снова.

— Я буду делать все, что потребуется, для твоей безопасности.

— С тобой я в большей безопасности!

— Мне нужно разобраться с некоторыми вещами. Не хочу давать тебе обещаний, которых не смогу выполнить. И, если будет лучше уехать, я это сделаю, — ее дыхание становится затрудненным, и я присоединяюсь к ее чувствам. — Это самая последняя вещь во всем гребаном мире, которую я хочу сделать, детка. Но я живу для тебя. Ты единственный свет в моей жизни, наполненной грязью, сквозь которую трудно видеть. Я сделаю все, что потребуется, чтобы убедиться, что ты и наша дочь защищены.

Глава 18

Джесса

Я просыпаюсь, когда Тай проводит рукой по моей щеке:

— Мы на месте.

Он выходит, отстегивает меня и несет в небольшой двухэтажный дом синего цвета. Мы в уединенном месте, другие дома находятся на расстоянии. Если я закричу, то меня не

услышат. Высокий забор с воротами окружает собственность, и я не слышу, как он их открывает. Я выросла в пригороде, но у моих дедушки и бабушки была ферма площадью десять акров с фруктовыми деревьями. Здесь конечно не столько земли, но определенно больше, чем городские участки.

Тай вводит код на сигнализации, поворачивает ручку и открывает ногой дверь, каким-то образом одновременно удерживая меня. Как только мы оказываемся внутри, он ставит меня и вкладывает в мою руку пистолет:

— Если увидишь кого-то, кроме меня, стреляй.

— Что?

— Нужно проверить дом.

— Могу я просто пойти с тобой? — только однажды я стреляла из оружия, и все мы знаем, чем это закончилось.

— Скоро вернусь, — Тай целует меня в макушку, затем начинает двигаться, доставая пистолет из-за пояса джинсов.

Я стою на месте, дрожа и нервничая. Мое дыхание отдается эхом в тишине. Идут минуты, а, кажется, что проходят часы, потом возвращается Тай и забирает у меня оружие:

— Все чисто.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать или спросить, но не могу. Я так запуталась. Чувствую себя испуганной, уставшей и больной. Тай ощущает это и заключает меня в объятия. Вот так просто, и мне становится лучше.

— Давай я покажу тебе нашу комнату. Ты можешь принять ванну, а я что-нибудь нам приготовлю, хорошо?

— Звучит здорово, — бормочу я, уткнувшись в его грудь. — Как ты себя чувствуешь? — я задираю его футболку и заставляю себя посмотреть на рану. Снимаю повязку и морщу нос. — Тебе нужен отдых, Тай. Здесь есть отек.

— Со мной все будет в порядке.

— Ты не всемогущ. Она может воспалиться, и тогда...

Он затыкает мне рот поцелуем:

— Все хорошо.

— Упрямец, — вздыхаю я и протягиваю руку. — Показывай дорогу.

Тай ведет меня по коридору к ванной комнате, соединенной, по-видимому, с нашей спальней.

— Если к нам присоединятся Нил или Джей, то останутся в комнате дальше по коридору.

— О Боже, где Нил? — как я не вспомнила о нем до сих пор? Иисус, я такая уставшая и запуганная, что не могу ясно мыслить. Думаю не о том, что надо, и забываю то, что необходимо.

— Он был с нами только в самом начале, раздобыл машину. Ты заснула после заправки и не слышала, как мы встретились с Джейм. Здесь должны быть только мы, и только Нил или Джей могут заехать. И это случится только, если нам понадобится защита или новая информация.

— Как долго мы здесь пробудем? — я склоняюсь и открываю кран, чтобы наполнить ванну. — И кстати, где мы?

— Не знаю, как долго. И мы в Айове.

Я берусь за край футболки Тая, в которую одета, чтобы снять ее. Он следит за моими движениями, затем прочищает горло и говорит:

— Пойду найду что-нибудь поесть для нас.

Киваю, и после того, как он уходит, заканчиваю раздеваться и забираюсь в ванну. Погружаюсь в пузырьки, оставляя щиколотки за бортом, чтобы не намочить повязки. Теплая вода как бальзам для моих напряженных мышц, но как только я чувствую запах

еды, мой живот громко урчит. Быстро моюсь, заворачиваюсь в полотенце и иду на кухню. Тай у плиты готовит яичницу. Я откашливаюсь, а он поворачивается и улыбается:

— Это было быстро.

Признаюсь:

— Я голодна.

Его взгляд становится жестче:

— Да уж, готов поспорить.

— Здесь есть еще одежда для меня?

— В нашей комнате спортивная сумка, в ней какие-то вещи, — он выключает конфорку. — Когда освободишься, приходи, все готово.

— Я только быстренько переоденусь.

Зайдя в спальню, я вижу сумку на комод и еще одну на кровати. Открываю ту, что на кровати, и вскрикиваю. Тай влетает в комнату с пистолетом в руке:

— Черт.

— Для чего все это?

Он кладет оружие на стол и застегивает сумку:

— Для защиты.

— Там была граната?

Его вздох становится для меня ответом. Черт, я боюсь, но в то же время чувствую облегчение, зная, что он так хорошо подготовился:

— И зачем тебе нужна граната?

Он пожимает плечами:

— Взорвать что-то или кого-то.

Не обращая внимания на ужасающий смысл его слов, я смотрю на комод:

— Полагаю, ты имел в виду другую сумку.

— Да.

— Хорошо. Я оденусь и буду через секунду.

Он смотрит на меня и не уходит.

— Тай?

— Ты такая красивая, Джесса. Я очень скучал. Ты знаешь, что когда я ушел, то все еще присматривал за тобой? Я взял на себя руководство группой твоей защиты...

— У меня была группа защиты?

— Да.

— Как же я не знала об этом?

— Потому что они должны были быть незаметными.

В этом нет никакого смысла:

— Ох.

— Так много раз у меня было искушение проникнуть в твой дом и обнять тебя. Или посмотреть, как ты спишь.

Мне впервые за долгое время становится так легко на сердце от осознания, что мои чувства к Таю взаимны. Каждый раз, когда я думала, что одинока и что он бросил меня, это было не так. Я улыбаюсь:

— Это немного жутко.

Он смеется, и это самый приятный звук, что я когда-либо слышала. И который я хотела бы слышать всю оставшуюся жизнь.

— Приходи на кухню, — прежде чем покинуть комнату, он целует меня в макушку и забирает пистолет.

Я надеваю штаны для йоги и безразмерную футболку без бюстгалтера. Возвращаюсь к столу, где Тай приготовил яичницу, тост и фрукты, и сажусь:

— Спасибо.

Мы съедаем завтрак в тишине. Я ем только кусочек тоста и немного яичницы, хотя и сильно проголодалась, но я помню, что сказал доктор, и не хочу переусердствовать. Когда Тай зевает, я встаю, чтобы убрать посуду:

— Я разберусь с этим. Иди вздремни.

— Справлюсь сам, — возражает он.

— Тай, я спала, а ты — нет.

Он вздыхает:

— Ладно. Где ты будешь? Хочу быть поблизости.

Осматриваюсь и указываю на телевизор:

— Посмотрю немного.

— Хорошо, тогда посплю на диване.

— Иди в кровать. Со мной все будет в порядке.

Он отталкивается от стола и обхватывает руками мое лицо:

— Я всегда серьезно отношусь к твоей безопасности. Хочу быть настолько близко, насколько это возможно. Марко может и мертв, но его имя все еще имеет силу. Я никогда тебя ни о чем не просил, но пожалуйста, не спорь об этом со мной, хорошо?

— Ладно.

— Джесса, — шепчет он. — Можно я тебя поцелую?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что не уверен, что ты чувствуешь ко мне сейчас, и не хочу давить. Но я так скучал, и мой член так чертовски тверд, и...

Я затыкаю его поцелуем. Тай впивается в мой рот и подхватывает меня за попку. Мой живот немного мешает, поэтому я отклоняюсь, и моя пульсирующая часть соединяется с его твердой. Я начинаю тереться об него, когда он сжимает мои ягодицы и прижимается еще ближе.

Тай кладет меня на диван, задирает футболку и начинает ласкать мою налитую грудь.

— Ты не представляешь, какой похотливой я была последнее время, Тай.

Он склоняется и щелкает языком по моему затвердевшему соску, затем дует на него:

— Нет, детка. Расскажи мне.

— Эти гормоны беременности — не шутка. Я использовала свой вибратор иногда дважды в день.

— Да-а-а, — шепчет он, посасывая чувствительную кожу моей шеи. Его дыхание щекочет мне ухо. — И что же ты им делала?

— Я кружила им вокруг клитора, иногда поднимая выше, чтобы провести по соскам.

— Вот так? — он скользит вниз и проводит языком вокруг соска справа, затем слева.

Я выгибаюсь, нуждаясь в большем:

— Да.

Тай двигается вниз, снимая мои штаны и трусики одновременно, отбрасывает их и вынуждает меня раскрыться, кружа по моей чувствительной коже:

— Ты такая влажная.

— Тай, пожалуйста. Мы можем подурочиться в другой раз. Мне просто нужно кончить. Пожалуйста.

— Черт, детка, — он понимает мое отчаяние и быстро сбрасывает одежду. — Я позабочусь о тебе.

Он скользит в меня своей пульсирующей эрекцией наполовину и затем выходит:

— Хорошо?

— Да, Боже. Не останавливайся.

Погрузившись в меня снова, он начинает вращать бедрами, а я, вцепившись в его плечи, прижимаюсь ближе. Теперь я могу тереться клитором о его лобковую кость.

— О, Боже, — я издаю стон, готовая кончить. Еще пара вращений и я разлетаюсь — прошли месяцы в ожидании этого.

Тай не двигается, дает мне пережить оргазм до конца, и когда я, запыхавшаяся, возвращаюсь, перемещается ниже.

— Я должен попробовать это, детка. Скучал по твоему сладкому вкусу, — он прижимает свой рот к моей киске и пронзает ее языком.

— Твою ж мать! — я выгибаюсь над диваном, но Тай опускает меня обратно, нежно проводя по животу, где находится наш малыш.

Вид его руки на моем животе заставляет меня сжиматься вокруг его горячего, влажного языка:

— Тай, — задерживаю дыхание, борясь с волной, готовой накрыть меня.

Он поднимается и смотрит на меня с нежностью и нуждой в глазах:

— Давай, Джесса. Я с тобой.

И когда он начинает снова пронзать меня языком, я делаю, как он сказал... Позволяю этому произойти. Мои бедра дрожат, кулаки сжимают подушки. По мне прокатывается такой оргазм, который я никогда не испытывала ранее. Как будто внутри разрывается граната. Это так хорошо:

— Тай, Боже мой.

— Сможешь сделать это еще раз, детка? — он целует мое бедро с внутренней стороны, встает и подкладывает под меня подушку, поднимая повыше.

— Не знаю, смогу ли... О, черт, — теперь мои бедра приподняты, а его головка оказывается у моего входа.

— Шшш... — произносит он, толкаясь в меня, пока на меня все еще накатывают волны удовольствия. — Чертовски люблю это, Джесса, — он выходит до конца и врывается снова. — Люблю твою киску. Люблю тебя.

Облизываю губы, пытаюсь ответить, но получается вскрик, потому что новая волна прокатывается по мне. И Тай прижимается ближе, ускоряя темп.

— Бл*дь, — ворчит он. — Так охренительно хорошо. Ничто не сравнится с этим.

Он остается во мне, и мы вместе кончаем. Опираясь на предплечья, Тай пытается восстановить дыхание, опустив голову к моей шее. Я удовлетворенно вздыхаю, перебирая пальцами его влажные волосы. Почему так не может быть все время? Это и есть то, чем мы должны были заниматься последние шесть месяцев.

Он встает, натягивает боксеры, идет на кухню и возвращается с полотенцем. Когда заканчивает меня обтирать, бросает его на пол. Тай устраивается позади меня, и мы оба засыпаем прямо на диване.

Когда просыпаюсь, Тай все еще спит за мной, защищая своим телом. Мне удастся выскользнуть из его объятий, не потревожив. Поднимаю с пола свою одежду, одеваюсь и иду в ванную. Потом решаю заглянуть в холодильник в поисках еды.

Нахожу куриный суп и все для сэндвичей. Делаю себе с ветчиной и сыром и, когда собираюсь приготовить для Тая, понимаю, что не знаю, какие ингредиенты он любит. Упираюсь руками в бока и раздраженно выдыхаю. Я должна знать, что предпочитает мой бойфренд. Бойфренд... Это вообще, так? Какой кофе ему нравится? Или он не пьет его? Есть ли у него аллергия на что-нибудь? Тай сладкоежка или любит острое и соленое?

Когда меня сзади кто-то обнимает, я не пугаюсь, потому что знаю, что это он. Мое тело интуитивно узнает его. Я таю, когда он целует меня в шею. Когда он заканчивает, поворачиваюсь:

— С чем ты любишь сэндвичи?

— Без разницы, — пожимает он плечами и открывает холодильник.

— Что ты будешь пить?

— Я сам налью.

— Но что ты хотел бы?

Он закрывает дверцу и выпрямляется в полный рост, оказываясь выше меня:

— Детка, что случилось?

— Ничего. Просто я поняла, что ничего про тебя не знаю.

Он закатывает глаза:

— Мы же говорили уже об этом. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо.

— Но это не так, — хнычу я, уставившись на ингредиенты для сэндвича на кухонном столе. — Я не знаю, какой вид мяса тебе нравится.

Слезы наполняют мои глаза — дурацкие гормоны — и удивленный Тай начинает смеяться. Бросаю в него полотенце:

— Заткнись!

— Прости, — он делает вдох, пытаюсь остановиться, отворачивается, но его плечи все еще подрагивают.

— Прекрати смеяться! — выкрикиваю я и замахиваюсь, но он ловит мои запястья и притягивает к себе. Поднимает и сажает на стол.

— Прости, — он протирает свои глаза футболкой и восстанавливает дыхание. — Мне нравится индейка и больше всего жареная говядина. Так же я ем ветчину, курицу, салями и все остальное. Я не настолько разборчив в еде.

Он усмехается, и я отвечаю ему подзатыльник:

— Ты любишь кофе?

— Нет. Апельсиновый сок утром или протеиновый коктейль. А ты?

У меня загораются глаза:

— Боже мой, да, — обхватываю себя руками и раскачиваюсь туда-сюда. — Я перестала его пить, когда забеременела, но божечки мой.

— Черт. Ты меня возбуждаешь, говоря о кофе.

Хихикаю и громко целую его в губы:

— Это оргазмически.

— Я покажу тебе, как это бывает.

— Ты уже показал. Трижды.

— Нам стоит сделать это в четвертый раз.

Мотаю головой до того, как смогу ответить:

— Да ладно. Это невозможно. У тебя не получится в четвертый раз.

Его лицо застывает, зрачки расширяются, он проводит большим пальцем руки по моим губам и проталкивает его внутрь. Я посасываю его и чувствую, как становлюсь влажной от этого. Он ухмыляется:

— О, да, — шепчет он. — Я бы смог и в четвертый раз.

Я прикусываю кончик его пальца, и он его убирает.

— Что еще ты хочешь обо мне знать?

Обдумываю его вопрос:

— У тебя есть аллергия на что-нибудь?

— Нет. А у тебя?

— Нет.

— Что еще? — он тянется вниз, чтобы помассировать мои ноги, пока я говорю. Я стону, когда его пальцы проходят по стопам.

— Мм. Не знаю. Не могу думать, когда ты так делаешь.

Игривость исчезает из его взгляда:

— Тебе все еще больно? Черт, прости. Пойдем, я усажу тебя на диван и закончу готовить завтрак, — он не дает мне возразить и относит на руках на диван. — Сейчас вернусь.

От его заботы у меня встает ком в горле. Почему мы не можем просто жить нормальной жизнью вместе? У меня плохое предчувствие, что то, что есть у нас сейчас, не продлится долго.

Глава 18

Тай

Боже, чувствую себя идиотом от того, что позволил ей встать и готовить. Первым, что я увидел, проснувшись, была она, и я просто смотрел на нее с дивана. Джесса была в свободной футболке и обтягивающих штанах и выглядела просто сногшибательно. Я бы мог к этому привыкнуть. Просто быть с ней. Просыпаться рядом.

Я никогда не знал, что такое нормальная семья, но такова была моя жизнь, пока я не стал старше. Намного старше. Всякий раз, когда меня помещали в приемную семью или детский дом, у меня не было времени обращать внимание на то, что происходит вокруг, так как я был слишком занят, защищая себя.

Только повзрослев, я понял, какова была моя жизнь.

Никогда не думал, что найдется женщина, заинтересованная во мне, которая захочет жить со мной в одном доме, поэтому, даже если это временно, я буду относиться к ней как к чертовой королеве. Так, как она того заслуживает.

Она уже сделала нам сэндвичи, поэтому я подхватываю тарелку и отношу на кофейный столик:

— Что будешь пить?

— Тай, я могу...

— Что ты хочешь попить? — спрашиваю снова, не давая возразить.

— Вода подойдет, — вздыхает она.

Возвращаюсь с водой и чашей супа, который она подогрела на плите. Затем делаю сэндвич с ветчиной для себя, подхватываю бутылку воды и присоединяюсь к Джессе на диване.

Поскольку я не знаю, что она хочет посмотреть, протягиваю ей пульт. А она права. Мы действительно не знаем друг друга. Таким образом, моя душа знает ее, но у нас не было возможности узнать обычные вещи.

— Что у тебя на уме? — спрашиваю я, ставя наши пустые тарелки стопочкой на столик.

Она включила какое-то ток-шоу и сделала звук таким тихим, что было едва слышно, затем подвернула под себя ноги. Я помотал головой и похлопал по своим коленям, тогда она развернулась и протянула на меня ноги так, что я смог их поглаживать. Я проверил повязки на ее щиколотках.

— Я боюсь, что все это долго не продлится, — сказала она испуганным голосом. И это расстроило меня, ведь я не мог сказать, что она не права.

Но я могу помочь ей забыть:

— Я кое-что придумал.

— Да? И что же это?

— Я подумал, что мы можем притвориться.

Уголки ее губ опустились:

— Каким образом притвориться?

— У нас есть время, Джесса. Не знаю сколько, но немного есть. Поэтому, пока мы здесь, давай представим, что все, — я показываю на себя, затем на нее, — так и должно быть. Не хочу заострять внимание на том, что мы находимся в конспиративном доме, не хочу вспоминать о том, что заказано мое убийство за пять миллионов долларов.

Она кивает и обнимает руками живот, где растет наш маленький.

— Ничто не потревожит нашего ребенка. Я позабочусь об этом, — не знаю как, но пока я с ними, буду заботиться об их безопасности. — До сих пор не могу поверить, что стану отцом, — это так не подходит мне. Никогда не думал, что смогу дать жизнь другому человеку.

— Но это так. И ты будешь прекрасным отцом.

Я не понял, что сказал последнюю часть вслух. Вместо того, чтобы показывать свою неуверенность, я решил начать действовать в соответствии с планом притворства. Хочу, чтобы она наслаждалась этим временем и остаток беременности больше ни о чем не волновалась. Эта игра только для нее. Может, я и не могу остаться с ней на всю жизнь и сделать счастливой, но сейчас приложу все силы, пока все не развалилось на части.

— Итак, женщина, расскажи мне что-нибудь о себе, чего никто не знает.

Ее брови взлетели вверх:

— Женщина?

— Я подумал, что раз уж мы договорились, мне это сойдет с рук, — пожимаю плечами и делаю невинное лицо.

Она качает головой из стороны в сторону.

— Нет? — спрашиваю я.

— Нет.

— Хорошо, — прочищаю горло и пробую снова. — Детка? — жду, когда она кивнет, потому что знаю, что ей нравится, когда я так ее называю. Ее глаза загораются каждый раз.

— Мне нравится, когда ты так говоришь.

— Знаю.

Она мягко толкает меня носком ноги:

— Ты слишком много о себе возомнил.

Я наклоняюсь и делаю звук погромче, она смотрит телевизор, а я смотрю на нее. Не представляю, почему мне так повезло, что такая невероятная, умная, талантливая женщина что-то чувствует ко мне.

— У меня есть коллекция позаимствованных из ресторанов и баров чашек.

Я замер, переваривая информацию:

— Повтори?

— Ты просил рассказать что-то, что никто не знает обо мне.

— Ты ворует стаканы?

— Сотни, — она развернулась, теперь вместо ног у меня на коленях оказалась ее голова. — Я не горжусь этим. Все началось со спора с Кэт. Ты знаешь ее?

— Нет, я видел ее, но никогда не общался.

— Ты полюбишь ее. Она такая забавная. Как бы то ни было, она подтолкнула меня, и я сделала это. Когда мы пошли куда-то в следующий раз, произошло тоже самое. И так это вошло в привычку. Я покажу тебе мой кабинет, когда вернемся домой. Кэт перестала подкалывать меня много лет назад, но я продолжаю воровать.

Дотрагиваюсь до ее шелковых волос:

— Я был на твоём выпускном в ту ночь.

Она ловит воздух открытым ртом:

— Я не видела тебя. Я искала тебя. Боже, я мечтала, что наши взгляды встретятся, ты подойдешь, все вокруг исчезнет, и ты поцелуешь меня. Потом отведешь на середину танцпола, и мы будем танцевать всю ночь в объятиях друг друга.

— О, я хотел, чтобы ты была со мной в ту ночь, только не посреди зала перед всем классом. Я только пробрался к задней части спортивного зала, чтобы посмотреть на тебя. Ты была такой красивой в ту ночь. И все еще остаешься такой, — делаю глоток воды и продолжаю. — Я знал, что Дерек собирался в отель на реке. Не знаю, почему пришел тогда... Может, надеялся поймать твой взгляд. Я околачивался снаружи, потому что слишком нервничал, чтобы войти.

— Ты? Нервничал?

— Ты была слишком хороша для меня, Джесса. Я был всего лишь бандитом, живущим на улицах, потому что был лишен матери после ее последнего визита в больницу. Знаешь, что случилось в ту ночь после того, как я в первый раз увидел тебя? Когда меня перевели в твою школу?

— Нет. Понятия не имею, — мотает головой Джесса.

— Да. Я не хотел жить в чертовом детском приюте, поэтому просто остался на улице, пока моя мать проходила назначенную судом реабилитацию. В любом случае... — привстаю и снимаю толстовку, так как стало жарко от соприкосновения наших тел. — Когда я услышал твой крик, клянусь, что никогда в жизни не был настолько взбешен. Я хотел убить его. И сделал бы это, если бы ты не находилась там.

— Тай, — она тянется ко мне и обхватывает мое лицо. — Ты спас меня той ночью... И никогда не давал возможности поблагодарить тебя.

— Мне это и не нужно, детка. Я только хочу, чтобы ты всегда была в безопасности и счастлива. Даже если я буду наблюдать за этим со стороны.

Когда Джесса садится, я немного подвигаюсь, и она оказывается на мне верхом.

— Ты, конечно, можешь и со стороны наблюдать, но ты единственный, кого я вижу и кто занимает все мои мысли и сердце. Теперь, — она слезает и становится на колени. — Позволь поблагодарить тебя так, как я всегда хотела.

Мой член сразу становится напряженным, внутренности скручивает, когда она стягивает с меня штаны. Джесса нежно обхватывает мои яйца рукой, и я стискиваю зубы. Она дразнит меня, проводя ногтями по внутренней поверхности бедер и целуя везде, кроме моего стояка.

Я пытаюсь дать ей время. Но только минутку. Я больше не могу сдерживаться и ждать, когда ее губы обхватят меня. Она проводит языком от основания до кончика и слизывает каплю предэякулята. Как только она чувствует мой вкус, ее тело превращается в камень, твердый и неподвижный.

Я тянусь к ней, ее рука застывает где-то на полпути, и когда мои пальцы касаются ее запястья, она отшатывается и кричит:

— Нет!

— Хэй, что не так? — я натягиваю штаны и сажусь перед ней на колени, вглядываясь и ища причину.

У нее дрожат губы, слезы катятся из глаз.

— Детка, поговори со мной, — я снова нерешительно тянусь к ней, чтобы сделать хоть что-нибудь. Джесса начинает бороться со мной, изворачиваясь всем телом, и бьет меня головой. Она умудряется попасть мне в подбородок. Я охаю, когда она с размаху попадает мне в грудь, и чувствую, как открывается рана.

— Отпусти меня! — вопит она. — Ты не сделаешь этого снова!

— Тихо, тихо, это же я, Джесса.

Она продолжает меня атаковать, и я могу только представлять, что творится у нее в голове прямо сейчас. И это опустошает меня. Выворачивает наизнанку, когда я представляю, что могло вызвать этот приступ.

— Все хорошо. Ты в безопасности.

— Он не останавливался... Я пыталась, пыталась... — говорит она сквозь рыдания.

К счастью Марко, он уже мертв.

Плач Джессы затихает, но ее начинает трясти, поэтому я поднимаю ее и отношу в кровать, ложусь позади нее и прижимаю крепче. Со временем она успокаивается, дыхание восстанавливается, дрожь проходит. Я долго еще обнимаю ее, чтобы убедиться, что она заснула. Только потом я встаю, одеваюсь и выхожу, закрыв за собой дверь.

Глава 19

Джесса

Когда Тай вышел из комнаты, я судорожно вдохнула. Я утратила чувство защищенности, которое испытывала, пока он обнимал меня, но осознание того, что он где-то в доме, придавало спокойствия. Никто не прикоснется ко мне, пока он рядом.

Я не могла избавиться от мыслей о том, что Марко делал со мной, но надеюсь, что Тай поможет забыть обо всем. Когда я почувствовала его вкус, совершенно другой, намного лучше, это просто поразило меня. Но произошло что-то совершенно неожиданное. Я словно перенеслась в то холодное влажное помещение: я одна, мне страшно, и меня заставляют делать унижительные вещи.

Обхватываю рукой живот и торжествуя улыбаюсь, вспоминая ярость, что я ощущала, пытаясь защитить своего не рожденного ребенка. Она еще не знает, что тоже помогла мне выжить. Если бы я не была беременна, кто знает, что Марко мог сотворить еще.

В доме тихо, и я слышу звук ударов, раздающийся откуда-то. Надеваю носки и иду искать Тая. Его нет в кухне и гостиной, но звук становится громче, когда подхожу к двери, ведущей во двор. Отдвигаю стеклянную дверь и смотрю вправо, Тай останавливается на долю секунды и затем продолжает колотить по груше. Подхожу ближе и нерешительно тянусь к его руке.

— Возвращайся в кровать, — он пытается избавиться от меня, но я отступаю и сажусь на один из уличных стульев.

Не останавливаясь, он говорит:

— Ты не должна здесь находиться, безопаснее внутри, Джесса, — я не двигаюсь с места, и он раздраженно выдыхает. — Иди в дом.

— Нет.

Он не обращает внимания на меня и продолжает избивать грушу. Я смотрю, как работают его плечи, костяшки на руках уже становятся красными, пот пропитывает волосы и стекает по обнаженной шее.

— Ты сказала, что он не насиловал тебя, — я никогда не слышала столько боли в его голосе. Он выглядит полностью побежденным. Тай, которого я знаю, всегда был самоуверен, силен.

— Он этого не делал.

Тай резко поворачивается ко мне, вытирая запястьем лоб:

— Тогда, что это было? Ты вопила: «Ты не сделаешь этого снова». Черт, не могу поверить, что мы не могли найти тебя три дня. У него не должно было быть шанса сделать тебе хоть что-то! — он выкрикнул последнюю часть и так сильно ударил по груше, что я думала, она сорвется с крепления.

— Тай, пойдем в дом.

— Нет.

— Тай, — пробую позвать его немного настойчивее.

— Нет, Джесса. Просто оставь меня, хорошо?

— Нет.

И тогда он кричит, рычит практически, его шея раздувается от напряжения. Я не обращаю внимания на инстинктивное желание убрать подальше, когда он в таком состоянии, и обнимаю его со спины. Он такой разгоряченный, его тело пробирает крупная дрожь.

— Тай, расслабься. Тихо, — прижимаю его ближе, и когда он тянется и берет меня за руку, я выдыхаю с облегчением.

Тай разворачивает меня в своих руках и садиться на землю, баюкая меня словно ребенка. Стискивает меня в объятиях и утыкается лицом в мои волосы. Я застываю в таком положении и позволяю ему делать то, что ему необходимо. Он всхлипывает. Не могу понять, плачет ли он, однако, меня переполняет чувство любви и душевной боли.

— Мне так жаль, — тихо говорит Тай. — Мне так чертовски жаль.

— Во всем этом нет твоей вины, — я высвобождаюсь из его тесных объятий и сажусь перед ним. Беру его лицо в свои ладони, заставляя посмотреть на меня. — Это не твоя вина.

— Я виноват, детка. Мне нужно было держаться подальше от тебя, намного дальше.

— Тай, в ту ночь Марко увидел меня, потому что я вошла в тот бар. Я. Я сама вошла в твой мир. Ты не заставлял меня, не втягивал обманным путем, — вытираю влагу под его глазами, не уверенная, слезы это или пот. — Ты спас меня тогда. Если бы тебя там не было... Даже не хочу предполагать, что бы могло произойти.

— У нас не было ни малейшего шанса, так? — он задумчиво уставился мимо меня. — Я пытался оставаться в стороне от тебя, но ты продолжала врываться в мою жизнь.

— Потому что мы должны быть вместе.

— Мы не можем.

— У нас нет выбора. Я люблю тебя.

Он снова сосредотачивается на мне:

— Иногда мне становится больно в груди от того, что я к тебе чувствую.

Тай такой мужественный, такой доминирующий, что иногда я забываю, какой нелегкой была его жизнь. Что он был лишен того, что должно быть у каждого человека: любви, принятия, защищенности.

— Я не хочу, чтобы ты снова страдал, Тай. Хочу, чтобы ты был, наконец, счастлив.

— Я счастлив, когда с тобой, детка.

— Я тоже.

Он поглаживает мои руки, смотрит в сторону и спрашивает:

— Что он с тобой сделал?

— Тай...

— Мне нужно знать. Иначе мое воображение сведет меня с ума, и я захочу откопать его из могилы и убить снова.

Я глубоко вздыхаю:

— Казалось, я не ела и не пила целую вечность, и когда я сказала о своей жажде... — я убрала от него свои руки, сжала кулаки, ногти впились в ладони. — Он заставлял меня... или пытался убедить проглотить его сперму.

Глаза Тая зажглись гневом, он зарычал, но не сдвинулся с места. Он сидел и ждал продолжения.

— Сначала я боролась с ним, потом пришел человек и удерживал меня, пока он... заботился о себе. В итоге в первый раз меня стошнило. Кроме того, что он морил меня

голодом и лишил удобств, все его действия... касались секса. И когда я... Мне жаль. Я знаю...

— Сколько раз он делал это с тобой, Джесса?

— Во второй раз он попытался засунуть мне в рот, и я укусила его. Поэтому у меня разбито лицо.

Тай немного улыбнулся краешком губ от гордости за меня:

— Хорошая девочка.

— Я думала, что он попытается снова после того, как оправится, но в этот момент появился ты и спас меня.

Тай подался вперед и поцеловал меня в щеку, немного задержался, а затем выпрямился:

— Мне нужно в душ.

Я попыталась встать, но он подхватил меня на руки.

— Я могу ходить, Тай.

— Мне это нужно, хорошо?

Понимая его желание быть ближе, я кивнула и позволила отнести себя в кровать.

— Я сейчас вернусь.

Он принял душ и меньше, чем через пять минут, забрался под одеяло, прижимая меня как можно ближе. И я отключилась, несмотря на раздражающие мысли, мешающие заснуть.

Когда просыпаюсь следующим утром, сторона кровати Тая холодная, и я выбираюсь из-под одеяла. После недолгой остановки в ванной иду в сторону раздающегося откуда-то шума. Полностью одетый Тай сидит за кухонным столом, его пальцы стучат по клавиатуре:

— Доброе утро, — приветствует он меня, не поворачиваясь.

— Как ты узнал, что я вошла?

— Всегда знаю, когда ты поблизости.

— Оу, — иду к нему.

— К тому же, я слышал воду в туалете.

Я оставляю очень влажный поцелуй на его щеке:

— Ха-ха.

— Там блинчики в микроволновке, — кивает он в сторону. — Бекон в духовке.

— Ты лучший!

Он усмехается, когда я влетаю на кухню и через несколько минут сажусь напротив него с тарелкой, наполненной блинчиками и четырьмя полосками бекона. Ребенок проголодался сутра, что я могу сказать?

— Ты ел?

Он поднимает протеиновый коктейль и делает большой глоток, смотря при этом на экран компьютера.

— Над чем работаешь?

— Обновления. Секретная информация.

— Тай?

— Да, детка?

— Посмотри на меня.

Он медленно выдыхает и поднимает голову. Достаточно одного беглого взгляда на его привлекательное лицо, чтобы заметить мешки под глазами, покрасневшие глаза, напряженный подбородок:

— Дорогой, как долго ты этим занимаешься?

— Я не спал всю ночь.

Мне сразу же перехотелось есть, я опускаю вилку.

— Тебе нужно поесть, Джесса.

— А тебе поспать, Тай.

— Все, что мне нужно, так это закончить с этим. Я устал так жить. Хочу чертову нормальную жизнь. Хочу, чтобы мы с тобой могли пойти в гребаный магазин, на пляж или в бар, не оглядываясь по сторонам. Я был вынужден прикрывать спину всю жизнь, и мне это чертовски надоело.

Как бы мне хотелось сказать что-нибудь ободряющее, чтобы все забылось хотя бы ненадолго. Но я хочу, чтобы это закончилось так же сильно, как и он. Потому что понимаю, откуда он. Даже если у меня нет понимания, каким образом он выжил, взрослея в таких условиях. Я понимаю его стремление покончить с прошлой жизнью.

— Может, сделаешь перерыв и посидишь со мной на диване немного? Может, вздремнешь. Потом покажешь, чем занимаешься, и я смогу помочь?

Впервые за долгое время он улыбается. Затем Тай подходит, выдвигает мой стул и приседает напротив:

— Пытаешься меня провести? Немного психологии? — он все еще такой сексуальный, хотя и, несомненно, уставший. Его голос ласкает меня.

— Нет, — произношу я, затем уточняю. — Просто хочу, чтобы ты поспал.

Тай перемещается ближе, и когда мой рот оказывается напротив его, он рукой притягивает мою голову, сокращая расстояние. Он целует меня требовательно, утверждающе, работая языком. Я стону, радуясь, что несмотря на то, что я вчера ему рассказала, он все еще так желает меня. Он резко встает и поднимает меня. Садится на стул так, что я оказываюсь верхом на нем. Его спортивные штаны не дают разыграться воображению, и когда его стояк упирается в мою промежность, я начинаю двигаться.

— Черт, Джесса. С тобой так хорошо.

— Мне с тобой тоже, — я продолжаю покачиваться на нем, потом Тай отклоняет за волосы мою голову и начинает осыпать поцелуями шею. Когда он доходит до ключиц, то продолжает свой путь вдоль них, покусывая, затем меняет наклон моей шеи, чтобы продолжить целовать с другой стороны, направляясь наверх. Я набрасываюсь на его рот, наши зубы ударяются, он обхватывает мой зад, сжимая ягодицы, нуждаясь во мне. Я отодвигаюсь, нуждаясь в воздухе, и решаю завершить начатое вчера вечером.

Я пытаюсь встать на колени, но он поднимает меня.

— Тай, пожалуйста. Позволь.

Его взгляд смягчается, и он обводит пальцем мои губы. Я втягиваю его палец в рот, что, похоже, ему действительно нравится, его губы раскрываются. Его взгляд прикован к тому, как я кружу языком по пальцу.

— Я умираю, как хочу, чтобы твои губы были на моем члене, но так же сильно я нуждаюсь в твоей киске. Снимай штаны и забирайся, — он вытаскивает палец, я встаю, чтобы мы оба могли избавиться от одежды.

Не теряя времени, делаю, как он сказал, направляя его в себя.

— С каждым разом все лучше, — стонет он. Я киваю, соглашаясь, так как не могу сказать и слова, находясь на краю оргазма.

Как только Тай полностью в меня погрузился, он задирает мою футболку и сжимает мою чувствительную грудь. Я медленно двигаюсь на нем, пока он пощипывает мои соски. Он подводит меня ближе краю, посасывая и слегка ударяя по ним. Двигаюсь жестче, быстрее. С каждым толчком клитор соприкасается с его лобковой костью, раззадоривая меня еще больше. Пальцы на ногах начинает покалывать, наслаждение поднимается вдоль ног прямо в сердцевину, заставляя содрогаться и всхлипывать, выжимая из меня все соки.

Тай поднимает меня и несет в кровать, бережно укладывает и начинает жестко трахать. Он вколачивается в меня, я пытаюсь встречать его толчки, но успеваю за ним. Когда он закинул мои ноги себе на плечи, мне приходится держаться.

— Кончи для меня еще раз, детка.

Он облизывает свой палец и начинает ласкать клитор, кружа с нажимом, мои мышцы сокращаются и сжимают член.

— Бл*дь! Так тесно, — его хриплый голос толкает меня за грань, я выкрикиваю что-то нечленораздельное, и следующий оргазм проносится сквозь меня как пожар. Каждый миллиметр моей кожи горит для него.

Мои ноги падают на кровать. Тай склоняется, удерживая вес на локтях, и целует меня. Он погружается в меня еще несколько раз и стонет, не отрываясь от моего рта. Он замедляется, чувствую, как становится еще больше до того, как он садится и кончает мне на живот. Закончив себя поглаживать, Тай заваливается рядом, кладя голову на свою руку. Он использует другую руку, чтобы размазать каплю спермы вокруг моего соска.

Поворачиваю голову к нему. Я улыбаюсь, как и он. Потом его глаза закрываются, и меньше, чем через минуту, раздается ровное дыхание. Мои руки так и тянутся к нему, пробегаюсь кончиками пальцев по красивому лицу, провожу по бровям, подбородку. Когда дохожу до губ, он вздыхает и прижимает меня ближе. Даже во сне, он хочет, чтобы я была рядом. И мне это нравится.

Глава 21

Тай

Из ванной раздается крик Джессы, бросаю пульт, хватаю Глок с журнального столика и бегу, скользя перед дверью. Влетаю внутрь, и когда она кричит снова, роняю голову и смеюсь, кладя пистолет на раковину.

— Тай! Убери его!

Она сидит в ванной, и прямо над ней с потолка свисает паук. Он спускается еще немного, и Джесса снова кричит, пытаясь отодвинуться и проливая воду на пол. Я беру с полки бумажную салфетку, тянусь за пауком, и тогда Джесса опять визжит:

— Ты не можешь раздавить его своими руками!

— Я и не собираюсь. Сделаю это в салфетке.

— Фу! Ты не можешь так поступить!

Пытаюсь сдержать смех:

— Не могу?

— Нет, нужно положить его во что-то и раздавить ногой или что-то в этом роде. Не трогай его... Ааа! — паук спустился еще ниже, и я больше не могу сдерживаться. Сгибаюсь от смеха, упираясь руками в колени.

— Прекрати смеяться. Убей его!

— Я... Я пытаюсь, но ты говоришь, что я не могу.

— Потому что отвратительно давить его руками! Он еще ближе. Быстрее! Сделай что-нибудь! — она такая маленькая, беременная и уже наполовину вылезла из ванны. Меня смешит ее логика, но все же беру чашку с раковины. Подставляю ее под паука и жду, когда он заползет внутрь. Потом вытряхиваю его на пол и поднимаю ногу.

— Нет. Ты не можешь раздавить его носком!

— Гребаный Иисус, — бормочу я. — Чем бы ты хотела, чтобы я его раздавил, детка? Джесса погружается снова в ванну:

— Ботинком. Журналом или чем-то еще. Не ногой в носке. Это еще хуже, чем салфеткой.

Оглядывая комнату, нахожу пустую коробочку от зубной пасты. Беру ее и поднимаю брови в немом вопросе, подходит ли эта вещь, показывая ее Джессе. Она кивает и отворачивается. Давлю паука картонкой, собираю что осталось приготовленной салфеткой и спускаю в унитаз.

— Спасибо, — улыбается Джесса.

— Пожалуйста, детка.

Она скользит глубже в воду, и закрывая за собой дверь, слышу, как она произносит:

— Не знаю, как я справлялась без него раньше.

Я проснулся от того, что что-то было не так. Джесса мирно спит рядом. Черт, я сплю лучше в эти несколько недель, что мы здесь, чем всю мою жизнь раньше. Шум снаружи приводит меня в состояние боевой готовности, тянусь за одним из пистолетов на тумбочке, замечая время на часах: 4:27 утра.

— Джесса, детка, проснись, — слегка качаю ее, пока натягиваю джинсы. — Просыпайся.

Она переворачивается, и ее офигенно прекрасная улыбка сражает меня.

— Опять? — она думает, что я разбудил ее, чтобы снова заняться любовью. Черт, хотел бы я, чтобы это было так.

— Снаружи кто-то есть.

Она садится и начинает неистово осматриваться:

— Что?

— Ты помнишь, где находится секретная комната?

— Да.

— Иди туда и не выходи.

Помогаю подняться с кровати напуганной Джессе, на улице хлопает дверь машины, и она вскрикивает.

— Тсс, тише, детка. Все будет хорошо, — слегка подталкиваю ее в сторону кладовки, где находится потайная комната. Как только слышу щелчок замка, означающий, что она внутри, закрываю дверь спальни и крадусь вниз.

Шаги раздаются у главного входа. Этот идиот топает так громко, чтобы отвлечь меня, или он совсем придурок. Занимаю позицию в гостиной и направляю пистолет на входную дверь. Чтобы лучше слышать, закрываю глаза. Металл. Ключи или отмычка. Затем поворот дверной ручки. Как только срабатывает сигнализация, снимаю предохранитель, делаю вдох и открываю глаза.

— Оу, это всего лишь я, приятель, — Нил поднимает одну руку, а другой вводит код сигнализации.

— Дерьмо! Какого черта?! — убираю оружие за пояс джинсов, предварительно поставив на предохранитель. — Ты не мог меня предупредить?

Бегу наверх и прикладываю палец для сканирования отпечатка, чтобы открыть дверь, за которой находится Джесса. Она сжалась в углу, раскачиваясь вперед-назад. Когда она видит меня, поднимается на ноги и прижимается ко мне. Слезы каплют на мою обнаженную кожу.

— Это всего лишь Нил.

— Ч-что?

— Нил. Милая, это просто Нил. Все хорошо.

Она внезапно отступает от меня, вытирает слезы и вырывается из комнаты. Я следую за ней вниз и удивляюсь тому, что слышу.

— Ты зачем меня так пугаешь? — вопит она, и его лицо становится таким же удивленным, как и у меня. — Ты должен был позвонить. Ты чуть до инфаркта меня не довел!

— Прости, Джесса. Кое-что произошло, и я...

— Что случилось? — перебиваю его я.

— Нам нужно сесть.

Джесса обнимает его, прежде чем пойти на кухню:

— Кофе, Нил?

— Спасибо, да. Я всю ночь не спал, — он следует за мной к столу и садится напротив.

Она ставит одну из чашек в кофемашину, наливает два стакана апельсинового сока и предлагает один мне, другой рядом.

— Вот, — Нил кладет пакет на стол. — Донатсы.

— Ты принес мои любимые? — Джесса начинает копаться в пакете, пока не достает один с корицей. — Да! Спасибо, Нил.

— Без проблем. А для тебя с глазурью, приятель, — говорит он мне.

— Спасибо, — я откусываю кусочек, затем перехожу к делу. — Что у тебя?

Он вздыхает и достает из пакета папку:

— Протоколы.

Я открываю и начинаю читать.

— Спасибо, дорогая, — благодарит Нил, получив свой кофе.

Не обращаю внимания и продолжаю читать. Бездумно жую пончик, перелистывая страницы, пытаюсь понять, что за чертовщину я читаю. Слова стали размытыми, трясую головой, чтобы избавиться от тумана.

— Итак, — начинаю я. — Рико теперь главный?

— Да.

— Какого... — я никак не могу объединить слова, комната начинает расплываться. Как только смотрю на Нила, меня осеняет. Он поднимает брови, я пытаюсь сдвинуться с места, чтобы убить этот кусок дерьма, но мое тело словно наполнено песком. — Ублюдох... — я начинаю оседать.

Моя голова свисает, тянусь к Джессе, чтобы защитить ее, предупредить, сделать хоть что-нибудь.

— Тай? — спрашивает она. — Тай!

Она выкрикивает мое имя, когда я падаю на пол. Комната вращается, перед глазами танцуют яркие огоньки. Затем вспышки темноты вызывают еще большее головокружение. Вижу над собой ее красивое лицо, и пока совсем не отключился, говорю ей:

— Беги.

Джесса

— Тай! — трясу его я, но он не двигается. Почему он сказал мне бежать? Что произошло?

Поднимаю взгляд на Нила:

— Помоги мне!

— Он скоро очнется.

— Что? — беру Тая за руку и прижимаю ее к груди. — Нил, помоги!

— Я не хотел, чтобы все было так.

Кровь начала стучать в висках, я слышу биение своего сердца:

— О чем ты говоришь?

Нил просто стоит, потом наклоняется к Таю и отбрасывает пистолет. Затем поднимает его на руки и несет. Я думала, что он положит его на диван, но вместо этого Нил тащит Тая к выходу.

— Куда ты его несешь? Здесь есть больница поблизости?

Нил не отвечает, мы подходим к его черному внедорожнику, он кладет Тая на землю и открывает багажник.

— Осторожнее! Что ты делаешь? — хмурюсь я. — Нил! Что происходит?

Продолжая меня игнорировать, он снова поднимает Тая и помещает верхнюю часть его тела в багажник, затем поднимет ноги и заканчивает начатое. Закрыв багажник, он поворачивается ко мне:

— Пожалуйста, просто заткнись к чертовой матери!

— Что? — шепчу я. — Что происходит? Ты пугаешь меня.

Тяжело вздохнув, он обходит машину и открывает заднюю дверь:

— Внутрь.

— Что происходит, черт возьми? — кричу я.

Он мотает головой, тянется, вытаскивает из-за спины пистолет и наводит на меня:

— Залезай в чертову машину. Я не хочу причинять тебе боль, но буду вынужден это сделать.

— Нил. О, Боже. Что ты делаешь?

Должно быть, он готов потерять самообладание, поэтому хватает меня за предплечье и впикивает на заднее сиденье:

— Сядь и заткнись! — он захлопывает мою дверь, и я перелезаю назад к Таю, оберегая живот.

Хотя он и дышит, но выглядит мертвым. Тело полностью неподвижно, и когда я поднимаю ему веки, вижу, что глаза закатились.

— Тай, — шепчу я, прислоняюсь к его сильному телу. Оно теплое, и когда я прижимаюсь щекой к его лицу, то содрогаюсь.

— Сделаешь что-нибудь, застрелю, не успеешь опомниться.

Я не обращаю внимания на его слова, прижимаясь к Таю. Я его не оставлю. Малыш толкается, а я позволяю слезам капать на грудь Таю. Его серая футболка темнеет от моих слез, я беру его руку, чтобы проверить пульс:

— Что ты ему дал? — нарушаю я молчание, воцарившееся с тех пор, как мы отъехали. Я никак не могу поверить, что Нил один из плохих парней. Он был в моем доме. Я считала его другом, хорошим другом. Как он мог так подвести меня? Предать Тая?

Я, конечно, боялась, но сердце было разбито по многим причинам. Помимо тошнотворного чувства в животе, у меня появилось предчувствие, что все это плохо закончится.

— Немного снотворного.

Тай не издавал ни звука всю дорогу, которая длилась, по крайней мере, часа два. Хотя казалось, что прошло намного больше времени. Мой мочевой пузырь наполнился до

боли, но я боялась открыть рот. Каждая кочка была мучительной, и когда Нил поворачивал, я крепко держала Тая, оберегая от ударов о корпус машины.

В итоге мы подъехали к зданию в какой-то глуши. Это место было словно из кино, где держат заложников. Половина крыши была обвалившейся, в окнах отсутствовали стекла. Мы приехали сюда по проселочной дороге, и я понимала, что нахожусь слишком далеко от цивилизации для побега и поиска помощи.

Когда дверь открывается, я удивляюсь, увидев знакомого рядом с Нилом. Я нагнулась, и меня вырвало в нескольких сантиметрах от его дорогих лоферов.

— Мы снова встретились, — произносит Рико.

— Мне надо пописать, — к черту приличия. Я думала, что может быть смогу выпутаться из этого, что есть какой-то выход, но глядя в темные глаза человека, удерживавшего меня... Я поняла, что если мне суждено умереть сейчас, то надеюсь, что с делаю это с достоинством и не в луже собственной мочи.

— Я отведу тебя. Рико, возьми его, — заявляет Нил. Меня так бесит, что он оказался на одной стороне с этим ублюдком.

— Нет, — вырываю я руку. — Я не оставлю Тая.

Нил закатывает глаза и тянется, чтобы вытащить меня. Я пытаюсь бороться, но если продолжу, то описаюсь, поэтому соглашаюсь:

— Ладно, — отодвигаясь от него, говорю я. — Я могу идти сама. Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. Больше никогда.

Почему-то меня начинает шатать без поддержки одного из них. Мы подходим к дому, и Нил открывает дверь, схватив меня за руку:

— Сюда.

Я пытаюсь отстраниться от него, но он сжимает мою руку сильнее:

— Не делай так.

Он пихает меня в туалет и закрывает дверь. Поглаживая живот, я осматриваюсь. Конечно, здесь нет окон. После облегчения я остаюсь, сидя на унитазе, и пытаюсь собраться. В прошлый раз, оказавшись в такой ситуации, я паниковала и боролась. Я была не уверена, что меня спасут. Но сейчас, я знаю, что нет.

Я должна быть тем, кто освободит нас. Меня, Тая и нашего малыша. Поэтому мне надо быть умнее. Сохранить силы и соблюдать спокойствие.

Дверь резко распахивается, на пороге стоит Нил. Я смотрю на него, не мигая. По-настоящему смотрю. Когда-то он нравился мне. Его выющиеся темные волосы необыкновенны, зеленые глаза дружелюбны и привлекательны. Но сейчас он выглядит как монстр.

— Почему ты делаешь это? — шепчу я, действительно желая знать, пытаюсь достучаться до него. — Я думала, что ты был моим другом.

— Да ладно.

— Почему, Нил?

— Скоро узнаешь. Выходи уже.

Он тянется за мной, я вскакиваю, и у меня кружится голова от резких движений. Когда он снова пытается меня взять, я кричу:

— Я сказала: не трогай меня! Ненавижу! Я так ненавижу тебя!

Он сжимает зубы и неожиданно бьет меня. Задышавшись, я закрываю лицо. Потекли слезы, и, когда они попали в рану на щеке, становится еще больнее.

— Пойдешь со мной или тебе преподать еще один урок?

— Да пошел ты, — тихо говорю я и следую за ним.

Дом грязный и практически пустой. Несколько старых досок в углу и какие-то разбросанные инструменты, все покрыто пылью. Нил обходит меня, чтобы открыть дверь.

— Тай! — восклицаю я и бегу к нему.

Он привязан к стулу, я обхватываю и поднимаю его лицо.

— Детка, — еле выговаривает он, все еще находясь под действием снотворного.

— Тай! Очнись. Просыпайся!

Рико хватает меня, рывком усаживает на другой стул и привязывает грубой веревкой. В местах соприкосновения кожа начала гореть, и чем больше я двигалась, тем большее становится.

— Теперь будем ждать, — заявляет Рико и зажигает сигару, оседлав стул.

— Ждать чего? — спрашиваю я.

— Твоего выбора.

— Какого выбора?

Рико смотрит на Нила:

— Ты не сказал ей?

Он отрицательно мотет головой с кривой усмешкой на лице:

— Нет. Подумал, тебе захочется сделать это самому.

Рико смеется. Боже, это так ужасно. Внутренности скручиваются, и я готовлюсь услышать, что же он скажет.

— Ты ведь знаешь, что являешься большой наградой для своего парня, правда?

Я оставляю этот вопрос без ответа. Вместо этого отворачиваюсь.

— Итак, я даю тебе шанс спасти его жизнь.

Этим он привлекает мое внимание, и я снова смотрю на него:

— Как?

Рико кивает в мою сторону:

— Твой ребенок. Или твой мужчина. Твой выбор.

Глава 22

Тай

Всё размыто и туманно. Я уверен в том, что сижу на стуле, а мои руки и лодыжки связаны. Я чувствую людей вокруг меня, но пока у меня недостаточно сил, не хочу, чтобы они знали, что я пришел в себя. Осторожно, я делаю глубокие вдохи, когда открываю глаза и смотрю на ноги.

Джесса всхлипывает, и мне надо сделать всё возможное, чтобы не позволить ей узнать, что я уже проснулся. Что я спасу её как-нибудь. Что я умру, чтобы вытащить ее из этого беспорядка — моего грёбаного беспорядка.

Когда мой разум проясняется, я воспроизвожу события в моей голове. Нил. Я чувствовал, что он тот еще ублюдок. С самого начала у меня сложилось плохое впечатление о нем. Не думал, что он будет настолько ничтожным, чтобы привлечь к этому всему Джессу. Я, черт возьми, злюсь на себя за то, что позволил ему это сделать.

— Ты уже приняла решение, дорогая? — Рико. Я знаю этот хриплый голос.

— Хрен тебе!

— Я хотя бы не беременная цыпа, — он смеется, и я наконец-то смотрю на неё.

Джесса привязана к стулу так же, как и я, и красные отметины вокруг ее запястий и лодыжек еще больше раздражают меня.

— Отпусти её, — требую я.

Все три головы поворачиваются в мою сторону, и Джесса кричит мое имя. Я не смотрю на её лицо, потому что, если посмотрю ей в глаза, это ослабит меня. А мне нужно быть сильным прямо сейчас.

— Ах, мой мальчик! — Рико подходит ближе и похлопывает меня по спине. — Я уже начал беспокоиться, что ты никогда не присоединишься к нам.

— Отпусти её.

— Видишь ли, я не могу этого сделать, пока она не примет решение.

Я игнорирую то, что он только что сказал.

— Отпусти её.

— Джесса, ты уже приняла решение? — спросил Нил.

— Пошел ты!

— Тебе не любопытно, какой выбор она должна сделать, Тай? — Рико приседает передо мной. — Нил сдал вас за пять миллионов, но сегодня я щедр, я убью кого-то одного, ей надо просто выбрать кого.

Я сжимаю зубы.

— Что?

— Ты или ее ребенок, — он смеется, и я, наконец, перевожу свой глаза на Джессу.

У неё текут слезы, и я опускаю взгляд на порез на ее щеке, ярость кипит внутри меня так, как никогда раньше. Она не говорит ни слова, но ей это и не нужно.

— Я, — говорю я Рико.

— Нет! Тай, нет! — Джесса кричит и толкается в кресле, но Нил кладет руку на её спину, чтобы удержать ее.

— Сядь, сука. Черт.

— Я хочу, что бы *она* это сказала, — Рико садится в кресло и затягивается сигаретой.

Я смотрю на него.

Я быстро понимаю, что она находится не в поле моего зрения.

— Не трогайте её. Ребёнка не существует для тебя.

— Хорошо, — соглашается он.

— Мне нужно твое слово.

— Ты только что его получил, — он сужает глаза.

Он не похож на Марко. Никогда не был. За все годы, что я работал с ним, его слово было таким же твердым, как сталь. Он не причинял боль людям; он просто хотел денег.

Я киваю и поворачиваюсь к своей женщине.

— Джесса, послушай меня...

— Нет! Нет, нет, нет, — повторяет она.

— Малышка, послушай меня!

Она качает головой, но перестает кричать.

— Я же сказал, что сделаю все, что нужно. Скажи им.

— Нет! Вы не можете заставить меня выбрать. Я этого не сделаю, — её крик становится более бессвязным, и я беспокоюсь, что она повредит себе или ребенку. Мой ребенок, моя маленькая девочка. Я, возможно, никогда не смогу встретиться или обнять их.

— Проклятье, Рико! Просто, черт возьми, отпусти её! — кричу я. — Возьми меня.

Он встает, хватает сумку со стола, а затем бросает её Нилу.

— Пересчитай это.

Пока Нил отходит от стула Джессы и начинает рыться в сумке с деньгами, мы с Джессой смотрим друг на друга.

— Я люблю тебя, — шепчу я еле слышно.

Она не отвечает, но я знаю, как она относится ко мне. Она не та, кто скрывает такое. Она всегда была открыта и честна. Это я был трусом, который боялся признать, что влюбился в нее, когда мне было всего шестнадцать.

— Отменяйте заказ, — требую я. — Мне нужно услышать, как ты произносишь эти слова. Мне нужно знать, что она и ребенок в безопасности, — Рико начинает говорить, но я его перебиваю. — Давай, — я буду просить его, если он захочет, но он кивает и вытаскивает телефон из кармана пиджака. Холеный мудак.

Он набирает номер и прикладывает телефон к уху.

— Цель у нас. Да. Готово.

Когда он убирает телефон назад, то подходит ко мне и направляет пистолет на мою голову.

— Последние слова своей женщине?

Я игнорирую его и продолжаю смотреть на Джессу. Ее слезы прекратились, и она просто смотрит на меня. Я снова тихо говорю ей, что люблю ее.

А затем произношу:

— Закрой глаза, детка.

Она вздрагивает и говорит, что любит меня, а затем закрывает глаза.

Я сглатываю, затем киваю, дав знак Рико, чтобы он сделал это. Я готов. С пистолета снимается предохранитель, когда холодный металл касается кожи моей головы.

Джесса

Я не хочу, чтобы моё последнее воспоминание о нём было связано с его окровавленной головой, поэтому я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на наших воспоминаниях. Первый раз, когда я увидела его. Первый раз, когда он поцеловал меня. Я вспоминаю о том времени, когда мы занимались любовью. И это было так красиво, словно две души соединялись вместе. Я стараюсь быть сильной, но не могу этого сделать. Убийство и деньги... Я просто хочу вернуться домой. Я хочу вернуться домой с Таем.

Раздается выстрел, который временно оглушает меня. Я подпрыгиваю, и слезы безостановочно льются из моих глаз.

— Твою мать, мужик, ты в порядке? — я не узнаю этот голос.

— Ты немного, бл*дь, задержался, — говорит Тай.

Я поднимаю голову и вижу, как Рико развязывает Тая. Безжизненное тело Нила находится на полу в нескольких футах от Тая. Другой человек, которого я не знаю, с полицейским значком на шее, прячет пистолет в кобуре. Он подходит ко мне, и я вздрагиваю, когда он начинает развязывать веревки, связывающие меня.

— Тай?

Его руки освобождаются, и он тянется к одной из своих ног, а Рико — к другой.

— Что, черт возьми, происходит? — кричу я. Я думала, что раньше была в недоумении, но теперь мне интересно, всё ли так, как я вижу.

Тай окончательно освобождается и мчится ко мне, развязывая веревки, пока я не освобожусь. Он поднимает меня и прижимает мое лицо к своей шее.

— Бл*дь, детка. Бл*дь. Ты в порядке?

— Что произошло? Что происходит?

— Пойдем отсюда, — говорит мужчина со значком.

Тай кивает ему и выносит меня наружу, зарываясь лицом в мои волосы.

— Я под прикрытием, помни, — шепчет он мне.

Несколько полицейских машин ждут с мигающими сигналами, и как только мы выйдем из здания, они начнут развешивать полицейскую ленту по периметру. Снаружи я вижу высокое полуденное солнце, а затем Тай устраивает меня на заднем сидении внедорожника с темными тонированными стеклами, не тратя впустую ни секунды, и обнимает меня.

Рико садится на переднее сиденье, и я сжимаю руки на Тае.

— Джессика, это Джей, мой босс, — он кивает на водителя, а потом на пассажира.
— И Рико, он босс Джея.

— Что?

— Мне следует поговорить с твоим братом о том, чтобы сыграть роль в его следующем фильме, а? — он шутит.

— Не смешно.

— Прости, малышка. Прости. Слишком рано для шуток, — Тай объясняет, что Рико — организатор, смешал Марко с грязью. Видимо Рико находился под прикрытием дольше, чем Тай, и помогал бороться против проституции и наркотиков, он сделал немыслимое и пошел против семьи гангстеров.

Когда поведение Нила стало подозрительным, Джей немного покопался и узнал через Рико, что Нил связался с ним о сделке, деньги в обмен на информацию, где мы прячемся. Он также обнаружил, что Нил был грязным ублюдком в течение многих лет. Использовал свою собаку, чтобы красть наркотики, кроме того Тай упомянул всевозможные другие полицейские жаргоны, которые я не понимала.

Джей выследил Нила и понял, что тот хотел сделать, но должен был позволить ему следить за похищением, так как это был единственный способ поймать его.

— Так что же все это значит? — спрашиваю я. — Я не понимаю, если Рико — один из хороших парней, почему он удерживал меня, когда... когда Марко...

— Дорогая, у меня не было выбора, — говорит Рико, — если бы я отказался от прикрытия, мы оба были бы мертвы. Я был превзойден по количеству, и мы были так глубоко в игре. Я знаю, что это было ужасно для тебя; это и для меня было непросто принимать участие в этом, но я знал, что может случиться, если я этого не сделаю. Я сохранял спокойствие, как мог.

— Почему вам понадобилось три дня? Если вы все работали вместе, почему потребовалось целых три дня, чтобы спасти меня?

— Я знал, где ты все это время была, — говорит Джей. — Но если бы мы пришли с пушками через час, Марко мог бы понять, что что-то случилось.

— Гребаные ублюдки, — Тай медленно выдыхает воздух. — Я понятия не имел, детка. Вы, ублюдки, я не слышал от вас ничего про это.

— Если бы мы сказали тебе, ты бы бросился за ней.

— Бл*дь, да. Она беременна, Джей. Вы знаете, на что он, черт возьми, способен? Что он мог с ней сделать? Иисус.

Последнее, что нам нужно сейчас, это драка, поэтому я пытаюсь разрядить ситуацию.

— Всё хорошо, — говорю я Таю, — они делали так, как лучше.

— Это не то, что было лучше для тебя.

— Ты — лучший для меня, и теперь у меня есть ты, верно?

Он оставляет поцелуй на моей макушке.

— Да, детка.

— Так что, все получилось.

— Не ожидал, что ты будешь такая стойкая, думал, тебя придется успокаивать не меньше суток, — шутит Рико.

— Женщины превосходят мужчин, — я смеюсь. — Разве ты не был там в тот день? — спросила я его. — Разве не ты там стрелял?

— Нет, я получил мало поручений, когда узнал, что они придут.

— Просто дай мне понять всё правильно, — я сажусь прямее, но Тай немедленно обнимает меня за плечи и стискивает. — Рико — хороший парень. Работает под прикрытием.

Все кивают, но Рико возражает.

— Это была моя последняя работа. Мне нужен гребаный отпуск.

Ребята смеются, как будто ничего плохого не случилось.

— Тай — хороший парень. Работает под прикрытием, — все кивают, — Джей — хороший парень, но не работает под прикрытием, — они снова кивают. — Нил. Я думала, что он хороший парень, но оказывается, что нет.

— Да, — разочарование виснет в воздухе. Черт, я тоже разочарована и разбита. Он был одним из тех, кто был у меня дома, одним из тех, кому я доверяла.

— Я не понимаю, как он мог... Я думала, он заботился обо мне.

— Деньги — слишком большое искушение, Джесса. Они меняют людей. Делают их жадными, жаждущими все больше. Люди становятся злыми.

— Как я могла быть такой слепой?

Джей прочищает горло.

— Он не всегда был плохим человеком.

— Он всегда был говнюком, — говорит Тай.

Его ревность к тому, что Нил был тем, кто меня утешал в какой-то момент, по-прежнему остается трудной темой для нас. Он ненавидит себя за то, что я полагалась на Нила, а его не было рядом. Черт, я тоже его ненавидела, но всё ведь происходит по какой-то причине, я думаю.

— Это все еще причиняет боль, — я шепчу.

— Я знаю, детка, — его рука ложится на мою.

Мне всё ещё нужно разобраться во всем, что произошло, и я продолжаю допрос.

— А как насчет пяти миллионов долларов за убийство тебя?

— Это закончилось, — говорит Рико. — Несмотря на то, что вы, ребята, подумали... Прости, Тай, — он делает паузу, — я хотел сказать вам это раньше, но только что узнал. У Марко не было настолько много денег, остальные об этом узнали, заказ отменен.

Тай смеется.

— Как может такой глупый человек быть настолько умным?

— Что? — спросила я смущенно.

— Он знал, что люди попытаются убить его, чтобы получить пять миллионов, поэтому держал их в секрете, — утверждает Тай, прежде чем я могу даже понять, что происходит.

— Я знал, что Тай его вытащит, поэтому отправил его, — говорит Рико. — Он управлял рингом для собачьих боёв, я думаю, ты бы оценила, — он смотрит на меня и подмигивает.

— Боже мой, я нахожусь в каком-то фильме или это реалити-шоу?

Парни смеются, и Тай целует мою щеку.

— Ты очаровательна.

— И ещё. Так как никто больше не знает, что Рико, который отвечает за это преступление сейчас, под прикрытием, все для нас закончено, верно? — спрашиваю я, надеясь, что кошмар кончился и что я могу начать спокойно жить с Таем.

— Да, для нас это так, — Тай целует меня в макушку. — Все кончено, детка. Я покончил с этим дерьмом и готов жить нормальной жизнью.

— Слава богу, — я кладу голову ему на плечо и вздыхаю с облегчением, которое держалось во мне с шестнадцати лет.

После пребывания в больнице, меня выписали и сразу же отправили погостить к семье. Тай проинформировал меня о том, что можно и что нельзя было рассказывать им, но, поскольку я была в порядке, никто не задавал слишком много вопросов. Я представила Тая как своего парня, на что он лишь фыркнул.

— Я не парень. Я твой мужчина.

— Извините, ребята, — говорю я достаточно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание, — Тай не мой парень, он мой мужчина.

Когда они все начинают смеяться, он подтаскивает меня к себе и усмехается в ухо.

— Ты заставляешь меня смеяться, Джесса.

— Ты делаешь меня счастливой, Тай. Очень счастливой.

Его рука напрягается, и когда я отступаю и смотрю на него, его глаза сверкают.

— Ты тоже, детка. Ты тоже.

Мы направляемся на кухню, где моя мама выкладывает еду. Я пью воду из бутылки, а Тай пьет пиво.

Мой отец откашливается.

— Хочешь посмотреть игру?

Дерьмо, если папа хочет поговорить с ним наедине, это не хорошо. Таю не нужно чувствовать себя плохо из-за того, что он не мог контролировать все случившееся.

Мои глаза расширяются, когда Тай кивает. Он наклоняется и нежно целует меня.

— Все будет хорошо, детка.

Затем он следует за папой в гостиную.

— Все будет хорошо, Джесса. Перестань беспокоиться.

— Но я не хочу, чтобы папа устраивал ему глупый допрос.

— Дорогая, дыши, — мама стоит передо мной и улыбается мне. — Папа знает, как сильно ты его любишь. Он не собирается его пугать, хорошо? Во всяком случае, он попытается заставить его почувствовать себя желанным гостем.

— Малышу лучше, — я рассеянно протираю живот. — Потому что Тай будет рядом очень долго.

Она улыбается, и я встаю с табурета, а затем пробираюсь в гостиную. Тай хватается меня за руки, и я сажусь к нему на колени и зарываю лицом в шею. Папа прочищает горло и уходит.

— Обещай, что больше не будешь меня покидать.

— Конечно, нет. Я буду с тобой до тех пор, пока ты будешь со мной. Я, черт возьми, так тебя люблю, Джесса. Ничто и никто никогда не заберёт меня от тебя снова. Я обещаю тебе. Обещаю, детка.

Глава 23

Джесса

— Нам действительно не обязательно идти сегодня вечером, если ты не очень хорошо себя чувствуешь, — снова говорит Тай, когда я хватаю свой кошелек.

— Все хорошо, милый. Это же твой день рождения.

— Но твой срок через три недели. Ты плохо спала. Мне всё равно...

Я быстро перебиваю его.

— Всё хорошо. Это твой день рождения.

Он закрывает рот и кивает, затем открывает переднюю дверь. Тай беспокоится за то, что отправился на ужин в свой день рождения со мной. Это важный день. Я хочу отпраздновать тот день, когда невероятный человек появился на Земле только для меня.

Он будет беспокоиться ещё больше, когда узнает, что у меня были схватки весь день. Но это первый наш день рождения, поэтому я должна отпраздновать вместе с ним, и я настроена, заставить его почувствовать себя особенным.

Тай обнимает мою талию и помогает мне спуститься по лестнице, а затем поднимает меня в свой внедорожник. После того, как он усаживает меня, он целует мой живот, а затем меня. Его губы задерживаются на моих, и я хватаюсь за его руку. Когда он наклоняет голову и углубляет поцелуй, я сильнее сжимаю его руку. Потому что начинается схватка. Он рычит напротив меня, его язык погружается глубже, и я хныкаю от боли в животе.

Сразу же он отстраняется.

— Я сделал тебе больно?

Я качаю головой и пытаюсь дышать, но вместо этого издаю стон.

— В чем дело?

Мои пальцы пульсируют от того, как сильно я сжимаю его руку, и когда схватка начинает исчезать, я, наконец, отпускаю его. Черт возьми, я действительно хотела сделать для него что-то особенное сегодня вечером. Он был настолько бескорыстен, с того времени как прошло несколько месяцев... Черт, он был бескорыстен все время, которое я его знаю.

— Схватки, — признаюсь я.

— Что? — его глаза расширяются, и он хлопает моей дверью, затем бежит к стороне водителя. — С тобой все в порядке? — он заводит машину и срывается с места.

Внезапный прилив влаги стекает по моим ногам, и я прижимаюсь к Таю, прежде чем сказать ему:

— Да, я так думаю.

— Что значит, ты так думаешь? Что-то не так?

Ещё одна схватка поражает меня... Черт, промежуток между схватками тридцать секунд.

— Раньше у меня никогда не было ребенка. Я не знаю, как это должно чувствоваться, но это чертовски больно! — я кричу.

— Извини, детка, — он тянется и хватает меня за руку. — Я бы забрал твою боль себе, если бы смог.

Я кусаю свою нижнюю губу, поскольку ещё одна схватка, похоже, вернулась, и она причинила больше боли, чем последняя.

— Бл*дь!

— Иисус, роды очень близки.

— У меня были эти схватки целый день, но я хотела сделать что-то приятное для тебя, так как это твое...

— Иисус, бл*дь, Джесса. Я же сказал забить на мой день рождения! — кричит он.

Он никогда не кричал на меня, и из-за сочетания боли и моих обиженных чувств, я плачу... на самом деле рыдаю. Когда другая схватка сжимает мой желудок, я кричу, и его пальцы обхватывают мои.

— Черт, детка. Прости. Я ненавижу видеть твою боль.

Я даже не могу говорить, мне так больно, но, к счастью, мы приехали в больницу. Все размывается, как только Тай устремляется в больницу вместе со мной. Пот стекает по моему лбу, и я не могу объяснить давление между моими ногами.

— Мне нужно тужиться, — шепчу я ему, когда медсестра помогает перевести меня с кресла-коляски на кровать.

— Хорошо, детка. Подожди секунду.

— Я не могу.

— Ты можешь, Джесса. Ты сильная.

Мое тело дрожит, и я пытаюсь сжать ноги вместе, чтобы ребенок не выходил, но когда я чувствую, что что-то выскакивает, я кричу.

— Я не могу!

Медсестра кричит что-то о выпуклости, и я прижимаю свой подбородок к груди и толкаю. И толкаю. Я понятия не имела, что это будет так больно. Я просто хочу, чтобы все закончилось.

Тай не перестает хвалить меня, и внезапно я ощущаю, что ничего больше не болит, и единственное, что слышу, — это крик ребенка. Мой ребенок... наш ребенок.

— Святое дерьмо, — шепчет Тай. — Детка, ты сделала это.

Он убирает прилипшие волосы с моего потного лба, и я смотрю, как медсестра омывает маленького...

— Это мальчик или девочка?

— Это девочка, — она улыбается и укладывает ребенка мне на грудь. У малышки практически лысая голова, но на ней есть небольшой пух, который, я надеюсь, останется темным. Ее глаза закрыты, поэтому я не вижу их цвета, а ее нос — самая симпатичная часть тела, которую я когда-либо видела. Я даже не подозревала, что ребенок может быть таким маленьким. Она вся в морщинках. Но при этом она идеальна.

— Она прекрасна, как и её мама, — Тай целует её лоб, потом мой, и я вздыхаю с облегчением и, наконец, смотрю на него.

— Это правда случилось?

Он улыбается и целует меня снова.

— Да, детка. Это случилось.

Тай

Джесса спит, и я держу нашу дочь, как могу, не сжимая ее. Она такая маленькая. Я провожу пальцем по ее мягкой щеке и улыбаюсь.

— Я буду хорошим папой, маленькая. Я обещаю. Я сохраню тебя в безопасности. Ты и твоя мама. Вы двое — единственное, что меня волнует.

Я никогда не думал, что это случится со мной. Что я буду папой. Или что у меня будет такая хорошая женщина, как Джесса, которая подарит мне шанс на другую жизнь.

— Привет, — ясные глаза Джессы смотрят на меня, и я улыбаюсь ей.

— Привет, детка.

Джесса тянется и касается ножки ребенка.

— Она такая милая.

— Она прекрасна.

— Я боялась, что мама никогда не уйдет, — смеется она. — Слава Богу, что часы посещения закончились, иначе мы бы никогда не избавились от неё.

— Она просто была взволнована. Твой отец тоже.

— Да. И Лэндон будет хорошим дядей. Даже если он слишком напуган, чтобы обнять ее сейчас, я знаю, что он придет.

Я киваю в знак согласия.

— Я не обвиняю его. Она такая маленькая, что я боюсь, что поврежу её.

С небольшим стоном боли, Джесса садится и зовёт меня.

— Иди сюда.

Осторожно, я передаю ей Сэди и сажусь, обнимая их обеих.

— Спасибо.

— За что?

— За то что, подарила мне единственный и лучший подарок на день рождения, который я когда-либо получал.

Джесса открывает рот.

— Ты никогда не получал подарок на день рождения раньше?

— Не-а. У мамы никогда не было денег... Если она помнила, то всегда это говорила.

— Боже мой, Тай. Это ужасно.

— Все нормально. Мне все равно, детка. Сэди компенсирует всё это. Вы восполняете всё, чего у меня не было, когда я рос. Все забытые дни рождения и подарки, которые я не получил. Вы компенсируете всё.

Я целую макушку Джессы, а затем дочь.

— Я сделала тебе другой подарок. Не уверена, что это будет лучше, чем она.

Джесса поднимает бровь, и хотя сейчас она без макияжа, она никогда не была более красивой.

— Ты сделала?

— Да. Это в моем кошельке, ты можешь подать?

— Позже. Я не хочу тебя отпускать.

— Тай, — она улыбается.

— Серьезно, детка. Позволь мне немного пообниматься с моими девочками.

Она вздыхает.

— Хорошо.

Мы сидим так примерно полчаса до того, как Сэди начинает хныкать. Джесса меняет ей подгузник и принимает помощь медсестры в успокоении Сэди, чтобы она могла покормить грудью, и когда медсестра уходит, Джесса требует, чтобы я открыл свой подарок.

Я добираюсь до ее кошелька и вытаскиваю небольшую коробочку с синим бантом.

— Что это?

— Открой.

После развязывания банта, я открываю коробку и вижу кольцо. С черной полосой.

— Спасибо, детка.

— Ты же знаешь, что это такое?

— Кольцо. Мне оно нравится.

— Тай, — вздыхает она.

— Что? — я смотрю на нее. У нее слезы на глазах. — Что не так?

— Это не должно было быть так.

— О чем ты говоришь? — я закрываю коробку и небрежно бросаю на кровать у ее ног.

— Это обручальное кольцо!

— Повторишь ещё раз? — тупо спрашиваю я.

— Я собиралась отдать тебе его за обедом...

Мое сердце подкатывает к горлу, и у меня начинается головокружение, прежде чем я сажусь рядом с ней.

— Детка, я тоже собирался сделать тебе предложение сегодня вечером, — я достаю кольцо из кармана и держу его.

Она задыхается, и слезы, которые она еле сдерживает, стекают по её щекам.

— Ты собирался сделать это?

— Да. Я подумал, что ты согласишься быть моей женой, и это было бы лучшим подарком на день рождения, — я смеюсь, и она тоже смеется. — Я люблю этот звук, Джесса.

— Я люблю тебя.

— Это значит «да»? — спрашиваю я.

Она кивает, и я надеваю кольцо на её палец.

— Конечно, да. Я не хотела больше ждать — вот почему я купила тебе его.

— Окей. Я одену его в день нашей свадьбы, хорошо?

— Хорошо. Поцелуй меня.

Я улыбаюсь, прежде чем прикоснуться к ее губам. Когда я откидываюсь назад и прижимаю лоб к её лбу, я смотрю ей в глаза.

— Это лучший день рождения.

ЭПИЛОГ

Джесса

Тридцать два года

Я подъезжаю к магазину уже после закрытия и выхожу из своего авто. После того, как нажала кнопку, чтобы закрыть свою машину, на брелоке, я иду прямо внутрь и звоню в звонок на столе.

Тай, мой прекрасный муж, выходит из-за угла, вытирая грязные пальцы об тряпку.

— Привет, детка, — он лучезарно улыбается и склоняется над прилавком, чтобы поцеловать меня. Он давно знает о том, что когда он измазан жирным и противным маслом, он не должен прикасаться ко мне.

Если только он потом не поможет мне с тем, чтобы отмыться. Вот тогда он может трогать меня, как только ему захочется.

— Привет. В общем, моя машина издает какие-то странные звуки.

Он вскидывает бровь, глядя на меня, потому что чертовски хорошо знает, что он крайне шепетилен в том, чтобы мой автомобиль работал исправно.

— Что там такое?

— Там что-то глухо шумит. Не знаю. Мне пришла мысль, что ты, возможно, захочешь проверить его, до того как я заберу Сэди из детского сада.

Его глаза загораются при упоминании о дочери, чьи глаза так похожи на его собственные. Он такой хороший отец. Я знала, что так и будет, но он превзошел все мои ожидания. Его любовь к собственной девочке — это что-то сильное и красивое. Он сильный и красивый.

— Да, конечно. Ключи.

Я протягиваю ему ключи и захожу в бокс, пока он загоняет внутрь мою машину. Я наслаждаюсь его видом, когда он наклоняется над капотом, это мускулистое тело за прошедшие годы стало еще крупнее.

— Прекрати разглядывать мой зад, — его голос эхом раздается под капотом.

— Хорошая задница.

— Я знаю, но если ты не хочешь, чтобы мое лицо оказалось между твоей, тогда тебе лучше прекратить свои гляделки, потому что ты знаешь, что в противном случае произойдет...

— Ну, хорошо, я прекратила! — я смеюсь и прохаживаюсь по его магазину, шлепая по его жесткой заднице, когда прохожу мимо него.

После всего, что произошло четыре года назад, потребовалось какое-то время, чтобы приспособиться и привыкнуть к нормальной жизни. Я вернулась на работу спустя двенадцать недель после рождения Сэди, но Тай пока не был готов оставить нашу малышку. Думаю, что он по-прежнему беспокоился о какой-нибудь мести, и честно говоря, я думаю, что он просто наслаждался на этот раз нормальной жизнью. Он сидел с ней дома до двух лет, прежде чем выйти на работу.

Он ушел с работы под прикрытием, решил больше не продолжать свою деятельность в правоохранительных органах и, наконец, открыл свой собственный магазин

автозапчастей. Все деньги, что он заработал, работая на правительство, были практически нетронуты, и Тай решил купить магазин.

Он возится под капотом, когда я провожу пальцем по полке, на которой у него стоят наши с Сэди фотографии. Я смеюсь, когда смотрю на одну из них, на которой мы на пляже в прошлом году. Тай позволил нам закопать себя в песок, и я приделала ему пару сисек и пенис, пока Сэди не видела. Конечно, на фотографии этого нет, но я помню это.

У нас так много воспоминаний на протяжении нашей жизни. Некоторые из них довольно старые, но каждое предыдущее не менее значимое, чем следующее.

— Как, черт побери, это могло раскрыться? — ворчит он себе под нос.

Мне хочется сказать ему правду, но я прикусываю язык. Как раз вовремя мой телефон сообщает о входящем сообщении.

— Эй, мой брат в городе, и он забрал Сэди из детского сада. Хочешь пойти к моим родителям на ужин?

— Да, детка. Я согласен.

Ему нравится ходить к моим родителям. Он любит все, что связано с семьей. Они с моим братом хорошо ладят, даже несмотря на то, что в самом начале было немного тяжело, потому что Лэндон слегка перегибал палку в том, что касалось опеки надо мной. Но когда я немного углубилась в прошлое и рассказала им обо всех случаях, когда Тай оказывался рядом со мной, я увидела немного понимания в глазах Лэндона.

После того, как Тай еще какое-то время повозился и сменил масло, он моет руки и следует за мной в дом моих родителей.

Как только он заходит в дверь, все начинают кричать «Сюрприз», и лицо Тая бледнеет. Я пытаюсь скрыть набегающие слезы на глаза, но когда он сжимает руку вокруг моего бедра, я не могу сдержать их.

Мои родители, мой брат, наши общие друзья, Джей и Рико, парни, которые работали с ним, — Перри и Том, и Сэди хлопают и начинают петь: «С днем рождения тебя». Сэди вырывается из рук моего брата и бежит к своему папочке. Тай поднимает ее и зарывается лицом в ее макушку, стараясь скрыть свои эмоции.

Когда в ночь рождения Сэди он сказал мне, что у него никогда не было вечеринки по случаю дня рождения, я знала, что изменю это, как только это станет возможным. Он отказался устраивать что-то для себя в этот день, после рождения Сэди, он хотел сосредоточить все внимание только на ней... мой самоотверженный мужчина.

Он поворачивается ко мне и поднимает бровь.

— Мне пришлось попросить Перри о том, чтобы немного подпортить мою машину и выиграть немного времени, — объясняю я.

Тай качает головой, целуя свою девочку, а потом он обнимает меня, притягивая ближе к себе. Его губы касаются моего уха.

— Джесс, я так люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Тай. Всегда любила.

— Всегда буду любить тебя.

Тай

Я обнимаю свою жену, пока моя дочь цепляется за мою ногу, и я не обращаю внимания на голоса вокруг меня. Для меня не имеет значения, чего это мне стоит или сколько времени я потеряю. Я бы сделал это снова и снова, чтобы заполучить этот момент... то, чего я даже не мог вообразить для такого придурка как я. Я не спрашиваю, как я оказался здесь или почему я оказался одним из тех счастливчиков, кто смог вырваться из-под влияния улиц.

Джесса — та единственная, кто, наконец, заставила меня понять, что не имело никакого значения, откуда я. Что было важно, так это то, что люблю ее, а она любит меня, и ничего — совсем ничего — не может отнять этого у нас.

Любовь всегда побеждает.

Конец